

Город сгорающих детей

Сергей Лановой

Глава первая. Прыжок

– Уже пахнуть начинает, пап.

– Настёнка, укройся. Укройся, дочка... закутай ножки.

Сергей встал, подошёл к дочери, сидящей на краю кровати в белом халате, поправил капюшон на её голове, сел на корточки напротив и через силу поднял глаза на её изменившееся лицо. Настя смотрела спокойным взглядом, немножко улыбаясь, почти виновато, словно извиняясь за то, что так его расстраивает. В груди отца сдавило, распирая изнутри холодным страхом перед тем, что время уходит, безвозвратно уходит, а он по-прежнему не может решиться. Судорожно вздохнув, он не сдержался, и на его глазах выступили слёзы, через которые было почти неразличимо обтянутое лопающейся корой лицо перед ним.

Стараясь скрыть своё состояние, он взял в ладони потрескавшиеся щёки дочери и посмотрел в мокрую сажу совершенно чёрных белков. Перламутровые капли в уголках глаз начали протекать одна за другой тонкими нитями, сплетаясь на подбородке в длинный узелок, который таял, словно карамельная палочка, опущенная в горячую воду. Дочь коснулась своей тёмной ладошкой его руки:

– Папочка... ну, потерпи. Я тебя очень люблю... очень-очень... ты же знаешь...

Сергей не сказал ни слова, бесцельно поправляя на ссохшемся девичьем тельце снежно-белый халатик и смотря в открытый зев капюшона, откуда ему навстречу плыли успокаивающие слова. Слова, на которые он отвечал рассеянно, словно лишь для того, чтобы выиграть какое-то несуществующее время. Да и не было его уже. Времени. Совсем не было.

– Укройся, ты дрожишь... не бойся... я решусь. Про Петьку тоже помни.

Он посмотрел в угол комнаты, где маленьким комочком на огромном диване, белея пятками и завертев на себя одеяло и простыню, спал её маленький брат.

– Папа... мне надо это сделать... прямо сейчас. Время, пап.

Отец ответил поспешно, уже ожидая эту фразу:

– Подожди, дочка... не могу. Дай мне ещё пару минут. Укройся... я сделаю чай, твой любимый, с имбирём.

С усилием придав голосу шутливое выражение, он добавил:

– Даже шоколад ещё есть. Петька не нашёл, я его в шкафу спрятал.

В ответ дочь засмеялась тихим колокольчиком, эхом отражающимся от стеклянных предметов, своим привычным смехом, по которому её можно было сразу узнать, закрыв глаза – изменения не затронули голос, забрав всё остальное.

Сергей тяжело поднялся, покачнувшись от вдруг нахлынувшего головокружения. Подошёл к большому и низкому стеклянному столику в середине комнаты, на котором уже стояли три чашечки и всё необходимое к чаю, включил подсветку стола, затем слегка прибавил громкость у встроенного в стену телевизора, который он смотрел почти без звука, и начал сервировать поднос. Он стоял спиной к дочери, чтобы заслонить её от матовой подсветки, зная, что свет причиняет её глазам боль. Девочка тоже встала, папиным движением качнувшись от потерянного равновесия, запахнула плотнее свой белоснежный халатик и пошла к широкой лоджии, освещённой снаружи бордовыми лучами восходящего солнца. Её фигурка была легка и неслышна, мягко передвигаясь по ковровому покрытию почти летящими шажками, и Сергей не заметил, как она оказалась у тонких балконных перил. Он обернулся, когда тихий голос прошелестел:

– Папочка... я пошла.

Мгновенно расширившимися бешеными глазами Сергей смотрел на дочь, стоящую к нему спиной на самом краю перил, одной рукой держась за стену, а другой зажимая на груди бьющийся от ветра халатик маленьким чёрным кулачком. Сергей смотрел и не мог двинуться с места.

– Доченька... малыш...

Не оборачиваясь, девичья фигурка оттолкнулась от стены и белым комком полетела вниз.

Глава вторая. Звезда

В этот городок они приехали несколько дней назад, путешествуя на машине по заранее составленному маршруту, полному многокрасочных и лёгких по достижению мест. Название было замечательное – "Город Игр", и они собирались провести здесь минимум неделю, наслаждаясь

летним беспределом на песчаных пляжах и в игровых парках, рекламой которых Петька уже полгода заученно и монотонно сводил с ума:

– Посетите наши оборудованные пляжи и детские аттракционы, равных которым вы не найдете даже на краю Земли! Посетите!!!

На краю Земли никто из них не был, но маленькому Петру это было до лампочки, и он просто повторял рекламный слоган каждый раз, когда вспоминал о предстоящем лете. Его сестра Анастасия тоже не имела ничего против того, чтобы слегка побеситься на солнышке и в городах-аттракционах, куда её постоянные фантазии убегали за время учебного года неоднократно.

И вот настал день, когда папа зашёл в комнату, значительно посмотрел на обоих ребяташек, притихших от спокойно-торжественного выражения его лица, и сказал:

– Завтра мы едем в Город Игр. Вы ничего не имеете против?

Ещё пару секунд сохранялась звенящая тишина, а затем взорвавшийся гам и нечленораздельные крики наполнили комнату, дом и большую часть улицы. Оба повисли обезьянками на отцовских руках, вскарабкались к нему на плечи и оттуда самозабвенно орали, не обращая внимания на зажмурившегося отца, пытающегося удержаться на ногах.

Сборы заняли немного времени, детские чемоданчики были уже частично подготовлены, а своих вещей Сергей никогда не брал больше, чем спортивную сумку. Что же касается спальников, чашечек, ложечек и термосов – это было делом привычным, поскольку "в свет" они выезжали уже не в первый раз и процедуру подготовки к дороге дети хорошо знали. Но всё-таки это не мешало появлению во всей квартире общей атмосферы лёгкого бардака.

– Я возьму моё радио, моего робота и "Лего", – сказал Петька серьёзно, показывая, что дискуссия бесполезна, и всё перечисленное будет не только взято, но и дополнено другими, ещё не названными предметами. С ним никто не спорил, поскольку это было напрасной тратой времени, а упомянутые ценности много места не занимали. Настя в этот момент собирала свою дорожную сумку, в которой уже не хватало места для девичьих штук, без которых ни одна нормальная девочка никуда не поедет: зеркальца, расчёски, какие-то камушки, листочки с надписями, в которых только она могла разобраться, электронная игра с головоломками и уже плачущий от бессилия сотовый телефон.

– Заряди телефон, – прокричал из большой комнаты папа, – иначе крикнет по дороге.

Через пару часов всё было собрано, уложено, вода отключена, дверь закрыта, машина заведена, и горячий асфальт побежал перед глазами как ровный коврик серого цвета, ведущий в Страну Которая Ждет.

Дорога была спокойной и веселой, до места доехали практически не останавливаясь, если не считать съездов к придорожным кафе для возможности перекусить и ночлега. И вот уже с правой стороны машины за деревьями засверкало что-то блестящее, рассыпающееся под солнцем серебряными искрами и влетающее в раскрытые окна свежим воздухом.

– МОРЕ!!!! – разом заорали Настя с Петькой, и автомобиль наполнился визгом, криком и прочими звуками, которые должны были показать, что море замечено, никуда не денется, и до лампочки, что об этом думает само море.

Отель нашёлся прямо на берегу, сразу после въезда в город. Несмотря на горячий сезон, в отеле оказались свободные места, и Сергей, задав маленькой женщине за стойкой несколько вопросов, быстро оценил очевидные достоинства варианта, после чего, недолго думая, согласился.

– Немного дороже, чем рассчитывали, но зато рядом с водой, спокойно и от центра не слишком далеко.

Номер оказался замечательный, с просторной гостиной квадратной формы, на стене которой висел огромный, размером со школьную доску, плоский телевизор, а вместо одной стены сдвигалась в сторону стеклянная дверь, выпуская на лоджию, откуда далеко внизу была видна детская площадка. Море плескалось всего в сотне метров, отгороженное от здания отеля красиво подстриженным низеньким кустарником невероятной формы, напоминающим сразу и яйцо и ёлку. Телевизор был немедленно включён, а чемоданчики раскрыты.

Разместившись в двух комнатах, путешественники занялись своими делами, раскладывая вещи по шкафчикам и тумбочкам. Всё проходило предельно быстро, поскольку отказываться от возможности искупаться ещё сегодня не хотел никто.

Сергей справился со своими вещами и, в ожидании ребятни, сел на диван перед телевизором, вслушиваясь в испанскую речь журналиста, похожего на Дон Кихота – худого, костлявого, с красным блеском невысыпавшихся глаз, который возвышался над головами находящихся в лекционном зале и рассказывал о том, что какая-то группа под чьим-то руководством наблюдает сейчас рождение какой-то звезды какого-то типа в районе какого-то

созвездия. Сергей безуспешно попытался уследить за абсолютно непонятным для него описанием астрономического феномена:

– Ученые оказались свидетелями рождения звезды, которая по всем характеристикам уже собирается умирать. Подобного ещё не случалось за всю историю астрономии. Импульсивность звезды настолько велика, что её можно наблюдать невооружённым взглядом, – возбуждённо говорил Дон Кихот в микрофон, держа правую руку козырьком над глазами, защищая их от бьющего в окно солнечного света, и Сергей вспомнил, что забыл в машине свои солнцезащитные очки. Он встал и выключил телевизор.

– Кто-нибудь уже готов или я иду один?! – он кричал в сторону занятой детьми комнаты, и ответом был топот двух пар ног, после чего Настя и Петька с готовностью выросли перед отцом, преданно заглядывая ему в глаза.

Спустившись вниз и мимоходом перепробовав всё на игровой площадке перед гостиницей, дети рванули к ждущему их на выходе Сергею, а уже через пару минут, побросав одежду в кучки на разложенные полотенца, все трое бросились в воду. Море было великолепно – садящееся солнце окрашивало воду в теплые цвета, а небо светилось такой синевой, что казалось специально раскрашенным и наклеенным.

Заняться здесь было чем, и самую кипучую деятельность развил, разумеется, Петька, бегая по пляжу в поисках строительного материала для своего нового проекта. Сергей искупался с детьми, забрызгав их и покрутив по воде, потом улёгся на полотенце и несколько минут рассеянно смотрел за мельтешением двух беспокойных тел. Увидев неподалёку пляжное кафе, он встал, помахал рукой зевающей в одиночестве хозяйке и купил три замечательно выглядящих мороженных. А ещё узнал, что людей сегодня почти нет, потому что все отдыхающие ушли в город на какой-то открытый концерт, а вот завтра здесь будет полно народа и возможно даже ещё теплее, чем сегодня. Сергей уже возвращался к своему полотенцу, издавывая Насте и Петьке купленное лакомство, когда к нему учтиво обратился очень быстро говорящий по-испански спасатель с пляжа, красавец-парень, вежливо пояснивший, что маленький мальчик по имени Петер (Это же ваш сын?) – собирает по пляжу незанятые шезлонги и строит из них какую-то конструкцию, размеры которой уже приближаются к размерам гостиницы.

– Сеньор, я его спрашиваю, что он делает, а он отвечает – пиратский корабль, а на мои слова, что не надо собирать шезлонги со всего пляжа... вон, посмотрите, он ещё два тащит!..

отвечает, что они всё равно незанятые, а завтра он снова сюда придет с папой, это с вами, да? – и папа поможет всё расставить по своим местам.

– Сделайте что-нибудь!

Почти с мольбою выкрикнув последние слова, красивый спасатель получил от Сергея заверение, что строительный энтузиазм маленького зодчего будет проконтролирован. После этого парень пропел: "Грасиас, сеньор!" и растворился в своей спасательной будке.

Возвращаясь после разговора со спасателем к своему месту, Сергей издали обратил внимание на примечательную фигуру, появившуюся на пляже. Совершенно белые, всклокоченные волосы сидящего на песке человека метались на ветру, словно паутина, делая его голову похожей на горящий белым огнём шевелящийся шар. Специально проходя мимо, Сергей увидел старика, который не отрываясь смотрел на купающихся возле берега полную женщину и худенького мальчика, тощие предплечья которого были завернуты в оранжевые надувные нарукавники. Не останавливаясь, Сергей пошёл дальше к ребятне и дал команду собираться, поскольку, пробарахтавшись в воде полтора часа, дети начали мёрзнуть от свежего вечернего ветра. Солнца в это время уже почти не было видно, только красная горбушка на горизонте устало зарывалась в оранжевые облака.

Придя домой и смыв морскую соль струями тёплого душа, все легко поужинали, хотя слово "легко" не было уместным, поскольку дети, после купания голодные и бесстрашные, готовы были прикончить какао и булочки, хлеб и лимонад, колбасу с водой или лук с ананасом. Ананаса не было, с луком тоже было напряжённо, но какао в шкафчике на кухне оказалось в достатке, и ароматных булочек Сергей купил в нужном количестве, зная, какой опасности подвергается кухня, когда его дети приходят после купания домой.

Наевшись, Петька стал клевать носом, отдав все силы на постройку корабля, борьбу с волнами и с едой. Уже полностью поверив в сбывшуюся мечту последних месяцев, он легко дал себя уложить и только привычно прошептал, уже с закрытыми глазами и натянутым до носа одеялом:

– Пап... спой чего-нибудь.

Сергей, подав дочери сигнал вести себя тихо, сел на край постели и запел сыну одну из тех песен, которые он обычно пел детям дома, наигрывая себе на гитаре. Через пять минут Петька уже спал, разбросав руки в стороны и дыша глубоко и спокойно. Сергей осторожно встал, поправил его одеяло и на цыпочках подошёл к сидящей на диване дочери.

Спать ему не хотелось. Настя тоже не проявляла желания упасть в постель, поэтому они просто сидели перед телевизором, болтая о прошедшем дне и допивая остатки какао.

– Нравится тебе здесь? – спросил Сергей, наблюдая, как его дочь пытается слизнуть с локтя капли какао, невероятным образом попавшими туда. Настя, справившись с частью задачи, вытерла невыполнимую миссию бумажным полотенцем и, выдув из папиного стакана остатки сладкого напитка, пробулькала, всем телом повернувшись к отцу:

– Угру... тролько дрень брыстро закрончилсря!

Ещё через полчаса усталость всё-таки начала одолевать оба отчаянно бодрствующих организма.

– Пойдём на балкон? – предложил отец дочери, убрав посуду со стола и включая везде ночное освещение. Настя кивнула головой, взяла отца за руку и вместе с ним вышла в залитую лунным светом ночь. Они стояли, облокотившись о перила, и смотрели на чёрную рябь моря, блестящую серыми искрами от света молодой Луны. Мягкий шелест прибоя и скрежетание сверчков делали ночь похожей на музыкальные дорожки, по которым тихо рассыпались стеклянные капли.

– Уже придумала, что будем делать завтра? – спросил Сергей, рассматривая профиль дочери, кажущийся в свете луны на фоне чёрного неба головкой фарфоровой куклы тончайшей работы.

– Завтра будет видно, – рассудительно прошептала Настя, неподвижно уставившись на лунную дорожку, похожую на перевернутую сосульку. – Петька хотел в аттракционы и аквапарк, к дельфинам, а я бы лучше испробовала мой новый водный матрац, который мы купили по дороге.

Речь шла о надувном матраце, который был куплен ещё дома перед отъездом, и который, следуя Петькиным требованиям, должен был принадлежать ему, однако он уступил своё право на плавающую роскошь в обмен на Настины водные очки, предложенные ему сестрой согласно тонкой тактике ведения переговоров.

– Петька встанет раньше всех и, я уверен, первым делом попытается надуть матрац... – начал Сергей, как вдруг неожиданно опустившаяся тишина заставила его замолчать. Ни единого движения не осталось в воздухе, ни малейшего писка или стрекота насекомых, и шум моря стал глухим и низким, как работа дизельного двигателя глубоко под землей, словно там медленно билось чьё-то огромное сердце. Сергей посмотрел на воду, но с ней не происходило ничего необычного, лунная дорожка спокойно убегала к горизонту, направляя взгляд на тоненький месяц,

почти лежащий на спине и похожий на колыбель для невидимого ребёнка. В этот момент Настя схватила отца за руку и, показывая пальцем куда-то вверх, шумно прошептала:

– Па... смотри...

Сергей поднял голову к безоблачному, чёрному небу и увидел крохотную звёздочку, похожую на точку, яркую, как от лазерной указки. Звезда пульсировала и переливалась, она казалась игольным проколом в чёрной бумаге, за которой кто-то двигал ярко освещённую серебряную пластинку. Несколько секунд Сергей заинтересованно следил за небесной иллюминацией, а потом странное свечение начало расплываться перед его глазами, не переставая выплёскиваться мягкими пронзительными ударами из маленького отверстия в чёрном небе. Казалось, что истечение света происходит в такт биения сердца, выливаясь, словно кровь из проколотой вены, забирая силы и заволакивая сознание освещённым изнутри белым покрывалом. Сергей почувствовал головокружение, подымающуюся к горлу тошноту и, машинально закрыв глаза, несколько секунд ждал, когда это пройдет, содрогаясь от бьющегося по всему телу пульса, но вдруг перед закрытыми глазами он увидел стремительно выплывшую картинку, которую потом вспоминал постоянно – группа детей, различного роста и возраста, восемь-десять маленьких фигурок, на разном расстоянии друг от друга, стоят чёрными силуэтами на фоне растущего за ними сияния. Свечение нарастает, нарастает, как нарыв, поглощая детские контуры, растворяя их в своей иллюминации до тех пор, пока от фигурок не остаются только тёмные черточки, растекающиеся в ослепительном свете... а потом исчезают и они... и всё погружается в темноту... и только неразличимый шёпот нескольких голосов... детских голосов... то нарастающий, то почти неслышимый, в котором он никак не может разобрать слов. И один из них, да, вот этот, он же знает этот голос, знает его, слышал его часто и совсем рядом, до боли знакомый голосок, вдруг непонятно выкрикнувший что-то такое, от чего душа сжалась, как от пронзительного укола. Сергей почувствовал отчаяние от невозможности понять сказанное, и сразу пришло ощущение какой-то страшной потери, с которой нельзя было мириться, невозможно, потому что там и его дети. Он знает это совершенно точно, они тоже там, и от этого сознания сердце сжалось, как стальная пружина, готовая лопнуть в любой момент, разорваться, разбивая и ломая всё, что могло оказаться на его пути – кости, мясо и начинающую тихо подвывать душу, только чтобы не упустить момент, чтобы помешать им сейчас уйти, остановить их. Либо пойти с ними.

– Папа, ты что?! – вдруг донеслось до него откуда-то издалека и, открыв глаза, качнувшись как от удара, Сергей обнаружил, что почти до половины перегнулся через перила, уперевшись в

них руками, на которых сейчас повисла его дочь, пытаюсь оторвать хватку побелевших пальцев от холодных кованых поручней.

– Ты что?! Ты что, пап?! – заглядывая к нему в глаза и поглаживая его ладони, повторяла Настя снова и снова. Какое-то время Сергей ошарашенно смотрел на неё, понемногу приходя в себя и чувствуя ползущий по плечам озноб от того, что он только что увидел. Затем он взял ладошки дочери в свои и несильно сжал их, глядя в огромные, как озера, глаза:

– Настёнка... я что-то поплыл. Давно такого не было. Вообще не помню. А ты... ты сейчас ничего не чувствовала?

Он смотрел ей в глаза как в окно, в котором отражалась его наклонившаяся фигура.

– Нет, ничего особенного, пап, – так же неотрывно смотря на него, проговорила дочь, – ничего, только жарко стало, как под солнцем, это от неожиданности, когда я увидела, что ты за перила взялся и перегнулся через них так далеко. Ты напугал меня... ты напугал меня, пап, напугал очень!

– Всё в порядке, в порядке... всё-всё, – заторможенно повторял отец, прекрасно понимая, что о порядке говорить не слишком уместно. – Со мной такое впервые, могу предположить, что вы с Петькой меня сегодня немного пережарили и перекупали.

Перед глазами Сергея всё ещё плыли фиолетовые круги, и он, моргая, пытался сбросить неприятное ощущение изменившегося цвета. Небо казалось земляной стеной, увитой жесткими корнями твёрдых облаков, а волны моря разливались белой тяжёлой ртутью по совершенно чёрному песку. Стараясь придать своему голосу шутовское выражение и борясь с холодным чувством внутри, Сергей пытался убедить себя, что та светящаяся картинка, которую он только что увидел, всего лишь результат прилично нагретой за день головы. Но неприятное чувство снова растекалось дрожью по покрытым холодом плечам, когда он вспоминал громкий шёпот, который так и не смог разобрать, и детские фигурки, одна за другой уходящие в ослепительный белый свет.

Глава третья. Пятно

Проснувшись утром, Сергей первым делом заглянул в спальню, где спали дети. В сумерках комнаты он подошёл к окну и поднял деревянные жалюзи. От хлынувшего волной света Петька зажмурил глаза, натянул одеяло на голову и возмущённо забормотал:

– Па-а-а... ну ты же вчера сказал, что когда встанем, тогда и проснёмся! – затем он несколько раз перевернулся под одеялом и вылез из-под него с другой стороны. Сергей подхватил его на руки, этого маленького, непостижимо везде успевающего пацана, трущего ещё закрытые глаза маленькими кулачками и уже составляющего себе план действий на сегодня. Настя спала беспробудным сном человека, которому не надо в школу.

Сергей опустил на пол уже окончательно проснувшегося и немедленно ставшего активным сына, сразу потеряв его из вида, сел на край постели дочери и погладил её по голове. Затем наклонился и прошептал:

– Вставай, полуночица.

Он говорил прямо в ушную раковину, следуя обычной процедуре пробуждения, когда шея и плечи дочери покрывались гусиной кожей, после чего любой сон был непоправимо разрушен. И вот теперь она ворочалась под одеялом, уклоняясь от шёпота, и тихо смеялась горсткой маленьких колокольчиков, рассыпанных по измятой подушке.

– Вставай, малыш. Настён, вставай.

Сергей наклонился к её уху ещё раз и вдруг остановился, увидев проходящую по ушному краю отчётливую коричневую коросточку, похожую на ожог. Уже нетерпеливо тряся дочь за плечо, он вызвал недовольное ворчание, а затем увидел пару с трудом раскрывшихся, почти обиженных, глаз.

– Пап... ну давай ещё пять минут? Мне надо ещё пять минут... ну, или шесть... чтобы выспаться... каникулы же, чё ты?

Сергей наклонился к самому её лицу и тихо спросил:

– Настёна, что у тебя с ушком? Где поранила?

Сонно, но заинтересованно взглянув на отца, Настя подняла ладони к ушам, ощупывая их кончиками пальцев:

– Я поранила? Где? Что не так?

Сергей направил её пальцы к краю ушной раковины, и Настя, нащупав грубый след коросты почти в три сантиметра длиной, недоумённо подняла глаза. Несколько секунд она с обескураженным видом мяла ранку пальцами.

– Пап, не знаю... правда, не знаю. Наверное, вчера на пляже, когда с Петькой играла.

Может, ударилась где-то об его корабль. Ты же видел, он построил пиратский корабль из того, что насобирали по берегу.

Сергей вспомнил вчерашнюю гигантскую конструкцию и спасателя, давшего разрешение на застройку пляжа.

– Мда, – сказал он задумчиво, – пацан собрал двенадцать шезлонгов, а один затащил в воду, потому что это была вражеская шлюпка, и её надо было потопить. И она потонула, естественно.

Он улыбнулся и обнял расположившуюся у него на груди дочь:

– Хорошо, с ранениями разобрались, теперь чистить зубы и завтракать. Живо!

Анастасия рванула из постели загоревшей на солнце стрелой со взъерошенными волосами, скинула одеяло, и Сергей тут же увидел пятно у неё на спине, ниже левого плеча, и ещё одно – между лопатками.

– Стой, Настёна! У тебя полно этих ранок. Ты где валялась?

Настя растерянно пыталась посмотреть себе за спину, потом подошла к зеркалу, повернулась к нему боком и увидела тёмные, как ожоги, пятна. Потом наклонилась и обнаружила ещё одно на левом бедре и два совсем маленьких на правой лодыжке.

– Пап... что это? Я не билась здесь. Точно знаю.

Сергей рассматривал ранки с надеждой, что характер повреждений подскажет ему их причину, вспоминал свои бесчисленные случаи экстремальных ситуаций, но ответа не находил.

– Позавтракаешь, – сказал он серьёзно, – поедем к врачу. Надеюсь, страховка здесь действует.

Он подошёл к сыну, играющему в компьютерную игру, настолько занявшую его внимание, что он ни единым движением не отреагировал на полную проверку своего маленького тельца, сантиметр за сантиметром осмотренного отцом. Не найдя ничего похожего на пятна дочери, Сергей немного успокоился:

– Ну, ладно. Через две минуты за столом! Если опоздаете – съем ваш шоколад.

Немедленный топот в направлении стола возвестил о том, что угроза была уместной и достаточно действенной, чтобы сократить время на сборы – Сергей хотел как можно быстрее получить ответ на происходящее. И через двадцать минут они вышли из отеля в уже нагретый утренним солнцем воздух.

Глава четвёртая. ЧП

Оказавшись на улице, Сергей не мог отделаться от ощущения изменившегося цвета. Это было похоже на взгляд через рыжее стекло, меняющее привычные цвета на красивую, богатую, но совершенно другую гамму.

– Зря я всё-таки вчера забыл в машине очки, – пробормотал он, зажмуривая и снова широко открывая глаза, – сжѐг сетчатку.

Сразу за дверями им встретился вчерашний пляжный спасатель, который не только очень приветливо поздоровался со всеми сразу, но и спросил, не будет ли сегодня какого-нибудь нового строительного мероприятия. Как оказалось, спасатель работал при гостинице и сегодня у него выходной. Идея поручить ему Петьку возникла сразу, поскольку брать вездесущего пацана с собой не хотелось. Растущая тревога за состояние дочери диктовала необходимость устранить возможную опасность для сына.

– Как тебя зовут, амиго?

– Эмилио, сеньор.

– Можем договориться о присмотре за моим пацаном. Я заплачу. Вернусь часа через два. Попробуем?

– Но проблема, сеньор. Только мы не будем строить корабли, да? – Эмилио посмотрел на сразу погрузневшего мальчишку и предложил: – Но мы можем строить замки. – И поспешно добавил: – Из песка!

Петька энергично кивнул головой, и Сергей, взяв с него обещание слушаться и не шалить, сел с дочерью в машину и направился к медицинскому центру недалеко от отеля.

Огромное здание медицинского центра, построенное из стекла и бетона, создавало впечатление пустынности, и пришлось немного побродить по многочисленным указателям, прежде чем Сергей сообразил, что в своих думах прошёл мимо регистратуры, ещё на входе, после чего строевым шагом повернул с дочерью назад.

– Волноваться нельзя, – успокаивающим голосом говорил он Анастасии, – иначе можно куда-нибудь не дойти. А нам надо.

Сразу после его слов, напротив светящихся снаружи входных дверей, показалось спасительное окошко с почти невидным за ним полусонным женским лицом.

– Нам сюда, Настѐн, пришли.

Войдя в пустой холл, в котором их шаги раздавались многократным эхом, они подошли к регистрации и обратились к девушке, уже с бодрой готовностью смотрящей на пришедших:

– Добрый день, – Сергей держал Настю перед собой, обнимая её за плечи, – у нас проблема. Нам нужен врач.

– Да, конечно, – быстро ответила девушка. – Что случилось?

– Сегодня утром я обнаружили странные пятна на коже дочери, хотелось бы узнать причину.

Сергей говорил, улыбаясь, стараясь голосом скрыть волнение, которое стало ещё больше, когда он увидел реакцию слушающей его девушки. Она посмотрела на Настю встревоженно, затем быстро опустила глаза к заполняемому формуляру, поставила печать и протянула исписанный листок:

– Кабинет 2204. Доктор Рудин. Вон там, слева по коридору.

Раскрывшаяся дверь названного кабинета отвлекла внимание Сергея. Он смотрел на выходящую женщину, ведущую мальчика лет десяти, у которого бинтами были перемотаны руки, а белые пластыри закрывали значительную часть лба и шеи. Женщина почти испуганно посмотрела на Сергея с дочерью и, взяв мальчика за плечи, быстро повела его в направлении выхода, что-то непонятно шепча на ходу и по-прежнему косясь глазами на стоявших у регистратуры мужчину с девочкой.

– Видишь, малыш, не одни мы тут такие, – задумчиво произнёс Сергей, провожая взглядом выходящую из дверей пару и пытаясь справиться с нехорошим ощущением внутри.

– Идите, вас ждут, – девушка в окошке ободряюще кивнула, и Сергей с дочерью вошли в пахнувший кварцевой лампой кабинет. В глаза бросились расставленные на столе разноцветные маленькие игрушки, табличка с именем "Роман Рудин" и клиновидная бородка маленького доктора, который, сильно щурясь и добродушно улыбаясь, указал вошедшим на два стула и неожиданно высоким голосом, обращаясь к Насте, произнёс:

– Здравствуй, принцесса. Чем я могу тебе помочь?

Посадив притихшую Анастасию на стул, Сергей сел сам и пару секунд собирался с мыслями:

– Не знаю, с чего начать. Сегодня утром, разбудив дочь, я обратил внимание на пятна у неё на коже, похожие на коросту от ожогов. Сначала увидел ранку на её ухе и подумал, что она просто стёрла его, случайно в падении проехавшись по песку – они с братом довольно активно играют, но потом обратил внимание на такие же пятна на её спине, а потом на ногах... Настя, покажи.

Встав к врачу боком, Настя подняла волосы, и Сергей, наблюдая за ней, внутренне похолодел: вместо трёхсантиметровой полоски, которую он видел сегодня утром, по всей задней стороне уха его дочери растеклось тёмное пятно, проходящее по середине шеи и теряющееся под маечкой.

– Пропади всё... это что ещё такое? – громко прошептал он и, сделав Насте знак поднять руки, стянул с неё майку, открывая обширное коричневое поле на спине, соединяющееся с тем, что спускалось от уха, и уходящее с правой стороны к животу и груди.

– Доктор, – он смотрел на врача непонимающими глазами, – этого не было сегодня утром... было только несколько пятнышек около трёх сантиметров длиной. Что это за дрянь?!

Внимательно осмотрев тёмные пятна, врач осторожно обвёл пальцами места повреждений на Настинной спине и дал ей знак снова одеться. Повернувшись к Сергею, он посмотрел взглядом человека, которому совершенно не хочется говорить то, что он сказать должен:

– Знаете, вы у меня не первые сегодня, – он пролистал журнал у себя на столе. – Это уже четвёртый случай таких повреждений. И все – именно дети. В моей практике такого не случалось, и я не буду знать, что ответить, пока не получу результаты анализов, которые я беру сегодня у всех. Прежде всего – анализ крови. Потом я сделаю обычную перевязку, и мы будем ждать заключения. Надеюсь, учитывая ситуацию, результат придёт мне на электронную почту уже сегодня вечером. Я жду вас завтра утром, в десять часов, и очень надеюсь, что у меня будут ответы и для вас, и для всех остальных, кто сегодня ко мне приходил. Сейчас могу только посоветовать не волноваться и понять, что мы имеем дело, скорее всего, с каким-то заражением на пляже. А теперь, принцесса, мне нужна твоя рука.

Сделав всё необходимое и набрав в трубочки нужное количество крови, врач повторил:

– Завтра утром, хорошо?

Сергей коротко кивнул головой:

– А куда мы ещё можем обратиться? Вы понимаете – целые сутки... если эти штуки так выросли за два часа... Я не могу ждать.

– Вы просто ничего не узнаете сейчас, – врач говорил успокаивающим голосом. – Везде будет одно и то же. Куда бы вы ни поехали, у вас возьмут такой же анализ и отправят его в лабораторию. Везде. Понимаете? Вам необходимо успокоиться, хотя я вполне могу понять, что это непросто.

Настя сидела, обхватив руку отца и прижавшись к его плечу головой. Она была похожа на испуганного щенка, молча прислушиваясь к разговору и неподвижно глядя на доктора. Поймав её

взгляд, врач вдруг замолчал и, резко отодвинувшись на стуле, открыл ящик стола, вытаскивая из него перевязочный пакет:

– У неё кровь, – разрывая упаковку, сказал он, и Сергей, ошеломлённо наклонившись к дочери, увидел тоненькую красную струйку, вытекающую у неё из носа. Сергей глухо выматерился, закричав затем в полный голос:

– Настенька, дочка! Что с тобой?!

Настя, испуганно смотря на отца, провела ладошкой под носом, оставляя широкую красную полосу на щеке, а из её носа, словно торопясь, побежала новая струйка, растекаясь по влажному следу и капая на белую маечку. Настя посмотрела на свою ладошку, испачканную кровью, потом на отца, затем повернула голову к врачу, словно ожидая помощи, снова повернулась к Сергею, и он увидел, как её глаза наполнились слезами:

– Настёна, малыш, мы не будем ждать до завтра, мы всё узнаем уже сегодня и сегодня же начнём лечить твои болячки, чем бы они ни были! Так, доктор?! – крикнул Сергей врачу, смотря на него сверху вниз, пока тот прикладывал к Настиному носу быстро ставший розовым бинт, ощупывая пальцем её переносицу.

– Да... знаете... я думаю, это экстренный случай... сейчас я сам поеду в лабораторию, дождусь результатов анализа, сделаю пару звонков и вернусь сюда самое большее через четыре часа. Буду ждать вас здесь. Возьмите это, пригодится... – он протянул Сергею ещё один перевязочный пакет, сделал короткую запись в журнале, бормоча вполголоса: "Детали описывать некогда, потом запишем", – вызвал по селектору медсестру и сказал ей, почему-то указывая при этом в окно:

– Я сейчас уезжаю, если дети будут поступать ещё, пусть ожидают меня к пяти часам вечера. Я приеду не один. У нас ЧП.

Медсестра, не отрывая взгляда от девочки, держащей под носом розовый бинт, наклонилась к самому лицу врача:

– Доктор, там, в приёмной, ещё трое, с родителями, пришли в течение последних десяти минут.

Врач посмотрел на неё, потом на Сергея, затем перевёл взгляд на Настю и сказал ей, комкая в руках порванную упаковку от перевязочного пакета:

– Всё будет замечательно, принцесса. Иначе просто быть не может. Ты же мне веришь? – он наклонился к девочке совсем близко, смотря в её испуганные глаза, и, похлопав обеими ладонями по худеньким девичьим плечам, снова повернулся к Сергею:

– Через четыре часа. И ещё одно – на всякий случай соберите дочери всё необходимое, если она останется здесь.

И, повернувшись к медсестре, почти выкрикнул:

– Зовите остальных!

Выходя из кабинета, Сергей увидел в приёмной несколько взрослых и троих ребятшек, настороженно смотрящих и пытающихся заглянуть в кабинет врача. У одного из мальчишек был отчётливо виден коричневый след на лбу, уходящий к шее и теряющийся под воротником футболки. Высокая женщина с очень бледным лицом вскочила со стула и подошла к Сергею с дочерью, в волнении сжимая ладони:

– У вас тоже, да? Что-нибудь известно? Вам что-то сказали?

Взяв Настю за руку, Сергей повёл её к выходу, отгораживаясь от слишком близко подошедшей женщины:

– Надеюсь, что к вечеру скажут больше, – и, ведя дочь перед собой, быстро вышел из клиники.

До машины шли молча. Оказавшись на улице, Сергей снова машинально закрыл веки и даже сильно потёр их ладонями, надеясь сбросить рыжее освещение, с утра преследовавшее его глаза. Он не выпускал Настину руку, периодически успокаивающе сжимая её, пытаясь справиться с желанием прямо сейчас поехать в какой-нибудь другой медицинский центр, в котором, как он понимал, вся история повторится. Чувствуя логику в словах врача, он только мысленно молился на сегодняшний вечер, когда должны будут появиться ответы на вопросы, заботившие его больше всего: что происходит с его дочерью.

Глава пятая. Зеркало

В машине Настя отвернулась к окну и стала водить по стеклу пальцем, рисуя невидимые узоры. В зеркало заднего вида Сергей тревожно смотрел на дочь, сохраняя молчание до тех пор, пока движение её пальца не превратилось в визг. Повернувшись, Сергей увидел, как Настя с силой давит пальцем на прозрачную поверхность, словно в желании проткнуть её.

– Настёна, перестань. Что за игры? Всегда можно сделать напряжённую ситуацию ещё более напряжённой. Не надо. Слышишь, малыш? Всё будет хорошо. Залечим мы твои болячки.

Он говорил спокойно, стараясь не придавать голосу излишней строгости.

Настя повернулась к нему, забралась с ногами на сиденье и обхватила колени руками. Какое-то время она сидела так, смотря на руку отца, лежащую на рычаге переключателя передач, а затем задумчиво пробурчала:

– Всё будет хорошо. Так хочется, чтобы было. А то каникулы дурацкие получаются.

Поёрзав плечами, она добавила:

– У меня кожа чешется, пап. Весь день не чесалась, а теперь чешется.

Сергей пожалел, что в суматохе не спросил у врача о возможности принимать душ, решив позвонить в больницу из гостиницы:

– Откуда же я знал... – бормотал он себе под нос, – да он и сам перенервничал, врач наш. Вон как забеспокоился, когда кровь пошла. Не каждый день такое. Какой тут, в баню, душ?

Сзади его обняли две тонкие руки. Сергей увидел в зеркале лицо дочери и её блестящие глаза.

– Ты чего, малыш?

– Просто так. Ты волнуешься. А сложную ситуацию всегда можно сделать ещё более сложной.

– Напряжённую, ты перепутала.

– Вот и не напрягай, ладно?

– Ну даёшь, принцесса. Молодец. Кстати, мы приехали. Пошли искать твоего брата.

Они забрали Петьку у совершенно измученного Эмилио, который сердечно поблагодарил "за знакомство с этим представителем племени Живучих и Умных", рассказал, что его тоже посвятили в члены этого племени, возникшего буквально час назад, но он не в состоянии больше строить вигвамы из спасательных кругов и спускать на воду воображаемые корабли, поскольку здесь у него нет таких возможностей и масштабов, а пацану нужен простор. Возможно даже два простора.

Оставалось ещё почти три часа времени, чтобы собрать нехитрые вещи для больницы, и Настя пошла складывать свою сумку, говоря при этом сама с собой, но достаточно громко, чтобы её речь была слышна всем в комнате:

– Это называется "приехала отдохнуть на море". Тут же загремела в больницу.

Потом она накричала на Петьку за то, что он путается под ногами, выгнала его из комнаты и хлопнула дверью.

Сергей взял надувшегося пацана на коленки и, вороша его непослушные волосы ладонью, тихо сказал:

– Не обижайся на сестрёнку. Что-то заболела она у нас не вовремя. Болеть никогда не вовремя, а если речь о болячках, которые не знает даже врач, тогда совсем неприятно. Правда?

Петька оживился и затарахтел:

– Конечно, неприятно! У нас в школе был мальчик, он опоздал на урок и сказал, что он болеет и поэтому опоздал, а учительница не знала, чем он болеет, и он сам тоже этого не знал. А после школы за ним приехали родители, и учительница спросила их, чем он болеет, а родители тоже не знали, и им стало неприятно, когда они узнали, что он вдруг заболел...

Петькин рассказ о больном мальчике был длинным и с массой деталей, но Сергей слушал его рассеянно, не в силах настроиться на возможность спокойно думать. Пытаясь отвлечь себя от дурных мыслей и спастись от вдохновенного рассказа о заболевшем мальчике, Сергей достал из вещей видеодиски и зарядил сыну какой-то мультфильм. Настя выпрыгнула из комнаты в банном халате и под отцовский крик: "Голову, Настя, мой только голову! А тело оботри влажным полотенцем!" закрылась в ванной и через некоторое время снова вышла, прошлёпав в комнату, оставляя за собой капли воды с мокрых волос. В рассеянном наблюдении происходящего по телевизору время прошло немного быстрее и, в очередной раз взглянув на часы, Сергей скомандовал Петьке обуваться и позвал дочь, всё ещё не выходящую из комнаты:

– Настён, время. Ты готова?

Ответом ему были стук, шорох и шаги из-за закрытой двери.

– Настя! – снова позвал Сергей достаточно громко, чтобы его могли услышать через раздающиеся в комнате звуки. – Ну, где ты, ёлкина голова?!

Из детской по-прежнему не доносилось ничего, кроме топающих шагов его дочери, в очередной раз доказывающих, что чем меньше и легче человек, тем больше от него шума. Потом он услышал напевание какой-то немислимой мелодии, которая раздавалась только короткими звуками и была, несомненно, воспроизведением музыки из наушников.

– Плеер в ушах... конечно, какого тогда я надеюсь, что она меня услышит? – Сергей вдохнул и подошёл к комнате. – Ну, погоди... сейчас вместе споём.

Понимая бесполезность стука именно в этой ситуации, он резко открыл дверь.

Настя занималась тысячей дел одновременно, и это не задерживало, а ускоряло её сборы, что никогда не могли понять ни её отец, ни подруги, ни она сама. Только Петька, который был ещё более талантлив в том, чтобы плодотворно ничего не делать, мог соперничать с сестрой в одновременном одевании, походе в туалет и чистке зубов. Сейчас Настя расчёсывалась. При этом она ещё убирала в комнате, запихивала в сумку необходимые для больницы вещи и подпевала раздающимся в наушниках песням, в сортировке которых только она могла разобраться – никто другой не постиг бы логики, с которой она раскидывала по памяти цифрового плеера необходимые ей музыкальные композиции.

С гремящей в наушниках музыкой Настя приводила в порядок ещё влажные после душа волосы, между делом запихивая постельное бельё в ящик под диваном, затем подошла к зеркалу и стала вдевать в уши серёжки с вулканическим камнем, когда-то подаренные ей отцом. Она села на стульчик перед зеркалом, встряхнула волосы, наклонила голову набок и аккуратно вдела серёжку в правое ухо, подпевая звенящему в ушах мотиву, затем взяла вторую, и именно в эту секунду в комнату вошёл Сергей, неожиданно открыв дверь и сразу увидев сидящую перед зеркалом дочь. От неожиданности выронив украшение из рук, Настя секунду смотрела на отца, потом наклонилась, и в это мгновение Сергей почувствовал безотчётный ужас, отвратительный, как болотная тина на лице, прилипшая к коже холодом полного непонимания того, что он видит. Он смотрел сейчас не на склонившуюся спину его дочери, а на отражение в зеркале перед ней, в котором Настя с одной вдетой серёжкой по-прежнему сидела на стуле и внимательно смотрела на него.

Глава шестая. Первые жертвы

В стекляннно-бетонном здании медицинского центра народу значительно прибавилось. Из безлюдного, пустого, звучащего гулким эхом, как это было сегодня утром, оно превратилось в муравейник, заполненный быстро передвигающимися фигурами в белых халатах и стоящими возле стен группками родителей с детьми различного возраста, встревоженно смотрящими на взволнованные лица их пап и мам. Это немного отвлекло Сергея от увиденного полчаса назад в зеркале, что было невозможно ни объяснить, ни опровергнуть, и смешалось в голове

совершеннейшей кашей, сопровождающей его с самого утра первыми пятнами на коже дочери. А тогда, в ванной комнате, до боли зажмурив глаза и снова вытаращив их, он пытался рассмотреть что-то среди заплывавших перед ними красных искр и не увидел ничего особенного, только Настю, которая уже повернулась к зеркалу и, вдевая вторую серёжку, с удивлением смотрела через зеркальное стекло на ошарашенное лицо отца:

– Ты чего, пап? Идём, я уже готова.

Уступая дорогу группе медиков с серьёзными лицами, энергично вошедших в холл вместе с ним, Сергей задумчиво произнёс:

– Знаете, ребятки, мне кажется, недостатка во внимании у нас не будет.

Он ободряюще улыбнулся Насте, крепче сжал маленькую ладошку сына и обратился к девушке-администратору, уже принимавшую их сегодня:

– Здравствуйте, вы нас помните? У нас встреча с доктором на это время.

Администратор с готовностью закивала головой, указала им на место ожидания возле кабинета, затем, извиняясь, подняла вверх руки, как бы указывая на происходящее вокруг, и тут же переключилась на звонок телефона у неё на столе.

– Пойдёмте, будем ждать, – глухо сказал Сергей детям, отходя от регистратуры и останавливаясь возле знакомой двери. Там уже стояло в ожидании человек пятнадцать, но Сергей сразу обратил внимание на маленького мальчика, с лицом, замотанным бинтами, открывающими только уши и подбородок. Именно эти уши приковывали внимание всех, кто проходил мимо – совершенно чёрного цвета, матовые и рыхлые, словно из пластилина, они выглядели ненастоящими, инородными, чужими. Сергей посмотрел на Настю, широко раскрытыми глазами уставившуюся на этого мальчишку, и, взяв её за плечи, развернул к себе и обнял обеими руками:

– Настенка, не смотри. У этого мальчика ещё хуже, чем у тебя.

Он убрал Настины волосы в сторону, открывая её ухо, и тут же недоумённо сел перед дочерью на корточки – почти до середины затянутое тёмно-коричневым пятном, бархатным и плотным, как кора дерева, её правое ухо, то самое, которое он осматривал ещё при выходе из дома вместе с остальными пятнами, сейчас выглядело в разы хуже, чем во время их утреннего визита к врачу. Сергей осторожно потянул маечку дочери, не обращая внимания на стоящих в коридоре людей, и увидел её живот, покрытый тонкими тёмными линиями, словно паутиной. Медленно опустив подол майки, Сергей поднял взгляд на Настю, испуганно смотрящую на него:

– Настёна... когда ты была в душе, пятна были меньше?

Настя молча помотала головой, добавив извиняющимся голосом:

– Я не знаю, пап... не знаю. У меня просто всё чешется, а пятна и так были большие, и мне уже было не до сравнения. А сейчас ещё больше стали, да? Ещё больше?

Сергей промолчал, случайно поймав взгляд стоящей недалеко молодой женщины, прижимающей к себе забинтованного мальчика. В её взгляде были сразу и сожаление, и сострадание, и совершенное бессилие перед происходящим. В этот момент дверь кабинета открылась, и выглянувшая с листочком в руках медсестра, близоруко всматриваясь в написанное, прочитала какую-то фамилию. Молодая женщина встrepенулась, подняла голову и, крепко держа мальчика за руку, торопливо скрылась за дверью. Медсестра ещё раз посмотрела в список:

– Кто был назначен на пять часов к доктору Рудину?

Всё ещё сидящий на корточках Сергей поднял руку:

– Мы.

– Заходите.

Усадив сына на кушетку, а дочь на стул перед столом, Сергей остался стоять, смотря на поднявшегося из-за стола уже знакомого врача с клиновидной бородкой:

– Здравствуйте, доктор. Рассказывайте, что известно. Рассказывайте всё.

– Пятна стали больше? – вместо ответа спросил доктор Рудин, походя к Насте.

– Гораздо больше. Ухо закрыто почти полностью и на животе какая-то паутина, я её только сейчас в коридоре увидел. Спину не смотрел. Теперь говорите вы.

– Сначала я осмотрю девочку.

Рудин наклонился к Насте вплотную, осматривая и ощупывая её ухо.

– Покажи, что у тебя на спине.

Настя быстро стянула майку, и Сергей глухо застонал, увидев, что почти вся спина его дочери затянута серой сеткой, плотной, частой и похожей на чешую.

– Вот такие картины я наблюдаю сегодня в течение последних двух часов, – оторвавшись от осмотра, сказал врач. – Одевайся, Анастасия, ты сегодня остаёшься у нас, – он ещё раз обратился к Сергею: – Я рекомендую оставить вашу дочь здесь, в стационаре. Таким образом, у нас будет возможность наблюдать за ней гораздо результативнее.

– Но вы же мне расскажете, что известно на настоящий момент? – голос Сергея звучал глухо. – Хоть что-нибудь?

Сделав останавливающий жест, доктор Рудин повернулся к Насте:

– Как зовут твоего братика?

– Петька.

– Пётр, значит, – весело сказал врач, подходя к сидящему на кушетке мальчишке, – пойдём, Пётр, я тебе кое-что покажу. Думаю, ты захочешь осмотреть все находящиеся вон там предметы, – он указал в дальний конец комнаты, где, кроме расставленных в беспорядке на полу игрушек, находился небольшой детский уголок с книжками и какая-то конструкция для ручной сборки. Мальчишка с готовностью кивнул, и врач снова обратился к Насте:

– Идите в игровой уголок, а я пока поговорю с вашим папой, хорошо?

Настя поднялась со стула и пошла за братом, испуганно оглядываясь через плечо.

– Пожалуйста, садитесь и попытайтесь сохранять спокойствие, пока я буду говорить, – почти умоляюще глядя на Сергея, произнёс доктор Рудин. – У меня сегодня уже была пара очень неприятных ситуаций с родителями, а работы ожидается много, и спать мне сегодня тоже вряд ли придётся, понимаете? – Сергей коротко кивнул и врач продолжил:

– Нам сейчас просто необходимо сотрудничество с родителями, их понимание и поддержка. Потому что за те несколько часов, что мы наблюдаем приходящих к нам детей, нам, к сожалению, удалось немного. Начнём с того, что собранные анализы выявляют совершенно непостижимую скорость старения или, точнее сказать, умирания клеток кожи, но как и отчего это происходит – мы пока не знаем. Анализы приходят в негодность прямо на глазах, поэтому приходящих сегодня детей мы оставляем у нас, чтобы по меньшей мере иметь возможность постоянно следить за процессом, при возможности вмешиваясь в него. В наш центр уже приехали очень серьёзные специалисты по кожным заболеваниям и формам заражения крови, и сейчас мы ждём дополнительную аппаратуру по поддержке жизнедеятельности кожного покрова. У нас в больнице таких всего два, а детей на настоящий момент уже гораздо больше. Пока мы не нашли ответы на происходящее, но хотели бы как-то воспрепятствовать дальнейшему разрушению кожи детей, наблюдая за ними.

В напряжённой тишине кабинета вдруг глухим зуммером завибрировал сотовый телефон врача, лежащий на столе. Этот звук, такой привычный в обычной ситуации, заставил обоих вздрогнуть от неожиданности. Врач взял трубку, не сводя с Сергея взгляда:

– Слушаю. Да, я на месте... конечно сейчас... везите их в седьмое отделение. Там, к сожалению, уже всё для этого подготовлено. Да, я тоже буду.

Он снова положил телефон на стол и сказал, вращая его пальцами из стороны в сторону:

– Наверное, я не должен этого говорить. Но вы всё равно очень скоро узнаете. Сейчас привезут первых умерших. Их трое. Два мальчика и одна девчонка. Семь, девять и одиннадцать лет.

Глава седьмая. Какой у моря цвет, папа?

Выйдя из больницы, Сергей тут же остановился, обеими руками подтягивая притихшего Петьку к себе. Улица перед зданием была заполнена народом. Стояли машины телевидения, торчали микрофоны, небольшие группы людей окружали о чём-то возбуждённо говорящих ораторов. Сергей поднял голову к почти малиновому небу, уже не обращая внимания на валяющее дурака зрение, затем опустил взгляд на взволнованные лица родителей, потерянно выходящих из соседних дверей и несущих в руках детские вещи. Сейчас он вспоминал Анастасию, идущую по длинному коридору, уводимую обнимающей её за плечи медсестрой, испуганную, с огромными глазами, прижимающую к груди свою сумочку, постоянно оглядывающуюся на него через плечо и исчезающую за широкими дверями стационара. Сергей зажмурил веки и сразу, почти ожидая этого, увидел небольшие детские фигурки, стоящие перед вспыхнувшим за ними светом, полностью поглощающим их, эти маленькие детские тела, расплывающиеся в слепящей иллюминации и оставляющие шёпот, только шёпот, нарастающий и уходящий, как морской прибор, в котором он никак не мог разобрать слов...

– Эй, простите, вы дадите нам пройти? – вдруг услышал Сергей и, открыв глаза, увидел очень высокого человека в узком чёрном костюме и с непослушными рыжими волосами, который пытался войти в дверь вместе с двумя фигурами в белых халатах, выкатывающими больничную тележку. Укрытый голубой простынёй, на тележке лежал кто-то совсем небольшого роста, и Сергей отошёл в сторону с колотящимся сердцем, провожая взглядом проходящих людей. Когда тележка скрылась в коридоре, Сергей опустился перед сыном на корточки, не выпуская из руки маленькую ладошку:

– Сынок, сегодня мы дома одни.

– А когда Настя выздоровеет? Завтра? – Петька погладил отца по щеке и тут же произнёс успокаивающе: – Конечно завтра. Завтра мы за ней снова приедем.

Усадив сына в машину и пытаясь вытрясти из головы только что увиденную тележку с чьим-то маленьким тельцем, Сергей грузно уселся сам, завёл двигатель и выехал с автостоянки. На душе было тяжело. В одну неряшливую кашу смешались все события последних часов, подкрашенные раздражающим поведением глаз, и Сергей вспомнил, что ещё утром хотел провериться у врача, но снова забыл. Петька сидел молча, словно понимая, насколько сейчас его отцу не до разговоров на любые мыслимые темы, но всё-таки, поёрзав и подудев в кулачок, он вдруг спросил:

– Па... а что с морем случилось? Оно теперь всегда таким будет?

– А? Что ты сказал? – занятый своими мыслями, Сергей не сразу понял, о чём говорит его сын, и только когда проследил направление маленького пальчика, которым Петька указывал на видимый из окна машины прибор, снова вернулся в настоящее время. – О чём ты, сынок?

– Почему вода такая красная? Мы приехали, море синее было. И небо тоже. А сейчас всё какое-то рыжее, почему, пап?

Сергею потребовалась ещё пара секунд, чтобы понять:

– Ты видишь небо красным? И воду тоже?

– Ну, да... оно же не синее, пап. Оно красное. А должно быть синее, а не красное. Только оно всё-таки больше красное, чем синее. Не очень, правда, но всё-таки не такое, как тогда, когда мы приехали. Другое совсем. Немножко. Почему?

Сергей молчал. Он только сейчас подумал, что за всеми волнениями о здоровье дочери ему совершенно не приходило в голову, что его цветовая слепота – не слепота вовсе, а действительно изменившийся цвет всего вокруг.

– Пап... – снова осторожно подал голос Петька, – ты не ответил...

– Я не знаю, что сказать, сынок. Честно. Понятия не имею. Единственное, что я сейчас понял, что к врачу мне не надо.

– А ты хотел?

– Не то, чтобы хотел. Но думал. А потом ты взял и сделал так, что я больше об этом не думаю. Только вот что теперь со всем этим делать, сынок, я действительно пока не знаю.

Припарковав машину, Сергей взял сына на руки и вошёл в здание гостиницы.

Глава восьмая. Лицо

Насте было страшно. Она сидела в палате и пыталась слушать пожилую медсестру, терпеливо объясняющую, куда положить свои вещи, как включать телевизор, где находится душ и туалет, что-то ещё, раздающееся эхом в ушах и не оставляющее ни одного понятного слова. Когда сестра ушла, Настя так и осталась сидеть на аккуратно заправленной кровати, прижав к груди свою сумочку и смотря прямо перед собой. Проходило время, она не двигалась, чувствуя себя проваливающейся в тишину, словно в какую-то огромную комнату без пола и потолка, где все звуки вдруг стали видимы, оставляя за собой мягкие нити повторяющихся разноцветных полос. Что-то происходило с ней, она чувствовала это, не понимая и не пытаясь понять, она словно жила в нескольких сантиметрах от самой себя, наблюдая медленно вращающуюся комнату со стороны и удивляясь сплетённым в разноцветные ниточки звукам.

Когда группа врачей вошла в палату, Настя продолжала сидеть на постели. Кто-то включил верхний свет, затем у неё аккуратно взяли зажатую в руках сумочку, положив её вместе с вещами в шкафчик рядом с кроватью, с ней говорили – она отвечала, её просили раздеться – она разделась, без интереса наблюдая откуда-то со стороны свои руки и ноги, покрытые пепельными пятнами. Её одели в клетчатую пижаму, и она послушно подняла руки, помогая в этом, по её ладони провели каким-то холодным инструментом – она не заметила, ей сделали укол – она не пошевелилась, а потом... потом пришли голоса.

Голоса пробивались через вату глухих звуков, словно из другого мира, и порой Настя не понимала, с кем говорит именно сейчас – с врачами перед собой или же с наплывающими отовсюду голосами, отвечая невпопад на задаваемые ей вопросы. Всё, что она видела в этот момент, расплёскивалось у неё перед глазами размытыми пятнами, превращаясь в разноцветный шёпот, то замедляющий свой бег, то ускоряя его, как в кино, когда голоса становятся низкими и страшными, внезапно срываясь в визг, больно отдающийся в ушах. Страх уже не было. Было ощущение полной пустоты везде, где останавливался взгляд, цепляющийся за пискливое дребезжание, растянувшееся цветной паутиной за каждым, кто что-то говорил или делал, вытягиваясь нитями из открывающихся ртов и приликая к щекам, плечам и ладоням. "Где я сейчас?" – равнодушно думала Настя, слыша свой голос, раздающийся в голове без интонаций и оставляющий перед глазами очень красивую синюю радугу, тут же рассыпавшуюся на ослепительные искры, из которых в воздухе прозрачным хороводом появилось её лицо. Губы

шевелились, говоря что-то неслышное, и Настя смотрела на саму себя, не понимая ни слова, но ясно воспринимая происходящее вокруг, наблюдая фигуру врача, потрепавшего её по волосам и последним выходящего из палаты. Закрылась дверь, и от резкого стука в разные стороны брызнули рваные нити, искажая мерцающее лицо, плавающее в синих искрах посреди комнаты, и вдруг Настя услышала голос, свой голос, но совершенно чужой, незнакомый и страшный, от звучания которого вся картина цветных нитей задрожала, как от сотрясения, оставляя на теле холодом разливающийся озноб:

– Стань Звездой! – и Настя вскинула голову, словно стряхивая оцепенение, отчего все звуки мгновенно скрутились в одну тугую нить, в бессмысленную абракадабру, как от прокручивания магнитофонной кассеты на бешеной скорости. Синие искры разлетелись в разные стороны, рассеивая и разрезая мерцающий посреди комнаты образ, осыпая на пол цветные нити шагов и голосов только что ушедших людей, не оставляя и следа от того, что только что завладело её вниманием. Ошеломлённая, Настя встала с кровати и стояла так посреди комнаты, смотря прямо перед собой, туда, где секунду назад растаяло облако синих искр, сказавшее ей всего два слова.

– Звездой? Мне? Где, как... зачем? – она бормотала почти беззвучно, не в силах избавиться от наваждения, что это был именно её голос и её лицо... её... но совершенно незнакомые ей.

– Папа, папочка, – прошептала Настя, вспоминая взгляд отца, смотрящего ей вслед и держащего за руку её маленького брата, который делал ей руками успокаивающие знаки, – папочка... если бы ты знал, как мне сейчас хочется, чтобы ты был рядом.

Она взяла полотенце со спинки кровати, вошла в ванную, открыла воду и, набрав её в ладони, умыла лицо. Почувствовав неожиданный зуд, она запоздало вспомнила кем-то сказанный запрет на умывание, открыла глаза и посмотрела на раскрытые ладони, на которых остались какие-то серые прозрачные лохмотья, похожие на мокрую золу от только что сгоревшей бумаги, тающие на глазах и стекающие между пальцев чернильными струйками. Настя подняла голову и посмотрела на себя в зеркало. Увиденное потрясло её. Почти вся кожа на лице, за исключением лба, была покрыта тёмными, словно шевелящимися пятнами. От левого виска до подбородка по коже протянулась тонкая рваная трещина, из которой, живо сбегая по мокрой щеке, стекали редкие, крупные капли, похожие на бурого цвета кисель. У Насти перехватило дыхание, несколько секунд она смотрела на своё отражение широко раскрыв глаза, потом подняла ладони к лицу и провела указательным пальцем по щеке. За пальцем протянулся чёрный, влажный след, тут же протёкший тёмными каплями.

– Этого не может быть... этого не может быть, – повторяла она шёпотом, осторожно проводя рукой между своим лицом и зеркалом, словно стараясь снять невидимую паутину, стереть изображение, которое она видела сейчас, – не может быть, просто не может быть, чтобы так быстро, не может этого быть!

Настя лихорадочно шептала одни и те же слова, её движения становились всё быстрее, она уже махала перед собой обеими руками, сбивая с раковины стаканчик со щёткой и зубной пастой, затем до отказа открыла воду, набрала её полные пригоршни и плеснула себе в лицо, потом ещё и ещё, без промежутка, почти захлёбываясь, ничего не видя и с шумом вдыхая воздух. Выпрямившись в очередной раз, задыхаясь, она с силой стёрла ладонями остатки воды с лица и, бросив в зеркало отчаянный взгляд, едва сдержала крик – на неё смотрело её обычное лицо, тревожное, с огромными сумасшедшими глазами, но совершенно здоровое, чистое, и без единой капли воды на нём. Машинально сделав шаг назад, Настя опустила глаза на свои обезображенные руки, покрытые коростами до локтей, увидела тёмные пятна сырых ран, ставших ещё более тёмными от воды, снова кинулась к зеркалу и закричала пронзительно, как раненая выпь, выставив перед собой руки, закрывая от самой себя отражение её по-прежнему израненного лица. Отшатнувшись от зеркала, она споткнулась, упала на пол и, рыдая в полный голос, на четвереньках отползла в угол комнаты, забившись под полку с полотенцами и закрыв руками голову.

Глава девятая. Обход

Здание больницы даже в это время, почти ночью, было полно людей, и по ярко освещённым коридорам группами и поодиночке торопливо проходили возбуждённо говорящие фигуры в белых халатах, на ходу размахивающие зажатými в ладонях исписанными листочками. Каменные лица полицейских, патрулирующих этажи, дополняли картину.

Леонид Вескес, врач-дерматолог со стажем работы больше возраста любого медицинского центра, в котором он когда-либо работал, быстро шёл по коридору. Приобретённый за многолетнюю практику опыт делал его востребованным в любых вопросах, особенно тогда, когда его коллеги в нерешительности опускали руки. Сюда он приехал, вызванный вчерашним срочным

звонком, содержание которого невозможно было бы принимать всерьёз, если бы не личность человека на другом конце провода: это был давний друг и коллега Роман, с которым они учились ещё в университете, и который никогда не позволял себе шутить в теме, касающейся работы с людьми. За постоянно щурящиеся глаза его называли "Сонный Рома", но уже студентом он показывал недюжинные способности в изучаемом предмете и в дальнейшем защищал свои диссертации с таким блеском, что это было отмечено практически во всех значимых медицинских журналах. И сейчас Леонид вспоминал его взволнованный голос: "Лёня, через час-полтора ты наверняка получишь звонок откуда-нибудь "сверху", а я звоню тебе прямо из кабинета. Я пытаюсь дозвониться всем, кто хоть чем-то может помочь, оповещаю всех, кого в состоянии оповестить. У нас тут происходит нечто, что я не смогу объяснить, не показывая. Заболевают дети, ни единого взрослого, странная форма поражения кожи, мной не виданная, и я никогда не слышал ни о чём подобном. За сегодня уже девять случаев, все с непонятными пятнами на теле, похожими на тонкие коросты от ожогов тёмно-серого цвета. Скорость распространения – практически на глазах. Ты не ослышался – именно на глазах. В общем, дружище, не жди другого звонка, бери всё и выезжай!"

Приехав в клинику ещё утром, Леонид с удивлением увидел перед зданием беспорядочно двигающихся людей, машины полиции, медицинской помощи и различных теле- и радиоканалов. Полицейские пытались навести порядок в человеческом хаосе, оттискивая за ограду посторонних:

– Пожалуйста, соблюдайте порядок! Проходят только родители! И только те, кому назначено именно на это время. Постарайтесь понять, что покой в больнице необходим не только врачам, но и вашим собственным детям!

Роман ожидал в холле и, увидев входящего Леонида, нетерпеливо рванул к нему навстречу:

– Наконец-то, Лёня. Рад, что ты быстро добрался. Я места себе не нахожу. Пошли в кабинет.

– Всё так серьёзно?

– И даже серьёзней, чем я думал, когда тебе звонил. Я просто не в состоянии объяснить происходящее. Со всем своим опытом – не в состоянии. За это время поступили ещё дети. Много. Заражение, если это только заражение! – слишком агрессивно, проявление симптомов настолько выпадает из любой известной мне картины, что я мог бы назвать возможной причиной распылённую над детьми какую-то неведомую кислоту. Именно над детьми, понимаешь?!

– Вот уж не видел тебя, нашего "Сонного Рому", в таком искристом состоянии.

– Не шути, Лёнь. Мне не до шуток.

– Извини, неуместно. Но если бы ты только мог видеть себя со стороны. Один твой внешний вид – очень серьёзный сигнал.

– Увидишь детей – всё сам поймёшь. Готов? Я не просто так спрашиваю. В противном случае ты скажешь, что я тебя разыгрываю, используя гримёров. Это я тоже так странно шучу, хотя у меня со вчерашнего дня отвратительное настроение.

– А давай ближе к делу? Кстати, как я вижу, нас уже ждут?

Они остановились возле одной из палат, где стояли пять фигур в белых халатах.

– Да, это наши коллеги, приехали часом раньше, а к обеду мы ждём дополнительное оборудование по диагностике. Хотелось бы верить, что имеющиеся ресурсы помогут нам понять, с чем мы имеем дело, – Роман сделал движение, чтобы войти, но вдруг остановился и обернулся, обращаясь сразу ко всем:

– Не могу сказать вам, коллеги, что утро доброе. Не тот случай. Поэтому просто здравствуйте. В любом смысле. А теперь прошу всех за мной.

Войдя в палату, Леонид увидел сидящую на кровати девочку лет тринадцати, прижимающую к животу небольшой полиэтиленовый пакет и сумочку, к серебристой молнии которой был прикреплен брелок в виде маленького ослика. Девочка, казалось, не обратила внимания на вошедших в палату и продолжала сидеть не шевелясь даже тогда, когда прибывшие люди встали вокруг неё.

– Здравствуй, Настя, ты позволишь нам с тобой поговорить? – девичья фигурка не шелохнулась, и Роман подумал, что спросил слишком тихо, после чего слегка повысил голос: – Настя, ты слышишь меня?

– Да, я тут, – на этот раз девочка ответила поспешно, словно пытаясь опередить следующий вопрос, – я тут, вот я, не надо больше спрашивать.

Врачи переглянулись между собой, а Роман, не отрываясь от Настиного лица, внимательно изучал её глаза, потемневшие белки которых стали похожи на варёные в тёмной краске яйца.

– Как быстро... только несколько часов назад... – задумчиво пробормотал он, а затем уже громче повторил для обступивших его коллег: – Эту девочку я наблюдаю с утра. Первый раз увидел её с пятнами на ушах и обширным поражением на спине. Второй раз я зафиксировал уже почти полностью затянутую спину и какую-то паутину на животе. Ну, а что происходит с ушами и глазами сейчас – вы видите. Кстати, изменение цвета белков глаз вообще не укладывается ни в

одну из прежних версий. Нам теперь ещё и окулист нужен. Вызывайте. Настя, сними маечку, пожалуйста. Да помогите же ей кто-нибудь!

Девочка послушно подняла руки, когда с неё стянули больничную майку. Открывшаяся кожа живота и груди уже не носила следов паутины, а просто сплошным пепельным цветом уходила на спину и плечи, пересекаемая в нескольких местах тонкими сухими трещинами. Роман беспомощно оглянулся на Леонида, словно ища у него поддержки, а затем, снова повернувшись к сидящей перед ним фигурке, сказал успокаивающе:

– Мы тебе сейчас укол поставим, хорошо? Больно не будет. А маечку можно надеть.

Настя не отреагировала, смотря через плечо доктора Рудина куда-то в середину комнаты и каждый раз сдвигаясь немного в сторону, как будто не хотела, чтобы он загоразивал ей вид.

– Настя, ты слышишь?

– Красиво очень, – совершенно неожиданно и звонко ответила Настя, заставив врачей на несколько секунд обескураженно замолчать. Леонид подошёл к девочке, взял её ладошку, и спросил тихо, отдельно, внятно проговаривая слова:

– О чём ты, где красиво, скажи?

Настя вытянула свою ладонь из рук Леонида и указала пальцем за его плечо, в середину комнаты, где стоял больничный табурет. Все присутствующие повернули головы за её жестом, затем молча повернулись обратно и в едином движении посмотрели на Леонида. Тот поднял брови и протестующе развёл руки в стороны:

– Замечательно! Вы думаете, наверное, что я вам сейчас вот так возьму и начну всё объяснять, да? Коллеги, я вас разочарую. Нам надо посидеть и подумать. Доктор Рудин, Роман, дружище, нам надо идти.

Уходя из палаты, Леонид ещё раз посмотрел на неподвижно сидящую на постели девочку, положившую тёмные ладони на белые больничные штанишки. Чуть наклонив вниз голову, она смотрела тёмными глазами совершенно в никуда, но при этом едва заметно двигаясь, словно уклоняясь от чего-то, чего он не видел. Эти движения, неполные, почти неразличимые, напоминали механизм со слабой батареей, когда силы элемента не хватает, чтобы сдвинуть всю систему, вызывая лишь невнятные конвульсии, повторяющиеся с размеренностью метронома. Что-то кукольное было в ней, хрупкое, красивое, но словно требующее чьей-то высшей руки, чтобы двигаться слаженно.

– Действительно, красиво, – задумчиво проговорил Леонид.

– Что? И ты туда же? Вот о чём ты сейчас? – взволнованный голос Романа дал Леониду понять, что его размышления вслух были достаточно громкими.

– Я о ней. Красивая девочка. И даже во всём этом её состоянии есть что-то совершенное, не пойми меня неправильно.

– А мне страшно, если честно.

– Мне тоже. Всё, пошли в кабинет.

... Леонид поспешно шагал по ночному коридору, направляясь к выходу из клиники, когда вдруг воздух прорезал пронзительный крик, переходящий в ультразвук, ударивший по слуху словно хлыстом. В замешательстве развернувшись на каблуках, Леонид понял, что кричат из той палаты, которую он только что прошёл, где он уже был сегодня, осматривая в ней маленькую девочку с тёмными глазами. Одним толчком открывая дверь, он вбежал в комнату и, включив свет, посмотрел по сторонам. Комната была пуста. Вдруг он услышал сдавленный плач, раздающийся из ванной комнаты, и, распахнув эту дверь, сразу увидел в углу, возле раковины, сидевшую на полу девичью фигурку, руками обхватившую трясущиеся плечи и опущенную вниз голову.

– Настя, это ты? Тебя же Настя зовут? – Леонид быстро подошёл ближе и почти сел на пол.
– Что случилось?

Говоря это, он осторожно притронулся к дрожащему плечу. Сидящая перед ним девочка вскинула голову и Леонид отпрянул, чуть не опрокинувшись назад – на него смотрело совершенно серое лицо, с горящими на нём чёрными, практически без белков, глазами, из которых по щекам текли тёмные ручьи.

– Господи! – вскричал Леонид машинально, лихорадочно пытаюсь вспомнить, сюда ли он заходил всего несколько часов назад, осматривая девочку с несколькими тёмными пятнами на лице.

Не давая себе времени на раздумье, он схватил девичье тельце на руки, сразу почувствовав, что оно расслабилось под его ладонями, и, прижав лёгкую ношу к себе, быстро вошёл в палату. Положив неподвижную фигурку на постель и укрывая её покрывалом, Леонид ещё раз осмотрел её лицо. То, что он видел, было скорее похоже на мокрую наждачную бумагу, но не на кожу ребёнка. По табличке на постели убедившись, что это именно Анастасия, девочка, которую он

осматривал сегодня вместе с Романом и другими врачами, Леонид ошеломлённо сел на край кровати, положив руку на укрытое покрывалом плечо, и забормотал растерянно:

– Что здесь, к чёрту, происходит...

– Что здесь происходит, кто кричал?! – повторяя его фразу, в комнату ворвались две фигуры в белых халатах, за которыми мелькали чёрные мундиры полицейских. Затем вбежал Роман и, бросив взгляд в сторону Анастасии, быстро заговорил:

– Одно и то же по всем случаям – внезапный скачок в прогрессировании поражения кожи. У всех. Но остальные дети пока не видели изменений. Все спят. Видимо, Настя заметила это раньше других.

Усевшись напротив Леонида, Роман обвёл присутствующих долгим взглядом и спросил, обращаясь сразу ко всем:

– Что будем делать, коллеги? – никто в ответ не сказал ни слова. – Да... примерно так я и предполагал. Не знаю, как вы, а я уже высказал своё непрофессиональное мнение – мне очень не по себе. Будем наблюдать детей, делать всё от нас зависящее и ждать, чем всё закончится.

Глава десятая. Невидимая Луна

Сергей не находил себе места. Наступивший вечер ложился на грудь, как тяжёлая мокрая собака – душно, сыро, не давая вздохнуть. Солнце уже погрузилось в ставшее воспалённым море, а низкие облака превратились в перевёрнутые вниз головой чёрно-бордовые маки, что делало город похожим на томящийся под грилем каменный пирог. "Мир красок куда-то съехал", – думал Сергей, неся на руках уснувшего сына. – "Хотя, возможно, это я немного дурею". И всё же он понимал, что настолько дуреть не в состоянии, как и сходить с ума, и вообще каким-то образом проявлять слабость сознания. Объяснить его состояние сумасшествием, придурью, редким видом слепоты не давал вот этот маленький пацан. Который видел то же самое.

Оставив машину на стоянке перед гостиницей, пройдя по абсолютно пустому двору и поднявшись в номер, Сергей положил сына в постель, снял с его ног сандалии и носочки, беспрепятственно стянул шорты и укрыл лёгким покрывалом. Оставив включённым свет на столе, он вышел из комнаты, слегка прикрыв дверь.

Почти упав в широкое кресло перед телевизором, Сергей постарался сосредоточиться. Мысли барахтались в невероятной каше из увиденного, услышанного и представляемого, совершенно не давая возможности сконцентрироваться, в постоянном напряжении какого-то неправильного полёта, когда отваливающиеся крылья удерживаются руками, зубами и вечно живой матерщиной, без возможности стабилизировать падение и не имея сил его осмыслить. Сергей смотрел прямо перед собой, в мелькающий чёрно-белыми точками экран телевизора, в сиреневые и полупрозрачные занавески, развевающиеся от ветра с открытого настежь балкона, затем он так же основательно сверлил взглядом тяжёлое небо за окном, похожее на мокрую чёрную перину, впитывая в себя свинцовый блеск моря, отражающего ртутный свет Луны, невидимо горячей через серебряную дыру в сплошном тёмном покрывале. Картина казалась чужой и незнакомой, только сейчас увиденной, неожиданной и совершенно ненужной. Она и была такой, со своими изменившимися цветами, расстроенными планами и с постоянной тревогой за судьбу детей. Сергея не оставляла в покое мысль, что он что-то забыл, что-то важное, что было件язано дать ему хоть какую-то ниточку к пониманию событий. Ещё вчера всё было настолько великолепным, запланированным и понятным, настолько реальным, солнечным и очевидным, насколько сегодня, чёрт возьми, всё стало дурацким и фантасмагорическим, как дурной сон, как элементарный бред, который необходимо сбросить немедленно, неважно, каким образом и какой ценой, потому что жить в этом мире опустившихся бордовых туч было просто нельзя.

Сергей тяжело поднялся из кресла, вышел на широкую лоджию и встал у перил, опираясь на них обеими руками. Луны не было видно, но её свет плыл отовсюду, заливая мёртвыми белилами всё вокруг, покрывая невероятным оттенком края чёрных облаков и качаясь на поверхности моря мелкими ртутными капельками.

– Кто-то там, наверху, забыл выключить грёбаный утюг, – зло пробормотал Сергей, смотря на фантастические краски, стекающие к самому горизонту. Он чувствовал себя предельно уставшим, едва в силах держать открытыми веки, тяжёлые, как печные дверки. Попытки упорядочить происходящее ни к чему не приводили. Не получалось придумать даже самое невероятное объяснение, чтобы, по меньшей мере, грубо обрисовать причину непонятно чего. Не выходило вернуть то, что было ещё совсем недавно, два дня назад или вчера – беззаботность, расслабленность, беспечность и совершенную уверенность в собственных силах. Сейчас Сергей чувствовал себя голым и беспомощным, не имеющим ни малейшего понятия, что делать дальше, с какой-то распухающей дрянью внутри, с отчаянием за состояние дочери и растущим опасением за

сына. Он до боли сжал перила побелевшими пальцами, далеко перегнувшись через них и, сдерживаясь, чтобы не заорать, прохрипел в расстеленную перед ним равнодушную черноту:

– Что же я натворил такого, что даже сам не имею права знать, в чём заключается моё наказание?!

Выйдя с балкона, он снова вошёл в детскую комнату, подошёл к сыну и сел рядом с ним на край постели, смотря на закрытые детские веки, под которыми было заметно движение глаз. Осторожно положив свою ладонь на прохладный маленький лоб, Сергей несколько секунд продержал её так, зная, насколько успокаивающе действуют его руки, прислушиваясь какое-то время к шёпоту во сне шевелящихся губ. Петька слабо дёрнулся и сонно перевернулся на другой бок, сбросив с себя покрывало. Несколько секунд он лежал спокойно, ровно дыша в глубоком сне, а затем снова тихо забормотал в своём неясном диалоге. Сергей смотрел на сына некоторое время, пытаясь разобрать что-нибудь из сонного бормотания, затем плотнее укрыл его, встал и вышел из комнаты. В этот момент Петька, подняв руку в попытке потереть шею, в очередной раз резко сбросил покрывало, вяло почесал себя под ключицей, развернулся на другой бок, отчего его маечка высоко задралась, и на белой в ночном освещении коже, как акварель на рисовой бумаге, проступило большое серое пятно.

Глава одиннадцатая. Пап, это Настя?

Эту ночь Сергей не спал. Кругами слоняясь по гостиничному номеру, он наконец закончил своё движение в кресле перед телевизором, включив его без звука и отрешенно наблюдая за сменяющимися кадрами. То, что происходило на экране, его не интересовало. Сейчас он вспоминал глаза дочери, уходящей по больничному коридору в сопровождении медсестры, и уже не находил себе оправданий, что оставил её в больнице одну. Он проигрывал мысленные диалоги, пытаясь мотивировать свой уход невозможностью пристроить на ночь маленького Петьку, но сразу признавался сам себе, что даже не искал такой возможности, и мог, наверное, остаться в больнице вместе с ним. Единственное, чем он себя оправдывал – сумасшедшим желанием увести этого вездесущего и любопытного мальчишку из места, собравшего вместе похожих на мумий детей.

Уже под утро, продолжая тарашиться в мелькающий беззвучными картинками экран телевизора, Сергей вдруг обратил внимание на кадры здания больницы. Женщина-корреспондент оживлённо говорила о чём-то в микрофон, а на заднем плане сменялись фотографии детей и взрослых. Нашупав завалившийся в складку кресла пульт, Сергей включил звук.

– ... и мы пока не можем дать никакого объяснения происходящему, учитывая то, что врачебная группа под руководством известного учёного Леонида Вескеса не даёт никаких комментариев по картине развития эпидемии и возможных методов противодействия ей.

– Вот как. Уже эпидемия. Как всё интересно, – пытаюсь унять мгновенно заколотившийся пульс, Сергей снова выключил звук, сделал несколько глубоких вдохов, а потом, коротко выматерившись, вырубил телевизор совсем. – К чёрту с такими новостями. "Не знаем! Не можем! Не имеем понятия!"

Он швырнул пульт в угол комнаты на каким-то образом оказавшуюся там подушку и снова упал в кресло.

Из детской комнаты слышался шорох. Потирая кулачками закрытые глаза и таща на себе волочащееся по полу покрывало, в гостиную вошёл Петька, сразу направившись к отцу и забираясь к нему на колени:

– Мы сейчас к Насте, да? – он спросил это, не раскрывая глаз, положив голову на отцовское плечо и вода левой рукой в воздухе, словно управляя самолётиком. Сергей поймал его летающую ладошку и осторожно сжал в своей, вместе с сыном повторяя в воздухе плавные движения.

– Да, сынок. Быстренько перекусим и поедem навестить твою сестру. Ты же тоже беспокоишься, правда?

Петька приоткрыл левый глаз, наблюдая за полетом своей руки, зажатой в отцовской ладони, потом повернул голову и открыл второй глаз:

– Да. А мы её заберем домой?

– Не знаю. Сначала мы с тобой послушаем, что нам скажут врачи. Надеюсь на хоть какие-то хорошие новости. Но я что-то сильно в этом сомневаюсь. Пока врачи знают не очень много.

– Врачи не знают, потому что такого ещё не было или потому что они не знают, что такое уже было?

– Наверное, потому что не было ещё.

– Тогда Настя будет первой, кто выздоровеет от того, чего ещё не было, а теперь есть. Она станет знаменитой. Только ей выздороветь надо. Хорошая идея?

– Замечательная идея. Только Настя не единственная с подобными болячками, в больнице полно ребятишек, которым нужно выздороветь. Поехали туда и посмотрим, чем мы можем помочь твоей сестрёнке и всем остальным.

С трудом найдя место на переполненной автостоянке и пройдя через полицейский кордон, Сергей с сыном на руках вошёл в здание клиники. Подойдя к регистратуре, он рукой подал знак девушке, говорящей в этот момент сразу по двум телефонам. Девушка кивнула, взглядом указывая на стулья у стены. В отличие от вчерашнего дня, когда коридор напоминал шоссе с двусторонним движением, сейчас здесь почти никого не было, лишь изредка спешным шагом проходили группы из двух-трёх человек и тут же скрывались за дверью какого-либо кабинета. Девушка-администратор положила сначала одну трубку, затем, резко прекратив разговор – другую, и вопросительно посмотрела на Сергея:

– У вас какой врач?

– Доктор Рудин.

– Секунду, я сейчас вызову.

Она коротко сказала несколько слов в селектор, и Сергей, благодарно кивнув, снова сел на стул, посадив на колени смотрящего по сторонам Петьку.

– Пап, а зачем там полицейский? – спросил Петька вполголоса, пальчиком указывая на фигуру, стоящую во входном просвете другого конца коридора. Сергей на секунду задумался над подходящим ответом, как вдруг рядом с полицейским раскрылась дверь, и уже знакомый силуэт доктора Рудина направился к ним.

Когда врач подошёл, Сергей увидел красные от бессонницы глаза и небритые щёки.

– Доктор, вы как-то неважно выглядите. Не спали совсем? Что скажете?

– Я хотел бы вашей помощи, понимания и поддержки, – совершенно неожиданно начал врач.

– У нас сегодня ещё более напряжённая ситуация, чем вчера, и вы сами в этом убедитесь через пару минут, когда увидите вашу дочь.

У Сергея по телу прошёл холод, несколько секунд он беззвучно смотрел в глаза напротив, затем, сухо сглотнув и совсем близко наклонившись к лицу врача, тихо спросил:

– Где она?

Ни слова не говоря, врач развернулся и направился к той двери, откуда только что вышел. Сергей, пытаясь справиться с вдруг нахлынувшим головокружением, последовал за ним. Петька семенил сзади, испуганно смотря на отца и крепко держа его за палец руки своей ладошкой.

Они вошли в палату, где находились ещё три врача, возбуждённо обсуждающие что-то на мониторе компьютера возле стоящей посредине комнаты больничной кровати. Доктор Рудин указал рукой на одну из белых фигур:

– Познакомьтесь. Это Леонид Вескес, один из ведущих специалистов в области кожных патологий. Он специально приехал в нашу клинику, чтобы помочь.

Сергей не замечал протянутой ему руки. Он не смотрел на стоящих возле больничной кровати людей и не обращал внимания на стоявшую на столике ванночку, наполненную прозрачными лоскутками, похожими на оторванные крылья гигантских бабочек. Он не уставился на маленькую ладонь, выглядывающую из-под покрывала: совершенно чёрная, блестящая, на белоснежной простыне кажущаяся вырезанной из чёрной глянцевой бумаги, она была похожа на звезду.

– Папа... – этот шёпот вывел Сергея из ступора, и, одним прыжком достигнув кровати, он склонился над лицом, в котором с трудом узнавал свою дочь. Пепельно-серая, с заметно отделяющимися коростами на щеках, она смотрела на него совершенно чёрными глазами, в которых молочными каплями отражались люминесцентные лампы на потолке.

– Дочка... да что же это?! – Сергей беспомощно всматривался в глазную черноту, не в силах понять, видит ли его дочь сейчас или уже нет, и вдруг услышал голос сына, который обнял его за ногу и обескураженно наблюдал за лежащей на кровати фигурой:

– Пап, это Настя?

Пару секунд Сергей стоял молча.

– Я забираю её, – сказал он коротко. У находящихся в комнате врачей вытянулись лица.

– К-к-куда забираете? Зачем?! – доктор Рудин стал заикаться от неожиданности, непонимающе смотря на Сергея. – Как забираете? Вы в своём уме?! – Врач видел абсолютную решимость в смотрящих на него глазах и, махнув в отчаянии рукой, со словами: "Ну уж нет... с ума тут сходить... нет уж... я не допущу... – убежал из палаты.

Леонид Вескес не сказал ни слова, молча смотря на Сергея, вытаскивающего вещи из встроенного шкафа. Два других врача также не вмешивались, убеждённые в совершенной бесполезности противоречить этому, по всей видимости, сумасшедшему отцу.

– Настя, вставай! – Сергей почти силой поднял дочь за плечи, не обращая внимания на предостерегающие крики врачей. Увидев потянувшиеся за Анастасией трубки капельницы, он подхватил падающую из подставки бутылку с физраствором, аккуратно, но быстро вытащил две иглы из Настиной руки и, наклонившись к самому её лицу, сказал, чеканя каждое слово:

– Настёна, мы едем домой. Мы сейчас едем домой. Ты, я и Петька. Просто верь мне, – заметив движение слева от себя, он резко повернулся и увидел приближающегося к нему с умоляющим лицом Леонида, который, смотря на вяло качающуюся голову Насти, закричал:

– Что вы делаете?! Зачем?! Дома вы не сможете сделать ничего, здесь она хотя бы имеет возможность немедленно получить помощь, если мы сможем найти решение! Вы это понимаете?!

Останавливающим жестом Сергей выбросил в его направлении руку:

– Мы уходим. Телефон у вас есть – позвоните, если будут новости.

Подняв ватное тело дочери на одну руку и перекинув сумку с вещами через плечо, свободной рукой Сергей схватил ладошку перепуганного сына и широкими шагами двинулся к выходу. Открывшаяся дверь заставила его остановиться. В проёме стоял доктор Рудин, а за его спиной виднелись тёмные фигуры двух полицейских.

– Пропустите, доктор. Мы всё равно уйдём, – Сергей нехорошо сощурился и выпустил Петькину ладонь. Это моя дочь. Мне решать.

– Вы сумасшедший! Вы ни черта не соображаете, что творите! Вы думаете, забрав девочку отсюда, вы сделаете её участь другой, нежели у остальных?! Здесь у неё есть шанс! Пусть иллюзорный и ничтожный, но шанс! У вас дома, и уж тем более в чёртовой гостинице, у неё шанса нет! И я не дам, не могу, не имею права предоставлять вам возможность просто взять и уйти с умирающим ребёнком!

Сергей в два шага подошёл к нему почти вплотную и тихо процедил сквозь зубы:

– Она не умирает! Она почернела, как головёшка, она не похожа на себя, ей страшно, и вам всем тоже страшно, потому что никто из вас, мать вашу, не имеет понятия, с чем вы здесь столкнулись! Всему городу страшно, но она не умирает! Я не дам ей умереть. Даже если мне для этого понадобится снять мою собственную кожу.

Сергей развернулся и наклонился, чтобы взять сына на свободную руку, когда вдруг почувствовал, что его держат. В бешенстве оглянувшись, он увидел доктора Рудина, который с отчаянной решимостью пытался разжать его руку, держащую Настю. Выпрямившись тугой пружиной и коротко размахнувшись, Сергей ударил доктора в грудь. Рудин отлетел почти на метр, падая прямо в руки стоявших в дверях полицейских, один из которых немедленно вытащил дубинку, а второй положил руку на кобуру.

– Нет! Пропади всё пропадом! Всё в порядке! Пусть идет... это не поможет... – Рудин сидел на полу, зажимая рукой свою грудь, и сожалеюще смотрел на Сергея снизу вверх:

– Глупец... Что же вы делаете... Пожалуйста, хотя бы следите за новостями, мы постоянно информируем... если какие-то изменения, это сразу попадёт в эфир... приезжайте или звоните – мы приедем сами.

Сергей молча кивнул, поднял Петю на правую руку и, пройдя между расступившихся полицейских, быстро зашагал по коридору к освещённому снаружи выходу.

Глава двенадцатая. Её голоса

Сергей вел машину, часто оборачиваясь к лежащей на заднем сидении дочери. Петька перелез вперёд и молча переводил испуганный взгляд с отца на сестру, которая то открывала веки, то закрывала их, на короткие мгновения показывая блестящие чёрные белки, от которых даже взрослому человеку было не по себе, не говоря о маленьком пацане.

– Пап, а что у Насти с глазами? Она видит?

– Вижу... – неожиданно раздался тихий голос.

От ответа сестры Петька вздрогнул, но сразу оживился и затараторил, смотря на Настю, но обращаясь к отцу:

– Она видит, пап! Она видит! Всё хорошо, просто глаза помыть надо, да?

Под недоумённым отцовским взглядом мальчишка остановился и добавил воинственно:

– Знаю, знаю... я маленький, всё понимаю неправильно, но ведь она сама говорит, что видит!

– Ты всё замечательно понимаешь, сынок. Просто я не ожидал, что ты так разойдёшься.

Сергей отвечал сыну, но думал о другом. Настя говорила привычным голосом, и это радовало, поскольку было словно остатками чего-то привычного и, тем не менее, ожидаемого, как свежий ветер на стянутом от духоты лице. Он бы не удивился, если бы голос дочери звучал сейчас хрипло, искаженно, слабо или даже старчески, но она ответила так, словно ничего страшного не происходило, совсем ничего, кроме усталости от долгой езды и надоедливых угрей на коже.

– Хорошо, что ты видишь, – говорил Сергей вполголоса. – Мы с Петькой переживали. Ты так выглядишь... так... слов нет. Хорошо, что хоть голос в порядке.

– Я вижу. Только странно как-то. Словно всё красное вокруг. Через стекло будто.

– Всё действительно красное, Настён. Море бурое, небо малиновое, облака дурацкие, всеобщий акварельный бред. Если бы не Петька вчера, я бы думал, что у меня тоже глаза не в порядке. Что у тебя болит сейчас?

– Ничего не болит. Честно. Тяжело только очень. На душе тяжело. Плакать хочется.

Подъезжая к гостинице, Сергей увидел отъезжающую от здания машину скорой помощи. За ней, хромя и крича что-то нечленораздельное, бежал старик с белыми волосами. Сергей узнал его. Это был их сосед по этажу и это именно его Сергей с детьми видел на пляже в первый день. Поймав себя на мысли, что с того дня он ни разу не подумал о соседях, Сергей въехал на стоянку, помог Насте выйти из машины, сразу усадив её к себе на левую руку, правой взял ладошку сына, и, войдя со своим маленьким отрядом в гостиничный холл, нажал кнопку лифта.

Войдя в номер с Настей на руках, Сергей прошёл в детскую комнату и уже собирался спустить дочь на пол, как вдруг увидел, что она спит. Её руки обнимали его шею, голова лежала у него на плече, а ровное дыхание говорило о том, что она действительно уснула.

– Хорошо, что ты спишь, принцесса, – прошептал Сергей, осторожно расцепляя руки дочери и укладывая её на постель. Петька двигался рядом, настороженно заглядывая из-за спины отца то слева, то справа, пытаясь узнать в пепельной маске хоть что-то, напоминающее его сестру:

– Пап, у неё лицо непохожее совсем. На неё не похожее. Она выздоровеет?

Сергей не отвечал. Он только сейчас начал приходить в себя от бешеного напряжения, испытанного в больнице, и пытался подавить в себе чувство вины перед доктором, которого он ударил.

– Мне жаль, доктор, – бормотал Сергей вполголоса, снимая с Насти лёгкие сандалии и осторожно укрывая её покрывалом. – Мне искренне жаль, но там я оставаться не мог и оставить дочь я не мог тоже.

Он ещё раз посмотрел на лицо Анастасии, легко провел пальцами по её щеке и тут же отдернул руку, увидев, что чёрная кожа под его касанием потрескалась мелкими влажными трещинками, покрыв щеку крошечными росинками тёмно-бурого цвета. Сергей выпрямился, сжимая кулаки и вдыхая полной грудью, потом шипяще выдохнул, снова с шумом втянул в себя воздух и вдруг увидел, что Настя на него смотрит. Она смотрела молча, открыв залитые чернотой глаза, и Петька потянул отца за руку со словами:

– Пап... она снова проснулась... и смотрит... а я боюсь.

Сергей наклонился к сыну и прошептал:

– Иди в зал. Включи телевизор, найди что-нибудь интересное. И не бойся. Это же твоя сестрёнка. А я сейчас приду.

Петька вышел из комнаты боком, оглядываясь через плечо на сестру. Сергей присел на корточки перед постелью, сделал движение рукой к тёмной ладони дочери, в нерешительности остановился, но потом всё-таки положил свою ладонь поверх её и почти шёпотом спросил:

– Как ты сейчас? Что чувствуешь? Нам с тобой необходимо что-то придумать, а я пока не знаю что.

Было невозможно с уверенностью определить направление Настинного взгляда, этих её космических глаз с отсутствующими зрачками, и Сергей поймал себя на мысли, что смотреть в них долго не может – приходилось уводить взгляд в сторону, чтобы сосредоточиться. А Настя развернула свою ладонь под его рукой и сжала её:

– У меня ничего не болит, папочка. Честно. И надеюсь, я знаю, что надо делать, – Сергей снова обратил внимание, насколько привычно звучит её голос, он раздавался тихо, но так же легко и свободно, как всегда, и было странно смотреть на дочь и одновременно её слушать, картинки словно не совпадали. – Я надеюсь, что знаю. Но я не знаю как.

Только сейчас до Сергея дошёл смысл сказанного дочерью. Он приблизил к ней своё лицо, пытаясь найти в черноте глаз хотя бы намеки на зрачки, и спросил тихо, с трудом сдерживая волнение:

– Настёнка, о чём ты говоришь? Что ты знаешь, откуда?

– Со мной говорили. Я слышала, как говорили. Там, в больнице. Это была я. Только другая совсем. И звуков было много. Они были цветные и длинные, как шерстяные нитки. А потом я видела себя в зеркале. Совсем здоровую, а потом снова такую, как сейчас, и я испугалась, что останусь такой навсегда.

Сергей опустил голову и на несколько секунд закрыл глаза. Это было слишком просто – уверить себя, что сейчас он слушает обыкновенные фантазии. Видения больного ребёнка, желающего, чтобы больничные истории о выздоровлении стали правдой. Однако он всё равно отдышал душой, слушая голос дочери, потому что невозможно было сопоставить этот тихий голосок с чёрными губами, из которых он выходил.

– Мне голос в больнице говорил: "Стань звездой". Это я сама сказала. Мне.

Уже почти привыкнув к смотрящей на него черноте, Сергей ответил не сразу. Ещё минуту он молча поглаживал лежащую под его руку ладонь:

– Если бы ты знала, какой у тебя красивый голос. Давай ты поспишь? А я пока подумаю.

– Ты мне не веришь?

– Не так, Настёна. Просто мне трудно принять то, что я не могу использовать. Трудно понять это. Надеюсь, что твой голос скажет тебе во сне ещё что-нибудь. Засыпай. И расскажешь, что тебе приснится.

Сергей взял рукой край простыни, на которой лежала дочь. По всей поверхности белой ткани плыли изображения небольших корабликов с наполненными ветром синими парусами и маленькими пушками на корме.

– Представь, что мы все садимся на один такой кораблик и плывём, как настоящие пираты, от острова к острову, собирая сокровища, которые другие пираты где-то здесь оставили.

– У нас есть карта?

– Да, у нас обязательно есть карта сокровищ.

Настя кивнула и молча закрыла глаза. Теперь её лицо казалось мёртвым, засыпанным сажей, через которую на щеках проступали тёмные влажные пятна. Сергей, до боли напрягая скулы, ещё несколько секунд смотрел на свою дочь, затем встал, поправил покрывало, и тихо вышел из комнаты.

Глава тринадцатая. Старик

В гостиной звучал телевизор, а Петька, серьёзно разглядывая стоящие перед ним на стеклянном столе пирамидки из монет, срисовывал их карандашом на листок бумаги. Сергей включил новостной канал, сразу попав в ленту последних событий, в которой мелькало здание клиники, лица стоящих перед ней людей, интервью с врачом у входа, интервью с группой врачей в холле, комментируемый женским голосом видеорепортаж о врачебном совещании в большом зале конференций, снова здание клиники с высоты птичьего полёта и снова взволнованные лица людей перед воротами. Возбуждённые репортажи о непонятном, лихорадочно исследуемом, но пока неконтролируемом заболевании детей разных возрастов, среди которых уже есть умершие. Сергей выключил звук, не в силах терпеть интонацию бодрой беспомощности практически в каждом сюжете из клиники, продолжая наблюдать за сменяющимися друг друга кадрами в тишине, затем переключил канал, ещё и ещё раз, снова вернулся назад, обратив внимание на группу людей в

большом помещении за огромным овальным столом, смотрящих на стоящего перед ними высушенного мужчину, не узнать которого было нельзя:

– Дон Кихот? Я тебя не так давно видел. Вчера, вроде. Или позавчера. Ну да... когда мы приехали.

Костлявая и красноглазая фигура что-то оживлённо объясняла, водя тонкой металлической указкой по звёздной карте на стене. Сергей включил звук.

– ... мы наблюдаем эти свечения уже вторые сутки, не давая им пока никакого определения, поскольку не можем классифицировать их или привязать к какому-либо из известных нам источников. Выглядающие, как полярное сияние, эти свечения не являются, однако, следствием взаимодействия магнитосферы с заряженными частицами солнечного ветра. Фактически, эти вспышки больше всего напоминают собственный свет рождающейся звезды, но наше недоумение как раз и заключается в том, что в данном секторе нет ни одного подходящего по характеристикам светила. Таким образом, свечение испускается телом, которое мы либо не видим, либо оно не существует, и отсутствие логики в этих утверждениях мы пока объяснить не можем.

Сергей слушал, с каждой секундой всё более волнуясь, ещё не понимая причины, но чувствуя совершенное несоответствие услышанного с чем-то, что сейчас огромным холодным шаром трудно каталось в его голове, мешая сосредоточиться на важном, катастрофически важном, на что он уже знает ответ, но не может его вспомнить из-за ледяного грохота в голове. Дон Кихот сел, изображение сменилось каким-то графиком на оси координат, по ней побежали две кривые, одна красного, другая жёлтого цвета, затем камера снова показала круглый стол со стоящим перед ним другим докладчиком, и Сергей почти сразу узнал высокого парня в чёрном костюме и с рыжими волосами, с которым столкнулся вчера в клинике, когда стоял с сыном на входе:

– Всё, что я считал необходимым, было уже сказано в первой части моего доклада. Я настаиваю на том, что наша гипотеза верна, поскольку понимаю, насколько бредовой она выглядит, но хочу ещё раз обратить ваше внимание, что в настоящий момент она очень многое объясняет, если вообще не всё. Минус предлагаемой гипотезы лишь в том, что мы не в состоянии её проверить. К сожалению, фантастическое предположение – это единственное, что мы сейчас можем предложить, чтобы хоть как-то объяснить феномен "сгорающих детей".

Сергей вскочил:

– Сгорающих детей? Подождите... причём здесь дети? Не о детях речь... Там же звезда была!

Именно сейчас ему стало понятно, что так мучительно ворочалось в его голове во время первого доклада о свечении. Там была звезда! Почему они ничего не говорят о том, что там была эта долбаная звезда?! Он же сам смотрел тот репортаж, два дня назад, в котором ясно говорилось о появлении какой-то новой звезды... где-то там родившейся и куда-то светящей какими-то, черт бы всё побрал, спектрами! Причём здесь сгорающие дети?! Там была звезда!

Его трясло. Пытаясь успокоиться, он закрыл глаза, вытаскивая из памяти то небольшое, что видел в репортаже в день их приезда, вспоминая худого докладчика с воспалёнными глазами, его жестикуляцию ветряной мельницы, абракадабру терминов и черноту фотографий, на которых расплескались молочные капли миллиардов звёзд. Память вдруг завертелась быстро прокручиваемым фильмом, сжимая весь тот вечер в одну пёструю картину и тут же рассыпаясь горячим песком пляжа, эхом уходящих диалогов, оранжевыми облаками, в которые садится красное солнце. А затем – возвращение в гостиничный номер, смех, какао, булочки, и сонный голос сына: "Пап... спой чего-нибудь..." и внезапно перекрывающая всё лунная дорожка к горизонту, приклеенная к абсолютно чёрному небу, в котором иголочным проколом горит яркая точка, тяжёлыми толчками изнутри заливающая всё вокруг ослепительным жидким покрывалом... да, именно на этом покрывале видны те уходящие чёрные детские фигурки, тающие в нарастающем свечении, растворяясь в нём... и какой-то гул отовсюду, нет, это шёпот, очень знакомый шёпот, он узнал его сейчас, чёрт бы побрал всю эту пепельную канитель, именно сейчас, и как же мог он быть таким глухим и близоруким, не узнав сразу настолько родной ему голос, тяжело опустившийся к самому его лицу зелёными искрами и вдруг ввинтившийся в уши пронзительным криком его дочери: "Пойдём с нами!"

Открыв глаза, Сергей какое-то время невидяще смотрел в экран телевизора, приходя в себя, пытаясь осмыслить увиденное тогда и услышанное сейчас. Он понимал уже, что дети причём, очень даже причём, однако был не в состоянии связать ни единой детали, ни малейшего предположения, поскольку и без того невыносимое ломалось об это свечение ниоткуда.

Программа уже закончилась, Сергей поспешно списал с титров телефон и адрес местной телекомпании, ведущей это вещание, и набрал номер:

– Здравствуйте, я только что посмотрел вашу передачу, в которой освещался какой-то астрономический вопрос. Каким образом мне связаться с докладчиками? Они и сейчас там? Ах,

да... прямой эфир... я могу поговорить с кем-нибудь из них, чтобы договориться о встрече? Да... мне очень важно, очень. Пожалуйста... – Сергей прикрыл трубку правой рукой, чтобы заглушить шумный вдох, посмотрел на сына, рисующего на стеклянном столе фломастером, снова открыл трубку и поспешно проговорил: – Да... здравствуйте... моё имя Сергей... я только что посмотрел передачу, где выступали два докладчика по теме о неизвестном свечении... да... у меня есть, что добавить... и у меня есть вопросы... нет, к докладчику... я не знаю его имени... с рыжими волосами... это вы? Тогда, возможно, вы вспомните меня, поскольку мы встречались вчера в клинике... мы столкнулись в дверях... да, там моя дочь... нет, я забрал её... сейчас дома... долго объяснять, но я хотел бы встретиться немедленно, если это возможно... да, записываю, – Сергей знаком попросил у Петьки фломастер, быстро записал продиктованный адрес и телефон, подписал внизу имя "Михаил" и снова вложил фломастер в протянутую ладошку. – Спасибо. В течение часа-полтора я буду там.

Положив трубку, Сергей протянул к сыну руку и взъерошил его волосы:

– Сынок, я сейчас попробую найти кого-нибудь, кто мог бы посмотреть за тобой и Настей, а потом ненадолго уеду, хорошо? Справишься тут без меня?

– Если ты ненадолго, то да. А если надолго, то тебе надо приехать побыстрее, – рассудительно проговорил Петька, светло смотря отцу в глаза. Поцеловав сына в нос, Сергей вышел из номера, вспомнив об Эмилио, спасателе с пляжа, который уже однажды вызывался присмотреть за пацаном. Спустившись к игровой площадке и перепрыгнув через низкие кусты с целью сократить дорогу, он подошёл к смотровой будке, где в последний раз видел темнокожего спасателя. Дверь оказалась закрыта. На пляже тоже было пустынно, несмотря на благодатное послеобеденное время, и Сергей, покачав в недоумении головой, вернулся к гостинице, пройдя мимо ларька-киоска, где он однажды покупал мороженое. Почти не удивившись тому, что и там никого не было, он снова перепрыгнул через декоративный кустарник и вдруг заметил на ближайшей скамейке сгорбленную фигуру с низко опущенной седой головой. Узнав старика с пляжа, Сергей подошёл к нему и обратился как можно дружелюбней:

– Здравствуйте. Я видел вас сегодня, когда вы бежали за машиной скорой помощи. Что-то случилось?

Старик тяжело поднял белую голову, смотря на Сергея неузнающим взглядом:

– А... да... с Артуром. Это мой внук. Он разбился сегодня... упал с балкона.

Сергей похолодел.

– Как разбился? Почему он выпал?!

Старик молча смотрел на Сергея несколько секунд, а потом вдруг заговорил быстро, словно боясь, что его сейчас остановят:

– Он не выпал. Он прыгнул. Со вчерашнего утра у него были на теле очень сильные поражения кожи, причин которых мы в больнице не узнали. Нам предлагали остаться, но Марта, его мама и моя дочь, не захотела его оставлять. Она очень набожный человек, знаете... в больнице мы видели таких же детей, и Марта сказала, что это проклятие и что она сама будет лечить сына. Молитвами. Я не смог её убедить. Она одержима в таких вещах. Сегодня была ужасная ночь. Кожа у Артура чернела просто на глазах. К утру он был похож на кусок угля, лохмотья кожи сыпались с него, как рыба чешуя. И он постоянно говорил, что он слышит какие-то голоса, что его кто-то зовёт... это было так страшно, вы не представляете... Марта молилась всю ночь, а утром сама позвонила в больницу, чтобы за Артуром приехали, она уже не могла видеть, как сын разваливается на глазах. А он услышал её разговор и сказал, что должен прыгнуть, в больнице у него такого шанса не будет. И выбежал из комнаты на балкон, а потом просто бросился вниз... он бросился вниз... а я не успел... только успел схватить Марту, чтобы она не прыгнула за ним. А потом приехала скорая, чтобы забрать то, что осталось от моего внука. И Марту увезли тоже... она не приходила в себя.

Сергей слушал лихорадочный рассказ старика, борясь с желанием себя ударить. Всё было невероятно. Абсолютно всё. Включая этот фантастический рассказ, который так совпадал с тем, что сейчас происходило с Анастасией и с тем, что она рассказывала о её голосах.

– Вас как зовут?

– Рудольф. Знаю, странное имя для этих мест.

– У меня к вам очень большая просьба, Рудольф. Вы поймете. У моей дочери, Анастасии, такое же заболевание, какое было у вашего внука. Она сейчас дома со своим младшим братом. А мне совершенно необходимо уехать на пару часов. Я не хочу брать с собой детей, и мне некого попросить об одолжении посидеть с ними. Учитывая то, что вы хотя бы в курсе этого заболевания, вы могли бы...

Пораженно смотря на Сергея, Рудольф прервал его:

– У вашей дочери такая же болезнь?! Вы были в больнице?

– Были. Она оставалась там со вчерашнего дня до сегодняшнего утра. Я забрал её, потому что ей стало хуже, а информации о том, что происходит с детьми, у врачей ещё нет. Сейчас мы в гостинице. Ждём, пока что-нибудь изменится. И вот за возможностью узнать что-то новое, я и должен сейчас уехать. Вы поможете?

– Конечно, конечно! – воскликнул старик, вставая со скамейки и беря Сергея за руку. – Я понимаю, оставлять детей сейчас одних – совершенное безумие!

– Спасибо, Рудольф. Идёмте быстрее. Мне необходимо ехать.

Поднявшись в номер, Сергей почти бегом прошёл в детскую, по пути приложив палец к губам, подавая таким образом знак сыну не говорить громко. Настя всё ещё спала, уткнув лицо в сжатые тёмные кулачки. Несколько секунд Сергей стоял возле постели, смотря на дочь и не имея сил заставить себя двинуться с места. На его плечо легла рука Рудольфа:

– Поезжайте. Я справлюсь. Хорошо, что она спит. А мы пока придумаем что-нибудь с вашим сыном.

Сергей кивнул, резко развернулся на каблуках и вышел из спальни. В комнате он подошёл к Петьке, наклонился к совершенно занятому пацану и взял его лицо в ладони:

– Сынок, я уезжаю. Ненадолго. Ты остаёшься за главного с дедушкой Рудольфом, ясно? Покажи ему здесь всё и жди меня. Справишься?

– Да, пап, конечно справлюсь! Я уже оставался дома без тебя и даже без Насти. Я большой уже, хотя ещё маленький. Дедушка Рудольф мне мешать не будет.

Поучительно посмотрев на удивлённо вскинувшего брови Рудольфа, Сергей встал и без дальнейших слов вышел из номера.

Прыжками спускаясь по лестнице он поймал себя на мысли, что хотел бы сейчас увидеть на улице людей. Обычных людей, прохаживающихся по курортному городу. Беззаботных, легкомысленных, радостных. А ещё детей, облизывающих тающее мороженое. Сергей прошёл мимо невидимой за стойкой девушки-администратора и толкнул крутящиеся двери. На улице не было никого. Совсем. Никто не кричал, не говорил и не смеялся. Только за красиво подстриженным кустарником накатывал шум близкого прибоя, и уже привыкшие к цветочному голоду глаза ласкал тёплый рыжий цвет.

Глава четырнадцатая. Как вы думаете, где вы сейчас?

Введя записанный адрес в навигатор, Сергей быстро нашёл нужное здание и, бросив машину прямо у стеклянных дверей, поднялся на лифте на четвертый этаж. Покрутив головой по сторонам, соображая, в каком направлении идёт нумерация комнат, он пошёл по длинному

коридору направо, смотря на дверные таблички. Дойдя до двери с номером 404, он увидел надпись на зеркальной латунной поверхности: "Михаил Шорн".

– Вот ты мне и нужен, – проговорил Сергей, коротко постучав и сразу нажимая на медную ручку двери.

В комнате, наполненной пряным запахом гвоздики, падающий из огромного окна свет давал ощущение жарких сумерек, проходя через тёмно-красные лёгкие занавески, разлетевшиеся от распахнутой двери крыльями фантастической бабочки. Сидевший за низким полированным столом мужчина с огненно-рыжими волосами встал из широкого кресла, сделал два шага навстречу Сергею и, пожав ему руку, показал на кресло напротив:

– Прошу, садитесь. Вас зовут?..

– Сергей, я представлялся уже, по телефону.

– Я плохо запоминаю имена, извините. Меня зовут Михаил, в нашем институте я веду смешной проект, частью которого является анализ курьёзных исследований в области физики, астрономии, а ещё попытка вбить всё это себе в голову. В общих чертах, мы пытаемся объяснять то, что пока необъяснимо, предлагая фантастические гипотезы на основании кучи всевозможных неясных событий. Играем в пазлы, одним словом. Составляем картинку того, что пока никто не видел.

– Интересная работа, Михаил. Крестики-нолики в масштабе хорошо спонсируемого учреждения.

– Да, примерно так. Но, знаете, иногда получаются действительно интересные результаты.

– Не сомневаюсь. Меня интересует ваш взгляд на обсуждаемое сегодня в студии. И у меня сразу вопрос. Вы же позволите сразу вопрос?

– Да, конечно. А я закурю, если вы не возражаете, – Михаил взял со стола красивую курительную трубку и, раскрыв кожаный кисет, начал набивать трубку табаком, тщательно уминая его большим пальцем. Сергей продолжил:

– Нисколько. Курите. Вопрос я сейчас задам, но сначала очень коротко о предыстории. Я со своими детьми приехал в этот город два дня назад. Вчера утром я заметил у моей дочери эти пепельные пятна или "серую коросту", или "мокрый ожог" – названий появилось много, выбирайте любое. Мы поехали к врачу и попали, как я понял, в первую волну ребятишек, обратившихся в больницу с такими же повреждениями кожи. Вчера вечером у Насти, так зовут мою дочь, пятна поражений выросли более чем втрое. Вы, конечно же, следите за событиями, иначе мы не

встретились бы в клинике вчера, и вы наверняка знаете, что при сходной общей картине скорость поражения кожи у детей различная, уже есть умершие, но нет ни единой идеи, с каким заболеванием мы имеем дело, не говоря о том, каким образом данное заболевание лечить. Это мои наблюдения. Вы следите?

Михаил утвердительно тряхнул рыжими волосами, пыхтя трубкой и делая приглашающий жест рукой.

– Хорошо. Тогда дальше. Сегодня я нашёл свою дочь в состоянии, мало напоминающем её прежний облик. И я забрал её из больницы. Признаю, не без крайностей, но жалеть сейчас об этом бесполезно и поздно.

– Я знаю. Вы ударили ведущего врача, который вас принимал.

Сергей удивлённо вскинул глаза на плывущее за дымом лицо:

– Вы знаете это?

– Да, знаю. Я был там сегодня утром, всего пару минут, разговаривал и с Романом тоже.

Роман Рудин. Он хороший врач, ответственный. И, кстати, мы давние приятели.

– Хорошо. В смысле, не так, ничего хорошего, конечно. Но в таком случае вы уже достаточно осведомлены. И вот теперь я подошёл к моему вопросу. Сегодня, когда я включил телевизор, чтобы быть в курсе новостей, я случайно попал на программу, где увидел вас и вашего исхудавшего коллегу за попыткой объяснить какое-то свечение на небосводе, похожее на полярное сияние. И я не знаю, зачем мне это надо, я не понимаю, что это изменит, но я чувствую, что это очень важно, а именно – почему вы ничего не сказали о том, что это было не какое-то спектральное свечение без объекта, а вполне конкретная звезда?

Михаил отвел в сторону трубку, смотря на Сергея через рассеивающийся дым, пытаясь понять вопрос. Тряхнув головой, он наклонился вперед, продолжая держать трубку в отведенной руке:

– Не понял. Какая звезда?

– Михаил, я не поверю, что вы не знаете последних новостей тех событий, ради изучения которых спонсируется ваш институт. Два дня назад, когда мы приехали в город, вечером, я нарвался на местную программу, где тот самый, похожий на Дон Кихота, сухой старикан возбуждённо рассказывал о сенсационном возникновении какой-то рентгеновской звезды, которая начала умирать, едва родившись. Кроме прочего говорилось о том, что излучение настолько интенсивно, что оно видно невооруженным взглядом. Черт возьми, да я сам её видел! – последние слова Сергей выкрикнул, подавшись вперед и упираясь руками на стол. – Я сам её видел! Тем же вечером! С дочерью! И мой вопрос – почему я сегодня слышу от вас и ваших коллег о "странном

свечении" там, где, согласно недавнему репортажу, ярко полыхал прекрасно видимый объект! Или я чего-то не понимаю? Или речь вообще о несвязанных вещах?!

– Подождите, – Михаил положил трубку на стол, также облокотившись на него обеими руками и насколько возможно приблизившись. Только сейчас Сергей обратил внимание, что цвет глаз у его собеседника неоправданно синий, совершенно не вяжущийся с его огненной шевелюрой, – вы говорите, что сами её видели?

– Да! Я видел. Очень яркая, она казалась мне дыркой в небе.

Михаил опустил голову, одной рукой качая лежащую на столе трубку в разные стороны, и задумчиво произнес:

– Надо же. А ведь я был прав.

– В чём? В чём вы были правы? – Сергей чувствовал страшное волнение. Чтобы успокоиться, он взял с зеркальной поверхности стола простой карандаш, выглядящий здесь совершенно инородным предметом, и стал крутить его в пальцах. – В чём вы были правы, Михаил? Я не знаю, какую пользу мне это принесет, но я собираю любую информацию о происходящем, в надежде, что это поможет моей дочери!

– А ваш сын?

– Что мой сын?

– Он здоров? У него нет пятен?

– Сын? Нет... да... в смысле да, он здоров.

– Вы абсолютно уверены? Когда вы осматривали его в последний раз?

Михаил спрашивал спокойно, ровно, словно зная ответы, и Сергей не мог понять причину этой интонации врача, разговаривающего с безнадежным больным. Он вдруг спросил:

– Постойте... а вы не думаете, часом, что я рехнулся?

– Ни в коем случае, уверяю вас! Дело в том, что я ещё вчера пришёл к интересному выводу, который вы мне сегодня так неожиданно подтверждаете. Суть моего предположения вы сегодня видели в передаче.

– Мне не удалось посмотреть передачу с начала. Я попал уже на ваше заключительное выступление.

– Понятно. Тогда в двух словах я вам обрисую эту самую суть. И, возможно, вы подумаете, что теперь уже я рехнулся. Хотя мне это приятно слышать. Вы готовы? – Сергей молча кивнул. – Тогда слушайте, я постараюсь коротко.

Наверняка, вы уже слышали о такой науке как физика? Да? Так вот. В физике теоретически возможно существование взаимодействующих схем, ничем не проявляющихся в

нашей действительности, но происходящих в том же пространстве, не нарушая обычного хода событий. Иногда при совпадении общих типов взаимодействий такие схемы могут проявляться в привычном для нас мире. Вам понятно, надеюсь? – Сергей отрицательно помотал головой. – Жаль. Попробую ещё проще. Вам знакомо определение "параллельные миры"?

– Это сейчас зачем?

– Значит, знакомо. Хорошо. Когда я вчера узнал о первых случаях заболевания детей, я позвонил Роману и попросил прокомментировать происходящее своими словами. Он сказал только, что это похоже на странный ожог непонятного происхождения. Вот такая ненаучная формулировка. И ещё он поделился, что дети рассказывали о голосах, которые призывали их стать звёздами. И будто бы дети видели самих себя, что уже совершенно фантастично, уговаривающих их на какие-то прыжки. Вам это знакомо?

Сергей вспомнил свой сегодняшний разговор с Анастасией, вспомнил то отторжение, которое он почувствовал, когда дочь рассказывала ему о голосах, своё недоверие и её обиду, вспомнил её совершенно чёрные глаза и оставшийся неизменным голос, и всё это вдруг показалось настолько фантастичным, настолько нереальным и неправильным, что на какое-то мгновение он готов был поклясться, что ничего вообще не было. Ничего не происходило на самом деле, а лишь проигрывалось в его затемпературившем воображении, ползущем через край, как грязная пена из кастрюли, наполненной сошедшим с ума варевом. Сергей опустошённо посмотрел на Михаила:

– Мне дочь говорила то же самое. О голосах. И о себе. И говорила, что знает, что надо делать. Но не знает как.

– И что надо делать, согласно вашей дочери?

Сергей вдруг почти без перехода почувствовал злость. На этот непонятный и бесполезный разговор, на уходящее время, на уверенность чужого человека, не объяснившего ничего, но запутавшего его ещё больше. Резко вставая, он сжал кулаки, сломав при этом вертящийся в пальцах карандаш на три части, и раздраженно произнес:

– Знаете. То, что вы рассказали, было интересно. Я почти ничего не понял, но было действительно увлекательно. И гипотеза столкнувшихся действительностей тоже заслужила моё внимание, но мы всё-таки находимся там, где находимся, в том мире, где подобные предположения рассматриваются как научная фантастика и единственное, чего я хочу сейчас – это избавиться от необходимости видеть мою дочь превращающейся в уголёк. Жаль, что я просто потерял здесь время. А вам я мог бы посоветовать оставить чужие миры в покое, занявшись своим.

Повернувшись, он широкими шагами направился к входной двери, когда вдруг услышал за спиной:

– Подождите! Пожалуйста, подождите. Всего одна мелочь, – Сергей оглянулся, увидев немигающий взгляд Михаила, по-прежнему сидящего в широком кресле и не выпускающего трубку изо рта. – Всего одна мелочь... – Михаил встал, подошёл к двери и спросил, старательно выдувая в сторону табачный дым:

– А как вы думаете, где вы находитесь сейчас?

Сергей не понял вопроса, но занывшим изнутри лбом почувствовал, просто почувствовал, что это почему-то очень важно. Так важно, что он переспросил:

– Ещё раз...

– Кто вам сказал, что вы сейчас в своём мире?

У Сергея похолодело внутри, как от сознания какой-то катастрофы, ещё непонятной, но уже неизбежной, он молча смотрел в остановившиеся глаза напротив и ждал продолжения. И Михаил продолжил:

– Насколько я теперь могу предположить, вы находитесь там, где ваша дочь практически умирает каждый день, пытаюсь помочь себе и вам вырваться отсюда. А вы не понимаете этого, не заметив, что просто застряли здесь после первой звёздной вспышки, не зная, что теперь делать и куда бежать, и даже того не зная, что вам жизненно необходимо попасть туда, где ваши дети возможно даже не помнят о случившемся. Как и вы, кстати. Вам необходимо вернуться. Туда, где вы были всего двое суток назад.

Глава пятнадцатая. Отчаяние Звезды

Мысли в голове Сергея рассыпались, как песок, не позволяя думать хоть сколько-нибудь продуктивно. Он в сотый раз прокручивал только что услышанное, но сейчас перед его внутренним взором был он сам, несколько минут назад, там, в дверях у странного рыжеволосого человека, после последних слов которого Сергей кивнул, словно сразу со всем соглашаясь, медленно повернулся, так же медленно нажал на ручку двери, открыл её и вышел.

Вечерний город выглядел вымершим, нагнетая и без того крайне устойчивое ощущение нереальности всего, что попадалось на глаза. На одном из поворотов Сергей увидел несколько полицейских машин, они стояли, загораживая дорогу в центр города, а на противоположной стороне улицы толпилась небольшая группа людей, некоторые из которых указывали руками в направлении полиции и что-то возбуждённо кричали. Сергей проехал не останавливаясь, уставившись на бегущее полотно дороги и вспоминая то засыпающее лицо дочери, то огненные волосы Михаила с пристальным взглядом его голубых глаз.

Подъехав к гостинице, Сергей тяжело вышел из машины и несколько секунд стоял, покачиваясь из стороны в сторону. Он чувствовал себя так, словно его разбудили после очень долгого сна. Чтобы разогнать это состояние, он бегом взлетел по лестнице, заставляя двигаться своё тело, деревянное от усталости, бессонницы и дурных мыслей.

Открывая дверь, он прислушался. В номере было тихо.

– Эй, все дома? – спросил он негромко, входя в прихожую. Ему никто не ответил, тогда Сергей в несколько широких шагов прошёл оставшиеся метры и оказался в зале. И от увиденного сразу лишился сил.

На пороге балкона, на коленях, спиной к комнате, сидел Рудольф, положив руки на плечи Анастасии, так же сидящей на коленках и склонившейся к старику таким образом, что не было видно её лица. Белые волосы старика шевелились от ветра, и волосы Анастасии вплетались в них, раздуваемые сзади вечерним морским бризом. Как-то отстранённо Сергей успел подумать, что если заснять эту картинку в медленном движении, она бы выглядела как целый букет тонких целующихся змей. Белых и чёрных.

Петьки видно не было. Сергей открыл рот для вопроса, но в горле неожиданно стало сухо, и у него получился только хрип:

– Что происходит? – он закашлялся, и от этого каркающего звука Настя вдруг подняла своё отслаивающееся коростами лицо и посмотрела на отца.

В этот момент старик завалился назад, не расслабляя рук и даже не меняя положения тела, и Сергей увидел, что Петя сидит там же, на пороге балкона, уткнувшись в ладошки лицом и не шевелясь. Сергей бросился к нему, перешагивая через тело Рудольфа, холодея от постоянно сопровождающего его взгляда дочери, чужого, враждебного, молчаливого и поэтому страшного. Он наклонился над сыном, чувствуя во всём теле звенящую оглушённость, взял неподвижное тело

на руки, затем опустился перед Анастасией на стоящий здесь же стул и спросил, пытаюсь говорить как можно более спокойно:

– Настёна... что здесь происходит? – слова не слушались его, ломаясь, как в голосе подростка, и Сергею пришлось повторить вопрос ещё раз, чтобы можно было понять сказанное: – Что происходит, дочка? Что с Петей?

Настя не отвечала, продолжая смотреть на него блестящими чёрными дырами, и тогда Сергей отвернулся к сыну и легко провел ладонью по его лицу в надежде, что неподвижный мальчишка как-то на это отреагирует. Горящей правой щекой он чувствовал, что дочь не сводит с него своего взгляда, но по-прежнему не понимал, видит ли она его или у неё просто открыты глаза:

– Сынок... просыпайся... что с тобой?

Голос Сергея дрогнул, и он глубоко вздохнул пару раз, чтобы успокоиться, как вдруг раздавшийся сзади голос заставил его обернуться. Это был Рудольф, который, помогая себе руками, уже немного привстал, чтобы сразу снова сесть на пол, прислонившись к стене:

– Вам необходимо уходить отсюда, Сергей. Иначе вы потеряете детей и себя, – старик говорил, сдерживая тяжёлое дыхание, словно от долгого бега, зажимая грудь высохшей правой рукой. – Я слышал сейчас, слышал то же самое, что мне говорили другие, зовущие Артура, моего внука. Но моя дочь, его мать... не хотела... не могла поверить... я сам не верил... тогда... не хотел верить... и сегодня утром он просто умер, вы слушаете меня? Его увезли и мою дочь увезли тоже. Он один из тех, кто помечен. Вы же всё знаете, вы сами всё видели... вы должны понять и поверить... что выход у вас один.

Почти не повышая голоса, Сергей проговорил, стараясь унять снова отчаянно растущую злость:

– Оставил своих детей с чужим человеком, считайся с тем, что при возвращении появятся вопросы и к чужаку и к детям.

От его голоса Петька зашевелился и открыл глаза. Увидев отца, он сонно проговорил:

– Пап... так интересно было... столько мальчиков и девочек... и все куда-то летят. Мы тоже полетим?

Сергей ошалело посмотрел на сына, потом на Анастасию, которая сейчас казалась просто куклой, красиво сделанной куклой с чёрным лицом, чёрными ладошками и бьющейся на ветру белой маечкой на потрескавшемся глиняном теле. Не отвечая сыну, Сергей заорал:

– Настя! Ты меня слышишь?!

Он закричал это вдруг прорвавшимся голосом, коротко обрадовавшись, что горло больше не перехватывает дурацкая мальчишеская ломка, и сразу заметил, как по телу дочери прошла

волна, после чего Настя почти незаметно и очень легко встала в полный рост и тут же снова подогнула колени, падая на выставленные вперед руки сидевшего рядом Рудольфа. Тяжёлый звон раздался в голове у Сергея. Тяжёлый и мощный, как звон большого треснувшего колокола, заглушающего слова беловолосого старика, слышимые как далекое эхо:

– Она придет в себя. Уже приходит. Просто она говорила с теми, кто хочет помочь. С теми, чьё место вы здесь занимаете. Вы все. С теми, кто хочет, чтобы вы вернулись туда, где вы быть должны.

– Вашу мать, куда?! Куда мы должны вернуться? В рассказанные мне сказки, предположения, теории, фантастику девятого дня?! Куда, Рудольф, чёрт бы побрал всё вокруг и ещё дальше! Вот взять и вернуться туда, куда не ведет ни одна мало-мальски порядочная дверь? Куда, милый мой старикан?! Что я должен делать, чтобы просто увидеть мою дочь здоровой?!

– Петр тоже чужой здесь. И они не больные, они меченные, – Рудольф слегка задрал себе рубаху, положив ладонь на живот и похлопывая по нему. – У него пятна по всему телу, начиная с живота. Посмотрите...

Он замолчал, увидев снова поднимающуюся на ноги Настю. Качаясь, как сомнамбула, она пошла к дивану, ведя по стене выпрямленной рукой. Сергей в несколько широких шагов догнал её и подхватил как раз в тот момент, когда она почти упала на синие подушки, поддерживая её одной рукой и усевшись рядом, не выпуская из другой руки прижавшегося к нему сына.

– Посмотрите... просто поднимите ему майку.

Сергей молча поднял край белой ткани и сразу увидел большое пятно, расплывающееся по животу и поднимавшееся к шее. Поставив сына перед собой, Сергей полностью снял с него маечку и повернул к себе спиной. По острым лопаткам цвели серые плотные круги, соединяющиеся между собой, как небольшие лужи. Петя повернул к нему лицо и тихо проговорил:

– Пап... у меня ничего не болит... честно-честно. Мне не надо в больницу, хорошо?

Сергей молча взял телефон и набрал номер клиники. Ожидая ответа, он старался не смотреть на лохмотья чёрной кожи на щеках Анастасии.

– Здравствуйте. Мне необходимо поговорить с доктором Рудиным. Или с кем-либо, кто сейчас принимает детей. Мне просто нужна информация. Да... дочь. И сын... Чрезвычайное положение? Что за... как я могу поговорить с врачом? Звонить в полицию? Это для того, чтобы приехать в больницу? Ах, сопровождение... понятно... другой информации вы мне дать не можете? Спасибо и на этом.

Он положил трубку и с кривой улыбкой посмотрел на подошедшего к нему Рудольфа:

– У них какое-то ЧП в больнице. Дети с родителями только в сопровождении полиции. Самим приезжать нельзя. Похоже, что рехнулись просто все. Хотелось бы надеяться, что не я. Поэтому мы едем прямо сейчас.

– Да, конечно, а я пойду домой, – сказал Рудольф, тяжело поднимаясь на ноги, – и не придумывайте ничего из того, что вы здесь видели, действительность гораздо проще и несравненно более серьёзное, чем вы предполагаете. Я пойду... у меня тоже есть, о чём подумать.

Сергей не сказал ни слова, молча провожая взглядом скрывшуюся в коридоре фигуру. Когда хлопнула входная дверь, он повернулся к Насте, по-прежнему не выпуская сына из рук:

– Настя, теперь ты. Что здесь произошло? Расскажи, мне необходимо знать.

Он с усилием смотрел в её глаза, лишённые всяческого выражения, просто каким-то внутренним чувством понимая, что эти чёрные белки, похожие на блестящие выпуклые пуговицы, направлены сейчас именно на него.

– Ты слышишь меня? Ты меня слышишь, до-чень-ка?

Последние слова Сергей проартикулировал с отчаянием, почти не надеясь получить какой-либо ответ. Просто критическая масса всего происходящего уже настолько перешла все возможные границы, что он ожидал какой угодно фантазмагии, сюрреализма, дури, сумасшедшего хохота, но не нормального человеческого голоса. Голоса, который он знал.

– Да, пап... слышу... дедушка Рудольф ничего плохого не делал.

То, как она говорила, её интонация, её обычная манера речи снова подействовали на Сергея, как дыра в залепляющей дыхание плёнке. Он вздохнул сразу и мощно, откинувшись спиной на подушки дивана и отпуская из рук сына. Голос дочери звучал обычно, как всегда, может чуть более шёпотом и чуть медленнее, но чисто и ровно, как он привык. "Так не говорят умирающие, – думал он, – и с тобой всё будет хорошо. И с Петькой всё будет хорошо. Но если бы я только знал как и когда".

– Продолжай, Настён. Я слушаю.

– Я встала недавно. Прошла в комнату. Увидела дедушку Рудольфа с Петькой. Спросила, где Артур. И узнала, что Артур сегодня умер. Он умер, пап.

– Я знаю.

– Он прыгнул. И я тоже должна. Мне говорили так. Стать Звездой.

У Сергея снова что-то заворочалось в груди:

– Настёна, Артур разбился, понимаешь? Просто разбился. Так разбиваются люди, когда падают с большой высоты. Это бред, обычный бред. Я понятия не имею, каким образом ты слышишь то же, что другие дети, каким образом вы всё это слышите, но Артур просто разбился.

Нет ничего в этих голосах, кроме возможности быстро умереть, пойми это, пожалуйста, и не говори мне об этом, потому что ты не умрешь!

– Папочка... я на себя в зеркало смотреть не могу... – Настя вдруг всхлипнула и сжала висящий на груди талисман водолея чёрным кулачком. – Ты мне подарил его и сказал, что он счастье приносит, а я на себя в зеркало смотреть не могу, папочка, когда это закончится!

Её голос звенел, а из чёрных впадин скатились две тёмные капли, оставляя на коже чёрный след. Петька, сидящий у Сергея на коленях, отвернулся и шёпотом сказал ему на ухо:

– Пап, я пойду монетки разложу. Я ещё не всё достроил. А то я боюсь. Ладно?

Сергей раскрыл руки, Петька соскочил с колен и побежал к журнальному столику, где до сих пор стояла его пирамидка.

Проводив его взглядом, Сергей в очередной раз почувствовал, что не справляется с реальностью происходящего, воспринимая всё словно театральную постановку, сказку, странный фильм. Он поймал себя на мысли, что практически не отреагировал на тёмные пятна на теле сына, приняв их едва ли не как должное в этой ситуации. Он созерцал всё глазами человека, находящегося в неглубоком сне, поверхностно, не связывая увиденное с реальностью, уже наверняка зная, что это просто сон, обычный дурной сон и надо только проснуться и всё исчезнет. Он видел следы на Настиных щеках, оставленные его пальцами ещё тогда, когда он дотрагивался до неё перед уходом. Эти следы зарубцевались и потемнели ещё больше, став выпуклыми и жесткими, как кора дерева.

– Это просто не может быть правдой... – горячо шептал он сам себе, – ...не может быть... где-то какая-то ошибка... грандиозная ошибка, поняв которую мы сможем снова стать теми, кем были всего два дня назад... вот только где искать, как узнать и чем заплатить.

Он наклонился к самому Настиному лицу и произнёс так спокойно, как только мог:

– Настенька, просто поверь... ведь я никогда тебя не обманывал... всё пройдет бесследно и ты снова сможешь смотреть на себя в зеркало, веришь?

– Да... только я боюсь, пап, как и Петька... сделай так, чтобы это случилось быстрее. А сейчас я буду спать.

Она закрыла глаза, отчего посветлевшие влажные линии на её щеках снова протекли свежими чёрными каплями, взяла лежащее рядом покрывало и натянула его почти до лба, оставив снаружи только тёмные вьющиеся волосы.

– Ты будешь спать здесь? – спросил Сергей. Настя, не отвечая, кивнула под одеялом головой. Сергей ещё какое-то время сидел рядом, наблюдая за молчаливо и сосредоточенно раскладывающим монетки сыном, потом осторожно встал и вышел на балкон.

Всего два дня назад. Он вспомнил, как он смотрел тогда на ночное небо, высоко задрав голову и почти ослепнув от пронзительного света. Сейчас на небе не было видно ничего, только бледные цветные всполохи очень высоко, красиво расплывающиеся, как акварель по мокрой бумаге.

Она должна была быть там, эта Звезда. Она обязана была находиться там. Белая Звезда, высоко-высоко, похожая на булавочный прокол в угольном полотне небосвода, крошечная дыра в небе, испускающая пронзительный и пульсирующий серебряный свет. Сергей не спрашивал себя, зачем ему это было нужно, но он хотел увидеть её, теперь уже постоянно занимающую его мысли. Не только происходящее с детьми рождало это желание, не слова рыжеволосого Михаила, не разбившийся Артур и не вплетающиеся в черноту его дочери белые змеи старика. В его сознании уже создалась эта связь, между ним и бьющейся в собственной неопределённости Звездой, в силу которой он ещё не верил, влияние которой он упрямо отрицал, но в реальности которой не сомневался. В ней было больше живого, чем в этом городе вокруг, вымершем и странном, заполненном пустыми домами и редкими людьми, появляющимися, как в сценарии, для коротких диалогов, и исчезающими сразу после последнего сказанного слова. В ней было что-то, что заставляло искренне желать и страстно любить и получать заслуженную отдачу, она дарила всё это, бескорыстно и в достатке, она не была враждебной, скорее одинокой, ненужной здесь, чужой на залитом пустынной чернотой небе, совершенно лишенном любых других звёзд. Её свет слепил, он причинял непонятную, почти ожидаемую боль, он слишком будоражил, наполняя сумасшедшей силой и ощущением уверенности, могуществом, которое требовало немедленного применения. В этом слепящем и невидимом свете было её разочарование, её отчаяние, совершенно дурацкое отчаяние звезды, горячим пеплом своего рождения сжигающей детские тела. Она светила чужим светом. Их светом. Светом тех, кто занимал в этом мире чужое место. И этот свет разливался, как время, осязаемо, оставляя горечь от того, что его становится всё меньше... он чувствовал сейчас, что времени остаётся мало и надо успеть... запрыгнуть в крутящуюся световую карусель, в биение серебряного пульса, в фантазию, неожиданно ставшую кусочком его жизни, за которую он отдаст всё... да, совершенно всё, за право сопровождать эти исчезающие в белом свете детские фигурки... и за возможность остаться с ними... чего бы это ни стоило.

Сергей вошёл в комнату и увидел Петьку, спящего на краю дивана рядом с сестрой, обняв её одной рукой, опустив другую почти до пола. На полу, возле его раскрывшейся ладонки, лежали несколько выпавших монет.

Глава шестнадцатая. Синие паруса

Свалившись на постель в детской комнате, Сергей некоторое время просто лежал, неподвижным взглядом уставившись в потолок, и думал, что через два-три часа разбудит детей, позвонит в полицию и поедет в клинику, потому что всё должно как-то закончиться. Что именно должно было закончиться таким образом и как вообще это закончиться могло, он себе совершенно не представлял. Это была обычная лихорадка, желание какого-то движения, неважно какого, лишь бы не поддаваться тоске ожидания неизвестности. Сергей думал над словами Михаила о другом мире, и его уже не корёжило от бредовости услышанного, он просто не знал, что делать с этим знанием, не находя в нём ничего спасительного для себя, совсем ничего, но какой-то звериной интуицией ощущая, что это правда, он и его дети стали здесь заложниками, занимая чужую жизнь и оставив пару суток тому назад свою. Звезда была всему виной, он чувствовал это. И невозможность увидеть её сводила его с ума.

Сна не было. Это нельзя было назвать сном. Временно приходившее состояние было больше похоже на оцепенение, когда невероятные видения опутывали сознание, словно бинтами, растягиваясь длинными лентами, на которых красными пятнами проступали фантастические картинки.

Он видел себя идущим по длинному коридору с ободранными стенами, на которых лохмотьями висела казавшаяся живой старая краска, а он шёл по скрипучим и пахнущим гнилью доскам, прогибающимся под его шагами и ноющим, словно испорченная скрипка. Он двигался осторожно, касаясь ладонями шелушащейся коросты стен, направляясь к находящейся в конце коридора открытой двери, за которой не было видно ничего, кроме ослепительного света, больно бьющего по глазам и молоком стекающего вниз, просачиваясь сквозь щели в старых досках. Хотелось выйти из этого коридора, где пахло застаревшей сухой гнилью, и пол качался, как дно

небольшой лодки, а стены жили своей непонятной жизнью, шевелясь, расходясь и сдвигаясь снова. Иногда эти стены почти касались его плеч, и тогда Сергей продирался вперед, оставляя за собой сыпучий шорох ободранной краски, падающей вниз медленно, словно куски сажи.

Дверь захлопнулась внезапно, обрезав вливающийся в коридор яркий свет словно ножом, резким звуком сотрясая покалеченные стены и вбивая в душу тревогу, почти панику, растущую под сужающимися стенами коридора, в котором эхом раздавались звуки его тяжёлого дыхания.

Сергей проталкивал себя к захлопнувшейся двери, изо всех сил упираясь ладонями и локтями в живые стены, выдавливая ногами зыбкий и дырявый пол, сквозь щели которого вытекали последние капли оставшегося на досках света. И вдруг у него на глазах дверь начала разваливаться от бешеного напора за ней, почти взорвавшись от выдавившего её бурлящего, пенного потока, несущегося измочаленными, расщепленными кусками прямо на него. А он упирался в стены руками, принимая серую волну наклонённой вперед головой и стоя в бьющейся об него массе, как в потоке грязного воздуха, швыряющего ему в лицо какие-то тряпки, которые он сдирал со щёк вместе со своей кожей, ключьями висящей на его скрюченных пальцах и по-прежнему ни черта не видя из-за летящего в него в световом потоке мусора.

И вдруг всё закончилось. Он стоял между абсолютно чистых, белых стен, шевелящихся вертикальной гладью только что разлитого молока, чувствуя тепло и неожиданную успокоенность и держа в руках куски какой-то грязной, мокрой, случайно пойманной ткани. Расправляя спутавшиеся складки, Сергей увидел обычную простыню, рваную и совершенно потерявшую свой первоначальный цвет, ставшую почти бурой, как раскрашенная белой гуашью ржавая крыша. По всей поверхности простыни плыли изображения небольших корабликов с наполненными ветром синими парусами и маленькими пушками на корме. И в эту секунду мгновенно вспыхнувший свет затопил его сознание и ослепил глаза, вливаясь ему в уши вместе с резко сказанным, страшным шёпотом, который он не мог не узнать: "Папа, ты идешь?!"

Сергей вскочил с постели, едва не рухнув снова. Ещё плохо соображая, он, спотыкаясь, вбежал в зал и сразу увидел диван, на котором комочком свернулся спящий Петька. Насти не было. Бросив по комнате дикий взгляд, Сергей пересек её в несколько широких шагов и оказался на лоджии.

Настя сидела на перилах, поставив босые ноги на стул и смотря через плечо на растекающийся по ночному небу непонятно откуда падающий свет. Сергей не видел ничего, кроме

её четкого профиля на чёрном фоне. Залитая серебряным светом, её кожа казалась белой, почти прозрачной, и Сергей снова почувствовал постоянно сопровождающее его чувство театральности происходящего.

– Дочка... ты почему не спишь? – он спросил это тихо, стараясь говорить как можно более спокойно, всеми силами борясь с колотящимся в груди сердцем. – Давно тут сидишь? Я к тебе подойду, хорошо?

Настя повернула к нему голову, и Сергей, смотря на неё, подумал, что никакая привычка не даст ему спокойно воспринимать увиденное – в отраженном свете неосвещённое лицо почти сливалось с окружающей темнотой, оставляя видимыми лишь две тлеющие искры в чёрных глазах, также едва различимых на неподвижной маске лица.

– Пап... мне надо туда. Понимаешь? Надо.

– Куда, дочка? На Звезду? Ты же знаешь, что это невозможно. Она слишком далеко.

– Я не знаю, пап. Я только уверена, что мне необходимо постараться стать как она. И тогда я смогу стать прежней, какой была. Понимаешь?

– Не понимаю, Настёна. Не могу понять. Пока не могу. Я не слышу голосов так, как это делаешь ты, мне никто ничего не говорит.

– Неправда. Ты тоже слышишь. И Петька слышит, – она наклонила голову, спрятав лицо и обхватив себя руками за плечи. – Мы все слышим. Они не хотят, чтобы мы оставались здесь.

– Кто "они", дочка?

– Те, кто говорят, пап. Голоса. Я даже бояться устала.

Сергей подошёл к дочери вплотную, осторожно обнимая и чувствуя, как задрожали её плечи:

– Дочка, скажи, что нам делать? Я не понимаю того, что я вижу. И не представляю, что мне делать с услышанным.

– Не знаю, пап. Я же сказала – не знаю. Только мне надо это сделать раньше, чем Звезда потухнет. А я её не вижу, пап! Я не вижу её! Я её только чувствую. Всем телом чувствую. И слышу, как уходит моё время. И твоё. И Пети. И я не знаю, как сделать правильно. Потому что не хочу никого терять.

– Ты никого не потеряешь. Ни меня, ни Петьку. – Сергей смотрел на опущенную голову дочери: – Я тоже не вижу Звезду. Возможно, она скрыта за ночными тучами. И вообще не вижу никаких звёзд.

Настя отрицательно покачала головой:

– Нет. Я не знаю, как объяснить. Я только чувствую, как она горит. Как будто горячая вода течет. И до меня доходит её тепло. Её жар, понимаешь? Но сегодня меньше, чем вчера. И я боюсь, что не успею.

Сергей осторожно взял дочь на руки, снова вспоминая голубые глаза Михаила и его слова, сказанные в дверях кабинета. Уткнувшись в отцовское плечо, Настя мелко дрожала, словно от холода, и Сергей, сильнее прижимая к себе её трясущееся тело, переступил балконный порог. Его заставило обернуться ощущение тепла, заструившееся по лицу потоками нагретой воды, наполняющей ткань рубахи и делающая её тяжёлой и горячей, словно топленое масло. Посмотрев на закрытые глаза дочери, Сергей вошёл внутрь и плотно закрыл за собой балконную дверь.

Уложив Настю в постель, Сергей, пошатываясь, вышел в зал, поправил сползшее с тела сына покрывало и сел в кресло, тяжёлым взглядом уставившись в начинающий загораться оранжевым цветом горизонт. Было четыре часа утра.

Глава семнадцатая. Твоя жизнь. Твоё решение

– Папа, проснись, проснись! – Сергей очнулся от звенящего голоса сына, взорвавшегося в голове как стеклянная колба. Открыв глаза, он увидел испуганное лицо Петьки, трясущего его за руку: – Папа, я Настю боюсь, она совсем заболела, надо врачу позвонить, пап!

Окончательно сбросив оцепенение короткого сна, Сергей вскочил из кресла, но тут же упал обратно, посмотрев на трясущие его маленькие руки. Вчерашние пятна стали угольно чёрными, а остальную часть затянула серая короста, исчезающая под рукавами. Схватив сына за плечи, Сергей придвинул его ближе к себе и одним движением стянул с него футболку.

Нетронутым оставалось только лицо. Всё остальное тело, от шеи до пояса, было покрыто плотными тёмными струпьями.

– У меня ничего не болит, пап, просто некрасиво совсем, а Настя плачет. И ещё на неё совершенно невозможно смотреть.

Сергей снова рывком вытащил своё тело из кресла и влетел в спальню.

Настя лежала на постели ничком, на локтях и коленках, уткнув голову в подушку и сбросив покрывало. Её плечи тряслись в беззвучном плаче. Сергей оторопел, увидев покрытую грязно-бурыми пятнами простыню, по которой плыли изображения небольших корабликов с синими парусами и маленькими пушками на корме. Ткань выглядела так, словно в неё заворачивали куски мяса. Перед глазами пролетел недавний двигающийся коридор и оставшиеся на руках грязные лохмотья. Опустившись перед постелью на корточки, он осторожно обнял плечи дочери:

– Настёна, совсем плохо, да? Покажи.

Настя отчаянно замотала уткнутой в подушку головой, отталкивая отца левой рукой.

– Не хочу, пап! Не хочу так!

Не переставая плакать, она вдруг выпрямилась и села на постели, повернув к Сергею похожее на сгоревшую ткань лицо, с тёмными, глубокими, сырыми бороздами на щеках, из которых на подбородок стекали крупные бурые капли. Сергей непроизвольно отёрнул руки, ошарашенно смотря на дочь, не в силах произнести ни единого слова. Он вдруг абсолютно ясно представил себе, что ещё одну ночь она не переживет. То, что он видел сейчас просто не могло быть лицом живого человека, и эта корректировка должна была скоро наступить.

Не говоря ни слова, Сергей резко встал, вышел из комнаты и взял лежащий на столе телефон, смотря на сына, который, спрятав за спиной руки, испуганно заглядывал в комнату, где осталась Анастасия. Телефон больницы не отвечал.

Раз за разом набирая номер, Сергей включил телевизор, сразу попав на репортаж с улиц города. Женский голос говорил резко и возбуждённо, созвучно происходящему на экране:

– Родители не хотят отдавать своих детей в больницу, поскольку у врачей так и не сформировалось общего мнения о причинах эпидемии "детского пепла". В свою очередь, мы обращаемся к тем, кто считает эту болезнь заразной, всячески дискриминируя заболевших детей и их родителей. Нет никаких доказательств того, что данное явление каким-то образом передаётся. В пользу этого положения, высказанного врачебным комитетом, говорит тот факт, что на сегодняшний день не зафиксировано ни одного нового заболевания. Мы призываем граждан проявить сознательность и прекратить акции вандализма и нападения на медицинские учреждения и больных детей! Это ваши соседи. Вы знаете их имена. Пожалуйста, мы просим вас, не делайте их существование ещё более тяжёлым!

В каждом мелькающем репортаже Сергей видел полицейские машины, солдат и красные каски пожарных. Переключив ещё один канал, он наткнулся на разбитые окна и двери знакомой

клиники, возле которой, оглядываясь по сторонам, топталось несколько полицейских с озадаченными лицами, сопровождающих выходящих из дверей больницы врачей в грязных халатах. Скользнув по прилегающему ландшафту, камера показала стоящий возле стены здания бронетранспортёр и нескольких военных, раскатывающих рулоны колючей проволоки. Дальше за территорией хаотично двигалась группа что-то кричащих людей, кидающих в медленно едущую бронированную машину камни и смываемых затем мощной водной струёй. Сергей презрительно сжал губы:

– Страшно вам, да? Что ж вы, суки, гробите всё именно тогда, когда не понимаете, что происходит? Знать бы, кто вас ведёт. Давайте, горожане, больше дерьма, помогите детям и врачам.

Он смотрел в мелькающие кадры, разговаривая сам с собой злым, тихим шёпотом, наблюдая за рождением средневековой картины, на которой, как от невидимой руки больного художника, появлялось невероятное по своей простоте сплетение задушенного паникой здравого смысла с обычным людским голодом к зрелищам.

– Но не все же среди вас боятся, верно? Среди вас найдётся немало таких, кто делает это в угаре бесплатной дозой адреналинчика, преследуя больных детей и врываясь в больницы, чтобы получить ни с чем не сравнимое ощущение безнаказанности, избранности и всемогущества. Чувство Бога.

Очередной канал показал здание какой-то маленькой частной практики, из раскуроченных дверей которой несколько военных выносили к машине скорой помощи двое носилок с чем-то или кем-то, упакованным в чёрные мешки.

– Интересно, интересно, – сквозь зубы цедил Сергей, внимательно смотря на мелькающие перед ним изображения, – сколько всего за несколько часов. Как быстро вы все тут заболели... надо же... немного времени понадобилось людям, чтобы найти себе увлекательную игрушку.

Он набрал номер Михаила и, услышав его голос, произнес, старательно выговаривая каждое слово:

– Михаил, здравствуйте, это Сергей. Вы меня помните, надеюсь.

– Да, Сергей, я узнал. Нам надо встретиться. Вы в опасности.

– Знаю. Посмотрел новости.

– А ещё у меня для вас некоторая информация. Про то, о чём мы говорили. Надеюсь, вам поможет. Кстати, что с вашими детьми? Хуже, верно?

– Да. Плохо. Я не могу дозвониться до больницы. У дочери на теле не осталось живого места. У сына тоже пятна везде кроме лица. Сейчас я во всем с вами согласен. И у меня тоже сложилась кое-какая картина.

– Я сейчас еду в клинику. Подъезжайте туда, встретимся у доктора Рудина. У Романа. Но сначала, пожалуйста, позвоните в полицию. Они вышлют для вас сопровождение. В городе чрезвычайное положение.

– Чрезвычайное положение, полагаю, вызвано последствиями паники среди людей, а не по причине болезни?

– Да. Паника оказалась страшней и разрушительней. Приезжайте. В гостинице вам делать нечего.

Краем взгляда Сергей заметил стремительное движение справа от себя, обернувшись как раз в тот момент, когда Настя, бесшумно пробежав мимо него, закрылась в ванной комнате.

– Михаил, понял, до встречи, – с этими словами Сергей выключил телефон и подошёл к двери ванной комнаты.

– Настёна, открой. Мы сейчас едем. Все вместе.

Замок щелкнул, и дверь приоткрылась на несколько сантиметров, через которые Сергей увидел зеркально отполированные чёрные камни глаз. Голос дочери звучал спокойно, почти шёпотом:

– Пап, дай мне две минутки. Две, хорошо?

Настя подошла к зеркалу, рассматривая кожу на лице, похожую на тёмную, мятую бумагу, поднесла к лицу свои руки, повертела ладонями перед глазами в тщетной надежде найти хоть какие-нибудь улучшения, ожидая, что эта чёрная пергаментная плёнка, обтянувшая их, сейчас растает сама собой. Всё оставалось по-прежнему, только цвет кожи стал ещё более тёмным, с охристым оттенком древесной трухи, и в некоторых местах появились маленькие мокнувшие пятна, липкие и скользкие, как след от улитки. Закусив губу, Настя всхлипнула несколько раз, не отрывая взгляда от своего отражения, затем зажмурила веки, отчего слёзы ручейками потекли по шершавым щекам, снова открыла глаза, посмотрела на бурые влажные следы на скулах и вдруг подняла вверх и сильно сжала перед пепельными губами свои чёрные кулачки, зажимая себе рот и борясь с удушающим желанием закричать во весь голос.

– Я не хочу... не хочу... я не хочу так, – горячо шептала она, со свистом выталкивая слова через прижатые ко рту ладони. – Если бы я только верила в это, если бы я только могла в это

поверить... прыгнуть... это страшно... очень страшно... папочка... я очень боюсь... но если бы я знала, что делаю правильно, я бы прыгнула.

Её тело тряслось от зажатых рыданий, глаза ничего не видели, она просто стояла перед зеркалом и шептала в ладони, пытаясь успокоиться, но слёзы текли и текли, капая с её пальцев, как в замедленном кино, и оставляя на полу маленькие тёмные звёздочки. – Если бы я только знала... что там... если я прыгну.. надо ли прыгать...

– Прыгать... – услышала она свой голос, эхом повторенный сразу после её последнего слова. Опустив руки и ошарашенно посмотрев перед собой, Настя увидела стоящее в практически неразличимой комнате своё отражение, по-прежнему держащее возле подбородка сжатые в кулачках ладони и снова повторившее только одними пепельными губами:

– Прыгать... ты знаешь... я знаю... мне верь. Прыгать. Пока звезда жива. И только когда она тебя зовёт. Иначе погибнешь.

– Ч-ч-что? – заикаясь, выговорила Настя, пятясь назад от своей копии, остающейся на месте и следящей за ней, опустив от лица чёрные кулачки.

– Смотри, – снова раздался шелест почти не двигающихся губ, после чего всё вокруг закружилось с увеличивающейся скоростью, становясь нереальным и аморфным, кроме самой Насти и зеркала, где сейчас тоже была она, испуганная, настоящая, с лихорадочно горящими глазами, судорожно вытянутыми вдоль тела руками, с расставленными чёрными пальцами, с дрожащими, потрескавшимися губами, с которых сейчас не мог сойти ни единый звук.

Она увидела, что её отражение начало меняться. Словно невидимой рукой снимались короста с губ и впалых щёк, растворяясь в воздухе сразу после отделения от тела, невидимой кисточкой осветился лоб, осыпался серый песок с шеи и плеч, брови и ресницы выросли, выталкивая обожжённые корни того, что когда-то защищало её глаза, и сама их чернота сменялась здоровой белизной белка, вытекая грязными ручейками и испаряясь кипением на уже розовых и здоровых щеках.

– Это же... я... Я! – Анастасия почти рычала, рванувшись всем телом к изображению той, кем она была совсем недавно, и к сказочному обещанию стать такой снова. – Я прыгну! Я сделаю! Я уговорю папу! Он должен знать, он придумает что-нибудь, он должен знать об этом!

– Нет... твоя жизнь... твоё решение... тебе принимать. Он – отец... может не понять, не пустить... решать тебе... за нас обеих.

В голове у Насти зашумело, напряжение последних минут ослабило её ноги, раскручивая весь мир вокруг в какой-то бешеной карусели, она ещё слышала свой голос, идущий из зеркала напротив, уже разбивающийся на несколько других, как в радиопомехах, она перестала

чувствовать и воспринимать, где сейчас находится, что делает и чего хочет, только тёмный, полый шар вокруг неё, с миллионами искрящихся точек, осыпающихся и гаснущих тихо, как во сне, наполненном неразличимыми звуками, незнакомыми голосами, внезапно появившимися лицами её отца и брата, и эхом повторяющихся слов: "...решать... тебе... за нас обеих..." Настя упала на четвереньки, ударившись коленями об опрокинутый стул, почти завалилась на бок, удержалась, схватившись за столик перед зеркалом, кинула невидящий, безумный взгляд в зеркальную черноту и не увидела там ничего, совсем ничего, только гаснущие искры замолчавшего силуэта, осыпающиеся дождём на её скорченную на полу фигурку.

– Меня здесь больше нет... нет... меня... – прошептала она и, боком упав на пол, потеряла сознание.

Глава восемнадцатая. Нападение

Дозвониться до полиции оказалось делом непростым. Сергей безуспешно набирал номер несколько раз, тихо матерясь и поглядывая в сторону мелькающего телевизионного экрана. Наконец, ему ответил глухой женский голос, настолько замороченный, что на слова "Дежурный отдел слушает" Сергей недоверчиво переспросил:

– Э... ещё раз, куда я попал?

– Я же сказала – дежурное отделение. Говорите быстрее, пожалуйста, линия горит.

– У меня запрос на сопровождение детей до больницы. Двое ребятшек. Прямо сейчас.

– Ничем не могу помочь. В вашем районе патрулей нет, все заняты. Могу прислать экипаж через два часа, если будете ждать.

Ждать два часа Сергей не хотел. Коротко поблагодарив, он положил трубку, посидел ещё пару минут, продолжая тарашиться в мелькающий экран, пару раз тряхнул головой и набрал номер Михаила, бормоча себе под нос: "Ничего, доедем как-нибудь сами... какие, к чёрту, два часа..." Через несколько секунд ожидания Михаил ответил. Выслушав идею о самостоятельной поездке, он коротко оттарабанил:

– Рискуете. Доберетесь до центра – обратитесь к любому из находящихся там военных патрулей. Они вас проводят. До скорого. И удачи.

Буркнув что-то утвердительное, Сергей повернулся к сыну:

– Сынок, одевайся, мы сейчас уезжаем. Я пойду собирать Настю. Эй, сынок?

Сергей вдруг увидел, что плечи сына заметно дрожат. Маленькая фигурка сидела к нему спиной, и только сейчас Сергей услышал тихие всхлипы. Петька плакал. Он сидел сгорбившись, поджав под себя ноги и пряча лицо, часто вытирая рукавом нос и изо всех сил старался, чтобы его не услышали. Сергей осторожно обошёл диван, подошёл к сыну спереди и опустился перед ним на корточки:

– Сынок... сынок мой... ну, вот и ты расплакался.

Петька прятал лицо за поднятыми руками, спросив прерывающимся от всхлипов голосом:

– Пап... мы с Настей умрем, да?

Сергей сжался не от вопроса, а от интонации совершенного отчаяния, которой он не слышал в голосе сына никогда. Петька не плакал в обычном смысле слова. Плакать могли его плечи или закрывающие лицо ладошки, но сам он при этом лишь поскуливал, почти неслышно, чаще совсем беззвучно, отворачиваясь и прячась от всех, кто мог это заметить. И сейчас он сидел, закрыв лицо руками, а между его маленьких пальцев протекали грязные тёмные капли. Сергей, терпеливо переждав спустившийся по спине озноб, взял пепельные ладошки сына в свои руки и, разведя их в стороны, посмотрел в заплаканное лицо.

На всей правой стороне, от шеи до лба, лежало тёмное пятно, покрывая лицо мальчишки точно до середины, словно театральная маска, на которой влажно блестели сильно потемневшие глаза. И на этих двух идеальных половинках было ясно видно, как ещё здоровая кожа с левой стороны лица, соприкасаясь с серой коростой справа, вянет и сжимается, словно опускающаяся в кислоту травинка. Петька смотрел уже почти успокоившись, не пытаясь отнять свои ладошки, зажатые в отцовских руках, и лишь пару раз резко качнул головой, чтобы стряхнуть повисающие на подбородке капли. И в этот самый момент из ванной комнаты раздался шум падения, звон рассыпающихся предметов и сдавленный Настин крик.

Бросившись к двери в ванную, Сергей дёрнул за ручку. Поняв, что дверь заперта, он сделал короткий шаг назад и ударом ноги вышиб дверной замок. Медная фурнитура вылетела вместе с надвое переломившимся косяком, который заклинил слегка открывшуюся дверь, и Сергей, схватившись обеими руками за расщеплённые рейки, вырвал весь косяк целиком, едва не потеряв при этом равновесие. Оттолкнув завалившееся набок дверное полотно, Сергей вбежал внутрь и сразу увидел Настю, лежащую на полу в луже воды. Она лежала ничком, разбросав руки в стороны, и в своём белом халатике с капюшоном была похожа на белую птицу, упавшую с большой высоты. Бросившись к ней, Сергей взял дочь на руки, быстро оглядываясь по сторонам в

поисках возможной причины её обморока, затем резко поднялся и двинулся к выходу, осторожно переступая через окончательно упавшую конструкцию двери. Выходя из ванной комнаты, он машинально обернулся к находящемуся внутри большому зеркалу, успев заметить рассыпающиеся в нём зелёные искры, падающие на всё ещё лежащую на полу неподвижную девичью фигурку.

Сергей гнал машину, словно пытался оторваться от преследования. Он понимал, что едет слишком быстро, стараясь справиться с давлением сумасшедшего адреналина, пепельный вкус и песочный скрежет которого постоянно чувствовал на закушенных губах. На крутом повороте автомобиль занесло и, коротко бросив взгляд в зеркало, Сергей увидел, как дети покатались по заднему сиденью, хватаясь друг за друга и за передние спинки. Но не это отрезвило его, заставив мгновенно сбросить скорость, а то, что при этом не было издано ни единого звука. Данная мелочь шарахнула по сознанию сильнее, чем если бы сейчас его глушил детский разноголосый визг. Сергей вдруг почувствовал, что дети стали другими. Не внешне, поскольку это было очевидно. Они неуловимо изменились внутренне, оставаясь в своих речах и действиях обычными детьми, но всё же ошеломляя своей непричастностью к тому, что происходило вокруг. Слишком много было событий, выбивающих почву из-под ног, слишком интенсивно накапливалось напряжение за эти трое суток. Не прошло бесследно. И ещё он с какой-то покорной обречённостью подумал, что если их кожа всё-таки станет прежней, то сами дети уже нет.

Во время движения, часто поднимая глаза к зеркалу, Сергей наблюдал за детьми. Настя сидела рядом с притихшим братом, который время от времени молча посматривал то на руки сестры, то на её отвернутое к окну лицо, то на спину сидящего впереди отца. Когда Сергей случайно встретился с ним взглядом, Петя закрыл лицо ладонками и тоже отвернулся к окну, отсев от Насти на противоположный конец сиденья и уже не сводя взгляда с проносящихся за окном домов.

Город изменился. Выглядевший пустынным вчера, сейчас он казался просто заброшенным. Не было видно ни единого человека на улицах, ни единой машины на дороге, только почти на каждом перекрёстке угрюмо стояло по два полицейских броневика, и совсем невысоко над домами кружил военный вертолёт.

– Ребятишки, говорите что-нибудь, – попросил Сергей, снова подняв глаза к отражению молчаливых детей, – рассказывайте, что видите по дороге. По радио только непонятный шум, а в тишине ехать как-то тоскливо. Мы же в отпуске всё-таки, каникулы, если вы ещё помните.

Он врал. Радио было в порядке. Просто ему хотелось услышать привычно звучащие голоса. Именно эти голоса успокаивали его, придавая ощущение хоть и гротескной, но всё же хоть какой-то реальности происходящему вокруг бардаку.

– Я вижу разноцветные домики и улицу с деревьями, – сказал Петька, придавив нос к стеклу, – больше ничего. Наверное, все сидят дома.

– И я вижу пустую улицу, – тихо проговорила Настя, – мне кажется, что в городе мы одни. Поехали домой, пап. Не в гостиницу. К нам домой. Не хочется больше отпуска. Что-то у нас на этот раз не получилось.

– Не получилось, говоришь... скоро поедem, Настён. Вот справимся с вашими болячками и поедem.

Встретив взгляд дочери в зеркале, Сергей улыбнулся ей, привычно внутренне холодея от вида её лица:

– Мы справимся, ребятки, вот увидите. И уже скоро.

Сергей сам не понимал, зачем он это говорил, откуда приходила к нему эта уверенность, абсолютная, неоспоримая и совершенно безнадежная. Он не видел выхода, только звенящие осколки картин, диалогов и недавних воспоминаний, взрывающихся иногда, словно световые бомбы, оставляющие ощущение неизбежности появления чего-то страшного и необходимого. В сотый раз прокручивая всё в голове, он не представлял себе, как должно было произойти избавление от беды, накрывшей его детей, но именно несуразность и даже дикость событий, всего за несколько часов полностью завладевших его сознанием и детскими телами, давали какую-то фанатичную уверенность. Вот только выносить всё это, оставаясь в здравом уме, уже просто не было сил.

В нескольких кварталах от клиники их машину остановили. Здесь, на забаррикадированной двумя бронетранспортерами улице, между которыми на асфальте улеглась металлическая лента с шипами, стояло несколько военных в касках и с автоматами в руках. Один из них, уже с расстояния в несколько шагов внимательно осматривая машину и пассажиров, наклонился к водителскому окну:

– Вы в больницу? Это ваши дети?

– Да, это мои дети. Я пытался дозвониться до клиники, но безуспешно. Решил приехать сам.

– Зря решили.

Военный заглянул в салон, рассматривая сидящих на заднем сидении обоих ребятишек, и с трудом скрываемая растерянность появилась в его глазах:

– Черт возьми... к этому невозможно привыкнуть... Ну, чумазые, это ваш папа?

Петя и Анастасия молча и одновременно кивнули головами. Военный выпрямился, обращаясь к Сергею:

– Вы должны были вызвать сопровождение и вас проводили бы до места. В городе опасно сейчас. Везде. Особенно с такими детьми.

– Вижу, что опасно. В полиции не было людей, а я не мог ждать. Лучше скажите, как мне быстрее добраться до клиники.

– Следуйте по этой улице до конца, там будет ещё один пост. Они вас направят дальше. Не останавливайтесь. И ни в коем случае не выходите из машины.

– Вы серьёзно?

– Очень серьёзно. Проезжайте.

Наклонившись ещё раз к окну и помахав детям, военный дал кому-то возле бронетранспортёров знак рукой, и растянутая по асфальту шипастая лента сползла в сторону. Сергей проехал между чёрных бронированных машин, наблюдая в зеркало заднего вида обоих детей, с любопытством смотрящих через окно на военную технику и вооруженных людей.

– Вот, пап, – не поворачиваясь, тихо проговорил Петька, – настоящие танки.

– Это не танки, – угрюмо поправила его Анастасия, снова обнимая колени руками и уткнув в них лицо, – это бронетранспортёры.

– Всё равно танки, – упрямо повторил Петя и добавил, обращаясь к отцу: – Пап, а что, уже война?

– Надеюсь, что нет, сынок, – Сергей говорил хмуро, с мрачным лицом, чувствуя подкатывающую тошноту и головную боль, запоздало поймав себя на мысли, что напрочь забыл, когда ел в последний раз, – надеюсь, что нет. Иначе наш отпуск можно будет считать уж совсем неудачным.

Даже издали можно было видеть, что здание клиники здорово изменилось. Перед разбитыми окнами первого этажа стояло несколько полицейских машин, а высокую арку въезда на территорию больницы загораживал чёрный бронетранспортёр. Кроме стоящих рядом с ним трёх фигур в военной форме, Сергей не видел ни одной живой души.

– Знаешь, сынок, может быть, ты был прав. Здесь всё очень похоже на войну.

На дорожном полотне попадались ветки и камни, поэтому Сергей вёл машину медленно, наблюдая за движением людей возле входа в больницу, плохо видимого отсюда, как вдруг с левой стороны автомобиля что-то громко хлопнуло, руль рвануло в сторону, и Сергей изо всех сил нажал на тормоз. Пару секунд он сидел, напряжённо смотря перед собой и говоря сам себе шипящим голосом: "Добро пожаловать в Диснейленд!" Сзади раздался голос сына:

– Пап, у нас машина сломалась?

– Не знаю, сынок. Похоже, колесо выстрелило, – Сергей обернулся к детям: – Я сейчас гляну, что там у нас случилось, а вы сидите здесь. Внимательно смотрите в разные стороны. Если что-то заметите – кричите.

Он вышел из машины, обошёл её спереди и увидел стоящее на обочине переднее колесо и несколько металлических ежей с четырьмя острыми шипами. Оглянувшись, Сергей увидел много таких "ежиков", разбросанных по мостовой.

– Интересно, – настороженно оглядываясь, пробормотал он, – что же тут не убирают-то совсем...

Выпрямившись и посмотрев в сторону клиники, до которой оставалось около трёхсот метров, Сергей увидел отчаянно машущего ему человека в военной форме. Он что-то кричал, но Сергей не мог разобрать слов. И вдруг из машины раздался крик Анастасии:

– Папа, там люди бегут!

Сергей резко развернулся и сразу увидел небольшую группу людей, человек восемь, быстрыми шагами идущих к ним из боковой улицы. В руках у них были палки и бейсбольные биты, а белобрысый парень впереди, высокий и жилистый, смешно подпрыгивающий на ходу, сжимал в руке пистолет.

Упершись в капот руками и одним прыжком перескочив через него, Сергей бросил своё тело на водительское сидение и вдавил педаль газа почти в пол, сразу заметив, как передняя часть машины пошла юзом, сопровождаемым ещё один хлопком, на этот раз справа.

– Как всё-таки плохо, когда на улицах бардак... – прошипел он, пытаясь выровнять рыскающий больной собакой автомобиль, боковым зрением заметив, как из того же переулка, взревев мотором, оставляя за собой синий выхлоп и в две секунды обогнав бегущую группу людей, выскочил мотоциклист на сине-жёлтом байке, перелетевшем через низкий кустарник и сразу оказавшемся в десяти метрах от набирающей ход машины. На узкой односторонней дороге объехать перегородивший путь мотоцикл было невозможно и Сергей, не раздумывая ни секунды, направил трясущийся автомобиль прямо на него.

Удар был сильным. Тяжёлый байк, подброшенный вверх, упал на капот машины, передним колесом пробив лобовое стекло и покорёжив передние стойки. Петька истошно закричал, в то время как Настя обхватила брата руками и прижала к себе, закрывая от осколков стекла. Вылетевший из сиденья мотоциклист перелетел через машину и упал метрах в пяти позади неё, неестественно изогнувшись в спине и раскинув руки. Сергей бросил взгляд на приближающуюся группу кричащих людей, отрезавших ему путь к клинике, выскочил из машины, рванул ручку задней двери и с резким выкриком: "Вылазим! Быстро!" – поднял перепуганного сына на руки, коротко мотнул головой Анастасии, указывая ей следовать за ним, и ещё раз быстро оглянулся по сторонам, выбирая направление.

– А теперь посмотрим, на что мы годимся!

С этими словами он перепрыгнул через низкий кустарник на тротуаре, мимолётно удивившись, с какой лёгкостью это повторила Анастасия, и они что было сил побежали в тесный переулок с другой стороны улицы.

Направление было выбрано правильное. В этом лабиринте маленьких и узких проходов они быстро отрезали своих преследователей, слыша их голоса почти рядом, за тонкой глиняной стеной:

– Куда они делись?! Звони другим, нам помощь нужна.

– Бесполезно, надо уходить, солдаты скоро нагрянут. От клиники наверняка всё было видно.

Откуда-то издали донёсся ещё чей-то голос:

– Эй, уходим, эти прокаженные нарвутся на других наших ребят, а вы лучше мотопридурка заберите и рассеивайтесь!

– Он жив вообще?

– Голову разбил. И спину сломал, кажется. Пена изо рта.

– Тогда зачем его забирать? Мы ему не поможем, а солдаты его в больницу отправят, может даже выживет.

Голоса удалялись, потом затихли совсем. Сергей, прислонившись спиной к шаткому забору из гофрированного железа, посмотрел на ошарашенных детей:

– Ну что, пираты... Теперь остороженько пешком до дяденек докторов?

– И до тётенек, – неожиданно добавил Петя, вытирая нос рукавом.

Сергей изумлённо посмотрел на сына:

– Ну, конечно, чумазая команда! И к тётенькам тоже!

Он опустил Петьку на землю, поправил капюшон на голове Анастасии, поставил детей рядом и несколько секунд молча смотрел на них.

Не в первый раз Сергей рассматривал стоящие перед ним детские фигурки словно со стороны. Как будто он сам только что нарисовал эту картину хаоса, перепуганных детских лиц с горящими чёрными глазами на их невероятных физиономиях, и было какое-то задорное проклятие в этой картине, в этом отчаянном страхе, связавшем всех троих в невозможной для здравого смысла реальности, в которой им приходилось прятаться от обычных людей, не царей и не убогих, ещё вчера спокойно смотревших телевизор и поедавших варёный картофель, а уже сегодня взявших в руки палки, чтобы вполне осмысленно убивать. Хотелось заорать во всю ширину лёгких и дать волю силам, которых вдруг стало настолько бесконечно много, что любое безумство казалось доступным, а любой враг ничтожным. Опасное это было чувство, и Сергей понимал это. Он смотрел на своих детей, принимая их ответные взгляды, возбуждённые и совершенно непонятные, поскольку невозможно было определить с уверенностью ни куда они смотрят, ни о чём думают. Только сейчас он обратил внимание, что глаза Петьки стали почти одного цвета с глазами его сестры.

– Торопится звёздочка. Торопится, сучка такая, – почти ласково проговорил он, не отводя взгляда от стоящих перед ним детских фигур, взявшихся за руки и продолжающих обжигать своими космическими лицами его оружие нервы.

– Ничего, ребятки. Теперь мы по-настоящему поиграем в пиратов. Перед нами враждебный город. Нам надо пробраться к нашему кораблю. Он недалеко. Справимся?

– А сокровища? – вдруг спросил Петька, сжимая своей ладошкой Настину руку.

– Что сокровища? – не понял вопроса Сергей.

– Ну, мы же будем искать сокровища?

Пару секунд Сергей стоял молча, затем присел, пододвинулся к детям вплотную и притянул их обоих к себе, внимательно смотря на Петино лицо, уже на три четверти затянутое серой паутиной. Некоторое время он заворожённо наблюдал, как тёмные нити ползут через нос к уже почерневшему правому глазу, и задумчиво произнес:

– Надо же, как быстро... действительно торопится кто-то... мало времени осталось.

Затем, обняв детей обеими руками, горячо прошептал:

– Я его уже давно нашёл, моё сокровище. И я его обязательно сохранию.

Говоря последние слова, он уже пожалел, что раскрыл рот. Находящееся в нескольких сантиметрах лицо сына прямо на глазах словно набрало сок, светлый и тяжёлый, похожий на липовый мёд, несколькими каплями выступивший у него из носа. Это была не кровь. Это было что-то светлое, почти горящее на пепельной коже лица, как жидкий рассвет, пролитый из разбитой солнечной банки. Переведя взгляд на Анастасию, Сергей увидел такие же капли, сменившие обычные грязные слёзы. Сейчас в уголках её угольных глаз лежали перламутровые жемчужины, и всё вместе это смотрелось одновременно ужасно и красиво.

– Ёлкина голова, ребятки. Задали вы своему папке жару. Я на вас налюбоваться не могу. Когда всё пройдёт, я попытаюсь это всё нарисовать. Если в твёрдом разуме останусь. А теперь ходу!

Подняв сына на одну руку, Сергей сжал свободной ладонью холодные чёрные пальцы дочери и, быстро прикинув новое направление, двинулся в ближайший переулок.

Глава девятнадцатая. Белые сандалии

Узкие, длинные улочки виляли под ногами, словно змеи в судорогах. Продвигаясь в глиняном лабиринте, Сергей старался не выходить на дорогу, избегая слишком открытых пространств. До больницы было совсем недалеко, но дойти до неё по этим тесным городским кишкам, не выходя на центральную улицу, казалось совершенно невозможным. Держа детей за руки, он сначала внимательно осматривал необходимый участок, затем быстро пересекал его, перебегая таким образом от дома к дому, от забора к забору, от цветочной ограды до глиняной стены. Наконец, из хаоса разнообразных построек они вышли к похожей на лохматую собаку улице, заросшей кустарниками с обеих сторон, в конце которой виднелась белая громада клиники. Проходя мимо красивого двухэтажного особняка, Сергей с детьми остановился.

На асфальте перед ними, лицом в почти чёрной луже, среди разбросанных вокруг камней и палок, лежал крупный мужчина в порванной на спине пёстрой рубашке. Одной рукой он прижимал к себе скорчившееся рядом детское тельце, одетое в больничный халат. Из грязных рукавов халатика виднелись чёрные ладошки, почти незаметные на тёмном асфальте, и, подойдя ближе, Сергей увидел, что пепельная кожа рук рассыпалась в дорожной пыли, обнажая фиолетовые ткани

мышц и сухожилий. На босых ногах белые сандалии. Ремешок одного из них порван, и обувь почти слезла с подвернутой стопы, создавая впечатление, что чёрную ножку оплетает белый цветок. Ободранные коленки подтянуты к груди, обращённое вверх лицо закрыто растрепавшимися русыми волосами. Девочка.

– Что ж вы творите... что же вы... – бормотал Сергей, чувствуя, как дети прижались к нему с обеих сторон.

– Пап, они не живут больше, да? – Петя поднял глаза на отца, стараясь не смотреть на лежащие на мостовой тела.

– Да, сынок. Только тихо, не говори ничего. Молчи. Голосок у тебя звонкий слишком. Сейчас нам надо тихо.

Лязганье рамы где-то вверху заставило его молниеносно схватить детей, увлекая их назад за угол дома. Вслед покатился разбивающийся шум упавшего на асфальт дороги цветочного горшка, разлетевшегося рыхлой землёй с керамическими кусками, и сразу за этим раздался истошный женский вопль:

– Пошли отсюда, прокажённые! Иначе и вас с асфальта лопатой собирать будут!

Что-то горячее и удушающее заворчалось в груди у Сергея, настолько мощное и страшное, что напугало даже его самого. Он отпустил руки детей, поднёс ладони к лицу и несколько секунд молча и даже с каким-то удивлением рассматривал мелко трясущиеся пальцы, медленно считая в уме до десяти и делая при этом глубокой вдох. Ему вдруг до черноты в глазах захотелось дать себе возможность сорваться, пробить выход задыхающимся нервам и силе, всем своим скалящим зубы и готовым к драке тревожным чувствам, которые уже давно требовали освобождения. Нужна была лишь цель, мишень, чья-то подходящая по размерам жизнь. И такая цель появилась именно сейчас, не оставляя ему никаких других мыслей, кроме желания трясущимися от избытка сил руками задушить этот эхом разносящийся голос.

На его плечо легла ладонь дочери.

– Пап... пойдём... не надо.

Сергей перевёл взгляд со своих ладоней на её лицо, почти с удовлетворением обратил внимание на осыпающийся порошок кожи и горящие белым огнём новые капли в чёрнокаменных глазах. Он смотрел и смотрел, бесконечно растягивая секунды, закручивая весь видимый сюжет в непослушную детскую юлу, на бешеных боках которой разгорались здоровые лица детей, и вдруг совершенно невероятная идея родилась в его сознании. Насколько фантастическая и даже

смешная, что он чуть было не рассмеялся сам над собой, не обращая внимание на происходящее вокруг. Он протянул руку по направлению к дочери:

– Подойди, Настён... и ты, сынок. Ближе.

Когда дети подошли, он осторожным движением дотронулся до вязкой субстанции, вытекающей из носа сына, и поднял прилипшую к пальцу кляксу перед собой. Разгораясь на просвет, словно подсвеченная изнутри, она продержалась на его коже всего несколько секунд, испаряясь прямо на глазах, рассыпаясь в воздухе маленькими красивыми искрами. Сергей смотрел, словно замороженный, и когда на его пальце ничего не осталось, он таким же осторожным движением снял со щеки дочери одну перламутровую каплю, казавшуюся при касании желатиновой, и она также рассыпалась зелёными искорками, едва оторвавшись от её чёрного лица.

– Красиво, правда? – спросил он детей, и оба с готовностью закивали головами.

– Что это, пап? – спросил Петька, но Сергей приложил свой палец к его губам и, обращаясь сразу к обоим, сказал:

– Ребятки, я не знаю, что это. Но догадываюсь. И если я прав, у нас будет абсолютно невероятное приключение. Оно у нас, собственно, и без того уже незабываемое, но в этом случае про вас напишут журналы и книжки. Только чем эта чумазная история закончится, я пока не знаю. Пропади она пропадом, если честно.

Настя молчала, по-прежнему напоминая красиво сделанную куклу, которую невидимая рука начала украшать перламутровыми бусинками, распределяя их в невероятном ритуальном узоре по уголкам глаз, под крыльями носа и в чёрных раковинах ушей, где они были похожи на горящий собственным светом белый жемчуг. То, как менялись его дочь и сын уже не оставляло страха, не возбуждало отторжения, скорее, это было похоже на разыгрывающуюся прямо перед глазами вынужденную роль, небольшую жизнь, в которой его дети принимают непосредственное участие.

Сергей взял ребятшек за руки, ещё раз внимательно осмотрел лежащую перед ними улицу, почти неуловимо кивнул головой лежащим в нескольких метрах от них телам, обращая внимание на то, как оба его ребёнка сделали то же самое, после чего все трое быстрыми шагами направились к зданию клиники.

До ворот оставалось метров тридцать, когда к ним подбежал вышедший из-за бронетранспортёра военный.

– Быстро сюда! – закричал он, махая рукой. – Вас уже ищут по кварталам! И наши и не наши. Все ищут!

Скороговоркой буркнув что-то в рацию, он открыл ворота выезжающей с территории клиники машине.

– Подождите здесь, через минуту придёт патруль, и вас проводят внутрь.

Водитель проезжающего автомобиля и военный с рацией обменялись несколькими словами, как вдруг Сергей услышал удивлённый возглас:

– Это вы?! Где же вас носило?! Садитесь в машину сейчас же!

Всмотревшись через стекло, Сергей увидел огненно-рыжие волосы Михаила, а рядом с ним похудевшее лицо доктора Рудина.

Глава двадцатая. Разговор в машине

Михаил пересел на переднее сиденье, предоставив возможность Сергею с детьми влезть назад, к доктору Рудину, который сразу занялся осмотром детских рук и лиц. Внимание врача заняли потёки из носа и жемчужные капли на глазах.

– Второй раз вижу эти белые капли. Сегодня наблюдал у девочки такого же возраста. Её отец домой забрал, как и вы, прямо в больничном халате, не переодеваясь. Все с ума посходили. Понимаю, конечно, всё могу понять, но сходить с ума нельзя. Вот точно такие же капли были. Прежде ни у кого из детей я такого не встречал. Сегодня впервые, у той самой девочки, но у Насти они больше, словно сейчас протекут или лопнут. И у мальчишки, смотрите, как масло течёт. Что это такое, скажите, пожалуйста?! Вот как к этому спокойно относиться?!

Сергей ответил, хотя понимал, что вопрос был риторический:

– Меня устраивает, что у детей ничего не болит. И белые капли выглядят более приемлемо что ли, красиво почти, не настолько жутко, как чёрные слёзы или выступавший на коже бурый кисель. Бред, знаю, но как-то устали бояться. Кстати, если вы возьмёте любую каплю или мазочек этого, не знаю чего, вы увидите очень интересную штуку.

– Да, они сразу испаряются. Я уже видел, когда обследовал ту девочку. Было невозможно взять анализы, я умудрился просто затолкать каплю в колбочку и сразу её запечатать. Не знаю, что получится, она и там исчезла, но результаты я жду через пару часов. И с тем папой я тоже пытался

говорить, но он не слушал. Вот совсем не слушал! Так же, как и вы тогда. Забрал девочку, прямо в больничном халатике забрал, даже сумку её не собирал, словно горело всё вокруг, и ушёл! Такой положительный внешне мужчина, а с нервами всё равно не справился.

Сергей, поддавшись нехорошему предчувствию, жестом руки остановил Рудина:

– Как он выглядел?

– Тот мужчина? Высокий, большой, уверенный такой, рубашка яркая. А что?

– И дочка русоволосая, белые босоножки... ремешок порван.

– Русоволосая, да. Ремешок... э... не знаю... Подождите, вы их встретили?

– Не встретили, скорее, видели, когда до больницы добирались. Оба лежат в квартале отсюда. Забиты насмерть камнями или палками.

Несколько секунд никто не произносил ни слова, в общем молчании Рудин смотрел на полностью развернувшегося к ним Михаила, который достал телефон, набрал номер и быстро проговорил:

– Немедленно высылайте наряд... – он наклонился к Сергею, прикрывая трубку ладонью, – где это было?

– В прямой видимости от клиники стоит двухэтажный дом, вила или коттедж. Возле него.

– ...наряд на угол Весенней и Древнего, к особняку. Быстро. Мужчина и девочка. Но, кажется, уже поздно. Сообщите потом. Всё.

Он убрал телефон и с сожалением проговорил:

– Я помню его, видел, когда он из клиники выходил. С девочкой. Как шагающий кран просто пёр через ворота, ни на кого не обращая внимания. Ему полицейские на воротах что-то кричали. Нет, ушёл. Дурак.

– Да, они от клиники шли, – Сергей сидел, откинув голову назад и устало закрывая глаза, – судя по тому, где мы их видели. Возле того здания, жёлтого цвета или охристого, не могу понять, что у вас тут с цветом творится.

Рудин перевёл взгляд с Михаила на Сергея, потом на обоих детей, сокрушенно покачал головой, несколько раз с силой ударил себя по коленям и растерянно сказал:

– Да, вот так... Михаил, начинайте вы, наверное. Мне что-то нехорошо из-за этой истории... да... нехорошо.

И Михаил, положив рыжую голову на свои, обнявшие сиденье, руки, начал почти скороговоркой:

– Времени у нас мало, поэтому я быстро озвучу наши предположения, а вы расскажете до чего дошли сами. Так вот... вы, разумеется, помните наш разговор у меня в кабинете? – Сергей

молча кивнул. – Вы уже и сами поняли, после моей подсказки, что вас занесло, как бы это корректнее сказать, не туда, верно? – Сергей снова согласно тряхнул головой. – Замечательно. А теперь попробуйте в двух словах сказать мне, как вы это видите. Прошу.

Сергей смотрел в голубые глаза перед собой, но видел не уставившиеся в него зрачки, а проносящиеся картинки первого вечера, когда он смотрел на бьющийся в небе пульс, чуть не сбросивший его с балкона.

– Звезда. Там звезда была. Не здесь, а именно там. Здесь её нет, только свет откуда-то. С того момента всё и началось, со следующего утра, когда я заметил первые ранки на коже у дочери. Больше я ту звезду не видел. И дочь не видела, но говорит, что чувствует её. Так, Настён?

Настя кивнула отцовским движением и добавила тихо:

– Здесь её действительно нет. Она хочет домой, а для этого надо, чтобы мы вернулись.

Сергей посмотрел на дочь, затем перевёл взгляд на Михаила и, глубоко вдохнув, продолжил:

– Мне до сих пор очень сложно это принять. Не понять, а осмыслить. Поймите, Михаил, непросто взять и сообразить, что ты занимаешь чьё-то место. Причём, такая мелочь, не человека, а звезды. И варианты избавления в виде падения или прыжка – это красиво, согласен, исполнение желаний и всё такое, но здравый смысл страдает совершенно, поскольку всё это выглядит как горячка. Говорите, Михаил, я выдержу. Мне, в общем, только деталей не хватает. Поскольку что-то мне подсказывает, что вы не несёте чушь. Или не все несёте. Не полную, во всяком случае.

– Спасибо, – Михаил коротко улыбнулся, вставил в зубы пустую трубку и продолжил, – вы упоминали репортаж, который смотрели ещё, так сказать, там, у себя. Где группа учёных обсуждала какое-то невероятное излучение от Звезды, собравшейся, как утверждалось, закончить свою жизнь, едва родившись. Это начало, Сергей. Поскольку именно тогда вы с детьми попали под первое излучение, запустившее вас всех, да и не только вас, сюда, где ваши дети должны будут пройти такой же путь, какой проходит звезда от своего рождения до смерти. Подождите, дайте мне договорить, – Михаил сделал останавливающее движение рукой, увидев раздраженное лицо Сергея после последних слов. – Я говорю это фигурально, но в некотором роде дело жизни и смерти – уже не теория, и об этом вам позже расскажет Роман.

Он передвинул трубку в другой угол рта и потрепал взъерошенные волосы Петьки, прислонившегося головой к отцу.

– Так вот. Звезда, пытаясь повторить своё рождение, выбирала себе тех, кто недавно начал жить. Таких же, как она. Детский возраст в звёздных масштабах ничтожен, поэтому у нас сейчас дети от нуля до тринадцати лет. Как ваша дочь. Вы, Сергей, залетели сюда случайно, просто

находясь рядом с теми, кто был выбран. Вагончиком, так сказать. Если бы на момент первой вспышки вы гуляли где-нибудь за пределами гостиницы, вас бы сейчас здесь не было. Дети сидели бы в номере одни. А вы там, у себя, сходили бы с ума от непонимания, куда все подевались. В качестве примера: в больнице двое суток назад оказались дети, у которых нет родителей. Никто понятия не имеет, кто они и откуда. Просто они находились в этой больнице в тот вечер, понимаете? А родителей там не было. Поэтому сейчас у Романа под наблюдением двое ребятишек, к которым никто не ходит.

Сергей посмотрел на отвернувшегося к окну Рудина.

– Сколько им, доктор?

– Две девочки. Одной двенадцать, другой восемь. Сёстры. В больнице они находятся с незначительной кишечной инфекцией. Назвали свои имена, адрес родителей – ничего этого в городе нет. Говорите дальше, Михаил.

– Угу... Всё равно это лишь предположения. Далее. Образно говоря, Звезда, поняв, что заблудилась, взорвалась своим излучением, под которое попали ваши дети, а потом, внимание! – она начала умирать. Вот тут мы подходим к очень важному моменту. Сейчас наша Звезда стремительно разрушается, сгорает, своими вспышками выталкивая себя из чужого мира, умирая в нём, действуя на детей, провоцируя изменения их внешнего вида, и я думаю, что не только его, наделяя их таким образом своими свойствами к перерождению, создавая себе своего рода трамплин. Чем больше детей здесь наберётся, так сказать, в её команде, тем выше её шансы на успешный переход.

Машина остановилась возле здания института, где Сергей уже однажды был. Михаил дал знак водителю подождать и продолжал говорить, нервно перебрасывая курительную трубку из одного угла рта в другой:

– Если до сих пор я как-то ориентировался в том, что вам рассказал, то дальше, Сергей, у нас вообще только домыслы. Во-первых, я понятия не имею, что будет с детьми, если они не успеют перебраться назад до взрыва или смерти Звезды, как вам угодно. А то, что она взорвётся, это абсолютно точно. Но что произойдёт с облученными детьми, я не знаю. Хочется верить, что они придут в норму с момента, когда на них перестанет действовать излучение, однако я не знаю этого наверняка. И вот сейчас, Роман, ваша очередь.

В этот момент Рудин протирал очки. Поспешно нацепив оптику на покрасневший от постоянного недосыпа нос, он виновато посмотрел на сидящую возле него Настю:

– Вот, девочка, теперь я буду говорить о таких, как ты и твой брат, – он ещё раз поправил дужки очков и повернулся к Сергею. – Понимаете, до настоящего момента к нам с подобными болячками не обратился ни один взрослый. Только дети. Именно с такими поражениями, которые за сходство с ожоговыми пятнами уже получили в наших кругах название "Детский пепел".

– Ну и названия вы придумываете, – тяжело смотря на врача и с силой разминая ладони, произнес Сергей. – Ещё бы всю эту местность в "Город сгорающих детей" окрестили и можно снимать кино.

Рудин, смотрящий в этот момент на Анастасию, снова обернулся к Сергею:

– А почему вам пришло сейчас в голову такое сравнение? "Город сгорающих детей".

Почему?

Сергей тяжело вздохнул, пережидая, когда пройдёт очередной приступ тошноты. В его голове больно долбился пульс, отдаваясь в висках физическим ощущением вкручивания чего-то очень ржавого:

– Я говорю, что это похоже на город умирающих от звёздного ожога детей. Будто специально выбранных для того, чтобы во всех смыслах сгорать на глазах у своих родителей.

В течение нескольких секунд Рудин пристально смотрел на него, потом продолжил:

– Дело в том, что в вашем сравнении есть очень существенный момент, о котором я хочу рассказать. За прошедшие несколько часов было уже восемь случаев, когда родители заявляли о несчастных случаях у себя дома. Я сейчас поясню, в чём дело. Это просочилось в прессу, люди в панике, вы сами видите. Но родители не в том состоянии, чтобы адекватно общаться с кем-либо, они просто орлами сидят возле своих детей и понятия не имеют, что делать. Про беседы детей с чем-то потусторонним вы тоже знаете.

– Знаю. Я сам видел.

– Что видели?

– Ну, я собирал дочь в больницу тогда, помните? – и зашёл в ванную комнату. И видел там её отражение. Но это была не она. И ещё раз сегодня. Пришлось дверь ломать. Видел, в общем. Не знаю, что это было, но я знаю, что не рехнулся. И я ей верю.

Настя подняла к отцу лицо и положила ему на предплечье свою руку. В тысячный раз переживая спускающийся по спине холод, Сергей вспомнил своё обещание нарисовать то, что он видел перед собой, и подумал, что он так не сможет. "Невозможно нарисовать смотрящий в тебя чёрный камень", – подумал он, укрывая своей ладонью сухие пальцы дочери. Сидящий рядом Петька тоже положил свои тёмные ладошки поверх рук сестры и почти привычным тоном вполголоса сказал:

– Один за всех, а мы за него! И нечего тут смеяться. Я вам не дитё малое.

Последняя фраза была адресована шофёру, который, смотря на Петьку в зеркало, хохотнул в кулак, но тут же сделал металлическое лицо и снова положил руки на баранку. Не сдержал широкой улыбки и Рудин, однако так же быстро умял исхудавшие щёки и продолжил:

– Значит, вам повезло больше, чем многим другим, поскольку в основном в эти детские истории никто из родителей не верит. Да чего уж там, даже я на них до ваших слов не особенно опирался. Но я продолжаю. Родители, чьи дети ещё живы, оберегают их от любого контакта с внешним миром, а те, кто заявляли о несчастных случаях, находятся почти в неменяемом состоянии, что вполне можно понять, учитывая, что им пришлось пережить.

Сергей молча приподнялся, не чувствуя ног, и на какое-то мгновение перестал слушать. Рудин ждал.

– Дальше, – произнес Сергей сквозь зубы, – и, пожалуйста, без всякой этой врачебной этики. Говорите всё.

– Хорошо. Так вот. Я упомянул несчастные случаи. Служба спасения уже восемь раз выезжала по вызовам, где сообщалось, что дети прыгали с балконов, либо с крыш домов, и вот здесь мы сталкиваемся с одной штукой, в которую не верят даже газетчики, поскольку сообщаемое со слов родителей не влезает в рамки здравого смысла, – Рудин сверлил Сергея почти извиняющимся взглядом. – Не знаю, как вы это воспримите... понимаете... видели детей падающих, видели детей, выпрыгивающих с балконов и летящих вниз... и разбитые тела пяти из них потом увезла скорая помощь. Но трёх детей из этих восьми никто больше не видел.

Сергей следил за рассказом врача с нарастающим ощущением чего-то очень знакомого, недавно пережитого. Он закрыл лицо ладонями, массируя глазные яблоки и сдавливая виски, потом откинулся назад и поднял голову вверх, не раскрывая глаз... и уже практически без усилий перед ним ослепительным молоком расплылся белый свет, в котором одна за другой исчезали детские фигурки... а затем этот крик или шёпот... такой знакомый, родной... "Папа... ты идёшь?!"

– Иду, малыш...

– Эй, вы слушаете? – он открыл глаза и устало посмотрел на Рудина:

– Продолжайте, доктор. Я просто никак не могу сосредоточиться... не могу... а мне это действительно необходимо. Говорите.

– Родители одного исчезнувшего мальчишки сами путаются в том, что говорят, волнуясь и понимая, насколько по-идиотски это звучит, постоянно придумывая новые детали, ещё более фантастические, чем уже сказанные, но самое главное во всём этом – детей никто больше не

видел... ни их тел, ни следов от падения... ничего. И ещё один случай, когда... – тут Рудин сделал короткую паузу, по-прежнему не отрываясь смотря на Сергея с уже привычным виноватым выражением досады за то, что он это рассказывает, – ребёнок исчез вместе со своей мамой.

– С мамой? В каком смысле? Они прыгнули вместе?!

– Не знаю. Об этом рассказал её муж, он сейчас не совсем адекватен, находится в реабилитационном центре, но факт остается фактом – его шестилетний сын и его жена исчезли бесследно.

У Сергея снова заворчалось ржавое в висках.

– Тут у вас никакой корочки нет? Мне что-то хреново. Не кушал давно. И не спал. Хотя спал... вроде. Да и не важно – очень есть хочется. Думать не могу. А сейчас вроде бы надо.

Михаил повернулся к водителю, одновременно открывая бардачок и вытаскивая оттуда почти чёрный банан. Водитель, не успевший ответить на поставленный вопрос, так и застыл с открытым ртом и пальцем, указывающим как раз на это отделение для перчаток.

– Два дня там лежит, – виновато пробурчал он, – времени нет поесть. Забываю. Спасибо доктору Рудину, он меня сегодня почти насильно овсянкой в больнице накормил. И компот был очень вкусный.

Одним движением раздев похожий на кусок желатина плод, а другим полностью засунув в рот почти жидкую массу, Сергей сказал:

– Судя по тому, как похудел сам доктор, я могу предположить, что его никто не кормил. Вы когда спали, доктор?

– Позавчера, сидя у тех девочек-сестёр в палате. Читал им книжку. Не помню, какую. Уснул первый, кажется.

Проехавший мимо машины бронетранспортёр оставил за собой клуб дизельного выхлопа. Михаил повернулся к шофёру:

– Сегодня, как я понимаю, в городе довольно много военных и полицейских патрулей? – дождавшись утвердительного кивка, он обратился к Сергею:

– Вы останетесь с нами, я надеюсь? Тут, в институте, всё подготовлено не хуже, чем в больнице, и некоторые люди послушались совета и перебрались сюда.

Сергей помотал головой.

– Нет, мы в гостиницу.

– Да что же это такое! Всё сначала! – голос Рудина был настолько гневным, что даже Михаил посмотрел на него с изумлением. – Зачем вы снова начинаете?! Вот как мне вам

объяснить, что вы будете не под надзором, а под защитой, потому что я не хочу повторения истории подобно той, с папой и девочкой! Все сходят и сходят с ума! Сколько можно?!

Сергей смотрел на Рудина, слабо улыбаясь. Потом остановил его, положив руку ему на плечо:

– Всё в порядке. Мы справимся. Но мне нужно в гостиницу. Нам нужно. Я просто чувствую это.

– Там хоть кто-то остался? – сейчас Рудин обращался к Михаилу. Тот посмотрел вверх, изучая обивку салона, потом снова опустил голову и выпалил:

– В той гостинице? Да, немногие. Но это в основном те, кто приехал отдыхать со своими детьми. Есть ещё такие, кому здесь некуда деваться, таких мы по желанию принимаем сюда, в институт, либо провожаем до выезда из города. Некоторые уехали. С больными детьми. А некоторые остались там, перебравшись из нижних этажей на самый верх. Не знаю, зачем.

– Они надеются.

– На что?

– На чудо, – ответил Сергей.

Глава двадцать первая. Звёздные капли

Доктор Рудин вызвался проводить их до самой гостиницы.

– Звоните обязательно, – говорил он, поправляя на детях складки одежды, – по любому поводу. Пришлю машину в течение десяти минут. Вы уже знаете – всё рядом. Здесь дежурит патруль, поэтому не волнуйтесь по части беспорядков. И я вам позвоню, когда результаты придут. Только не самодурствуйте, пожалуйста, мне и без вас придётся седину сбривать.

Сергей отвечал на всё коротким кивком, как солдат, с тихой улыбкой смотря в исхудавшее и обеспокоенное лицо доктора.

– Хороший вы человек, Роман. Нельзя так, учитывая пороки века. Жизнь одна, другой не будет. А вы через себя столько пропускаете. Вам бы покушать, кстати.

– Что выросло, то выросло, что ж теперь. Что касается еды, вообще в рот не лезет. А вы всё-таки звоните. В ближайшие двенадцать часов что-то случится, я чувствую. Только вот чем мы за это заплатим, кто бы мне сказал.

– Возможно, даже раньше. Иначе моё воображение устанет представлять, как они могут выглядеть.

Сергей устало посмотрел на стоящие возле машины и держащиеся за руки две тёмные фигурки. Они были похожи на забор, на чугунную оградку, коротенькую, метр на полтора, густо помазанную чёрной краской, странный такой заборчик для фонтана, с красивыми чёрными набалдашниками в виде детских голов и украшенный белыми жемчужинами поверху. Заборчик. Для фонтанчика.

– Или могилки, да? Хрен вам... – пробормотал он зло.

– Сергей, вы с кем говорите? – Рудин взял его за руку, и Сергей очнулся от мысленного противостояния. Его начало мелко трясти, и он обхватил свои ладони, многократно до хруста сжимая их. Никто сейчас не мог бы сказать, какую невероятную работу проделывало его сознание, чтобы сохранять тело в состоянии относительного спокойствия, не разрушая всё, что прикасалось к его детям. Даже воздух.

– У меня, так сказать, диалоги. С самим собой. Нервы шалят. В последнее время здорово ослабли. Но держусь, в общем. Удачи вам, Роман. Звонить буду, если что.

Ещё почти минуту Сергей с детьми стоял, взглядом провожая уезжающий автомобиль, в окне которого маячило осунувшееся лицо доктора, и мог поклясться, что слышал при этом шелест перелистываемой страницы, словно начало очередной главы, из которой выплывало что-то огромное, неясное и неотвратимое, что находилось впереди и скоро обязательно произойдёт. На мгновение захотелось хлопнуть в ладоши, волшебным образом закрывая эту дурацкую книгу. Чувство было таким сильным, что он поёжился. Не смотря в лица детей, он расцепил их руки, взял в каждую свою ладонь по одной их чёрной веточке и, коротко кивнув стоящим на ступеньках военным, вошёл в гостиницу.

Они поднялись в свой номер, проходя мимо девушки-администратора, с которой Сергей разговаривал всего один раз за всё время пребывания в гостинице. Это было в день приезда. Тогда он спросил о наличии номеров, заполнил бланк, взял ключи и больше не разговаривал с ней ни разу. А ещё Сергей подумал, что больше не видел спасателя с пляжа, не встречал старика Рудольфа, и не было никакого желания узнать, какими ещё беспокойными отдыхающими испытывает жизнь первого и где сейчас коротает свою беловолосую старость второй. Странно было осознавать это, словно всё происходящее стало коконом, в котором оказался заперт сам Сергей и его дети, а ещё немногие встречающиеся им люди. Зато снаружи было всё. Даже

дизельный дым от проезжающих боевых машин. Единственное, чего там не хватало – это ощущения реальности. Почти с самого начала отсутствовал именно этот компонент, доказывающий, что всё протекающее перед глазами – его собственная жизнь. "Ты спишь, дружок... крепко спишь. В собственных снах сны видишь. Людей, коридоры, больницы, дурацкий цвет неба и воды, собственных сгорающих детей, которые тоже спят, однако тоже в твоём сне, не в своём. Спишь. Просыпайся, и не пугайся того, что увидишь".

Войдя в номер, Сергей усадил обоих детей на диван, опустился перед ними на корточки и после короткой паузы посмотрел в уставившиеся в него чёрные камешки глаз. Собственно, привычных детских лиц уже не было. Ещё в машине Сергей наблюдал за отчаянными манипуляциями Рудина, осматривающего прямо на глазах меняющихся ребяташек. Всё происходило так быстро, что даже на обескураженность не оставалось времени. Это казалось игрой на выживание, где необходимо сделать ещё минимум сто шагов, а секундомер уже подходит к нулю. И остаётся только лихорадочно совершать бессмысленные движения и обречённо ждать последней секунды. И он её ждал.

– Пап. Ты меня видишь? – тихий голос Насти прозвучал словно удар, заставив Сергея снова оказаться лицом к лицу со своими детьми.

– Да, малыш, конечно. Почему спрашиваешь?

– Я тебя вижу плохо. Словно через воду. Так не было раньше. Началось, когда мы поднимались.

Сергей смотрел в глаза дочери уже без привычного холода в спине. Просто смотрел в отполированные раковины глаз, водил взглядом по чёрной коре лица, останавливаясь на белых каплях, выступающих в углах глаз и под носом. Петька молча сидел рядом, медленно закрывая веки и слегка дёргаясь, словно механическая игрушка, но всё-таки было в нём что-то настолько живое, настоящее, что его пепельный облик не смог сожрать – даже в моменты полной неподвижности он не казался куклой. Он выглядел, словно жутко испачкавшийся мальчик-кочегар, у которого в глазах застряли чёрные каменные озёра. Сергей обратил внимание, что белые капли на чёрной коже мальчишки стали едва ли не вдвое больше, чем у его сестры.

– Зреет, вижу... скоро выльется. И тогда мне придётся принимать решение. А оно необходимо уже сейчас.

– Какое решение, пап? – голос дочери легко вливался в его мысли, давая возможность дышать более полно, чем всего лишь секунду назад.

– Если бы я знал, Настён. Если бы я только это знал.

Посидев ещё минуту, он снова поднял глаза к лицу дочери, взял её ладони в свои, отпустив безвольно упавшую руку сына, и горячо зашептал:

– Понимаешь, дочка, я жду, когда ты больше не сможешь. Когда ты просто встанешь и пойдёшь туда, куда тебя зовут. Это будет скоро. Скоро, Настён. Максимум до пяти часов утра ты захочешь уйти. До восхода солнца, как я думаю. Мы с тобой будем разговаривать, ладно? Просто разговаривать ни о чём. О Петьке, нашем отпуске и шоколаде, хорошо? Может, ты поспишь, попьёшь чаю, если захочешь, и будешь говорить мне обо всех твоих изменениях и желаниях. Вообще обо всём. Петька идёт за тобой. Его капельки больше твоих потому, что он меньше. А сила того, что у вас внутри, такая же.

– Хорошо, папа. Только я не понимаю. Про Петьку не понимаю. И про капли.

– Он такой же, как ты. Только меньше. Но всё, что сейчас происходит в тебе – происходит и в нём. Представь себе маленькую комнату и большую. И в той и другой ты с друзьями справляешь день рождения. В большой немного просторней, учитывая, сколько вас человек, да?

– Да. А в маленькой будет полная жопка.

Сергей коротко рассмеялся:

– Ну и лексикон у тебя. Хотя правильно, в целом. Я не уверен, дочка. Просто думаю. И скоро будет ясно. Но от приближения этого "скоро" меня здорово потряхивает.

– Ему труднее, чем мне, да, пап?

– Не знаю. В тысячный раз повторяю – не знаю, Настён. Думаю, физически, да. А как он это чувствует... только представь себе, когда была та большая война, в городе, который носил в то время название Ленинград, был страшный голод, и многие люди переставали жить прямо на ходу. Вот шёл человек, опускался на землю и уже не вставал. Он уходил. Его больше не было. Так вот те, кто выжил, говорили, что легче всего приходилось маленьким детям. Они просто умирали. Без дум, без мыслей, без мучений и отчаяния за тех, кто ещё как-то жил.

– С нами так не будет.

– Нет. С вами – нет.

– И с тобой тоже.

– Конечно, чудо. Куда я без вас. А сейчас марш чистить зубы. То, что ты выглядишь как Принцесса Всех Негров, не даёт тебе право пренебрегать гигиеной.

Проводив дочь взглядом, Сергей взял вялое тельце сына, заснувшего практически сразу, когда его посадили на диван, и положил его здесь же, укрыв лёгким покрывалом. Усевшись рядом

с ним и включив телевизор, он вырубил звук и просто следил за мельканием кадров на большом экране. В памяти всплывали слова Михаила, сказанные в машине: "Звезда должна попасть в свой мир. Попасть, а не вернуться, почувствуйте разницу. Это значит прервать один путь, неверный, и заново начать совершенно другой. Просто вернуться, перейдя улицу, она не сможет. Как и вы".

Сергей сидел и смотрел в экран, пропуская кадры горящих квартир и лежащих на асфальте выброшенных из окон тел, он не останавливался на репортажах городских новостей и видеоряде взбурдаженных людей, окруженных полицией и военными. Там, снаружи, смешалось человеческое горе и обычная статистика происшествий, пусть невиданных, непонятных и непредсказуемых, но именно происшествий, которые закончатся через отмеренное для них время, и те, кто выжил, будут жить дальше. Рядом с теми, кто не давал выжить другим.

Сергей откинулся назад и смотрел перед собой через почти закрытые веки. В памяти снова всплывал разговор в машине, взлетали обрывки фраз и отдельные слова, эхом уходящие обратно в раскрывающиеся рты. Он вспомнил, как смотрел на поднимающуюся по ступенькам института рыжеволосую фигуру, и как неожиданно для самого себя крикнул вслед:

– Какого цвета море, Михаил?

Идущий остановился, обернувшись всем корпусом и рукой закрывая глаза от слепящего их вечернего солнца:

– Что, простите? О чём вы?

– Так, просто захотел ещё раз увидеть ваши фантастические пряди и глаза.

Михаил постоял ещё пару секунд, сдержанно улыбаясь, затем коротко помахал рукой, развернулся на каблуках и исчез за массивными дверями института.

Настя вышла из ванной комнаты, и Сергей только сейчас заметил, что в номере не осталось и следа утренней разрухи. Сломанная им дверь была убрана совсем, вместе с покорёженным косяком.

– Хотя бы здесь за чистотой следят. Не то, что на улицах, – пробурчал он, провожая взглядом проходящую мимо него дочь, которая принесла из спальни ещё одну подушку и, немного сдвинув ноги брата, улеглась на диван головой в другую сторону.

– Ты будешь ложиться, пап? – спросила она, смотря на отца из-под натянутого до носа покрывала.

– Не смогу, Настён. Я посижу тут, с вами, телевизор посмотрю. Дождусь звонка доктора. Он позвонить должен. Сказать, что там выяснилось с вашими капельками, помнишь?

Настя кивнула под покрывалом головой.

– Да, помню. А я посплю, наверное. Хотя мне не очень хорошо. Дышу, будто соплей в носу много. Трудно. Справлюсь.

Сергей положил на укрытое плечо свою ладонь и стал мягко похлопывать ею в такт дыхания дочери. Уже через минуту он почувствовал, как лежащее перед ним тело расслабилось. Ещё некоторое время он держал свою руку поверх одеяла, затем встал, с хрустом потянулся, и в этот момент на столике замигал лампочкой стационарный телефон, переведённый кем-то в бесшумный режим. Сергей взял трубку:

– Да. Говорите.

В трубке зашелестел взволнованный голос Рудина:

– Сергей, доброй ночи, это я, вы не поверите, что мне сообщили по результатам анализа капель. Вы слушаете?

– Я весь в трубке, Роман.

– Вы ели сегодня? А спали хоть чуть-чуть?

– Роман, давайте вашу бомбу. Потом я пойду пить чай и что-нибудь съем. Дети спят.

– Вы понимаете, это чёрт знает что снова. Дело в том, что наши химики там сначала ничего не нашли, разумеется, колбочка пустая, потом её начали уже и физики в оборот пускать, так вот совместными усилиями они наконец отыскали способ измерить пустоту в колбе на предмет частиц и волн. Ну, чтобы понять, что там внутри от материи осталось. И обнаружили, что там целый хоровод из электронов и фотонов, которые долбили друг о друга, как сумасшедшие, обмениваясь энергией. Как это происходит, они и сами толком не поняли, но эта колбочка уже и не колбочка вообще, а почти батарейка. Вы понимаете?

– Да. Там свет.

– Что?!

– Свет. Там внутри свет звезды. Её часть.

– Вы как это поняли? Вы физик?

– Я не физик. Просто интуиция. И вы мне мою интуицию сейчас подтвердили. А подумал я об этом, когда увидел ползущие из носа сына капли. И ещё когда смотрел, как он весь словно высвечивался изнутри.

– И как вы, скажите пожалуйста, всё это объясняете?

– Они теперь сами звёзды.

На другом конце послышался шум, короткий удар, и всё стихло. Сергей держал трубку в руках, ожидая повторного сигнала. И телефон зазвонил.

– Сергей, извините, я трубку уронил, пропади оно всё пропадом!

– Ничего. Я и сам не особенно в себе.

– Вы вообще понимаете, что вы говорите?! Я теперь ни грамма не знаю, что со всем этим делать. Если у вас есть советы, я выслушаю.

– Поговорите с родителями ребятишек, которые находятся у вас в институте. Отсеивайте детей с каплями от тех, у кого их нет. Звезда метила своих переносчиков. Разбрасывала себя своими вспышками и в кого-то попадала, кого-то просто обожгла. Не все дети с её светом. Я уверен, что те, которые разбились, его не имели. Но сейчас она будет высвобождаться и собираться здесь из тех, в кого ей удалось попасть. Прыгать или взлетать, я не знаю, что там произойдёт, но это смогут только те, кто несёт в себе её свет. Пустые разобьются. Удержите их. Изолируйте, закройте, свяжите. Остальным, у кого есть капли, не препятствуйте. Они знают, что делать.

– А вы? Будете просто ждать?

– У меня нет другого выхода. Но ещё в одном я уверен, Роман... сегодня утром – последняя вспышка звезды. Их уже было несколько, все они происходили либо поздно ночью, либо ранним утром перед восходом солнца, и под них попадали те трое, что исчезли, помните? Всё должно случиться именно в это время. Ни раньше, ни позже. Я не знаю, как вы там будете за этим следить, если мы понятия не имеем, как это выглядит. Но всё должно быть вовремя. Это как успеть на поезд, к примеру. Если поезд уйдёт – бежать за ним уже глупо. Необходимо использовать время, которое Звезда предоставляет. Это время "ворот".

Слабый шум со стороны дивана заставил Сергея резко развернуться. Настя сидела под скомканным одеялом и делала ладонью призывные движения. Отведя трубку в сторону, Сергей наклонился к ней:

– Говори, малыш...

Её голос звучал чисто и ровно, настолько естественно, словно записанный на магнитофонной плёнке:

– Папа... скажи ещё... дети должны решаться сами. Только сами. Никто не должен их убеждать. Они должны этого хотеть. Без желания не получится. Они просто не пройдут.

Сергей поднял трубку к уху и спросил в тишину:

– Вы слышали, Роман?

– Да, слышал. Я побегу. Разделять детей и говорить с родителями. А вы... Сергей... чёрт возьми! Не знаю, что сказать!

– В порядке, Роман. Позвоните утром. Не знаю куда. Удачи вам. И спасибо.

Он положил трубку и увидел в широком окне лоджии бурое зарево рассвета.

– Ну вот и всё, ребята. Теперь наш выход.

Глава двадцать вторая. Время!

Полумрак комнаты медленно разбавляло вливающееся с балкона зарево рассвета, ползущего по полу, словно вулканическая лава. Он выглядел по-настоящему агрессивным, этот рассвет, единственный из всех прежних, который не хотелось видеть. Сергей неподвижно сидел в кресле и не сводил глаз с лежащих на диване детей, в сотый раз перемешивая в голове мысли, фантазии, загорающиеся картинки, недавние диалоги и собственные страхи, которые стали настолько осязаемыми, что их можно было грызть.

– Как же всё это будет... сижу как дурак... вот дрянь... как же это всё...

Он повторял эти слова, словно мантру, попеременно останавливая взгляд то на светлеющем проёме балкона, то на лежащих перед ним детских фигурках.

– Бред, можно подумать, что это вообще случится. Конечно... а как же иначе... обязательно и ещё как. Вот только углядеть бы, узнать и успеть. Куда успеть? Что узнать? Пропади она тихо... ваша гуляющая где попало звезда.

– Уже па-а-ахнуть начинает, пап.

Сергей развернул голову настолько резко, что у него снова, как уже было однажды, заныла шея. Настя сидела на краю дивана, свесив чёрные ноги почти до пола и крест-накрест держась за края своего белого халатика.

– Настёнка... проснулась... что? – он переспросил, когда смысл сказанного всё-таки дошёл в его всячески забитую голову. – Что пахнет? О чём ты?

– Не знаю, за-а-апах неприятный. От него проснулась.

Настя говорила, зависая на некоторых гласных, словно спотыкаясь о произносимые буквы, и Сергей не сразу переключился с её новой манеры говорить на то, что она только что сказала.

– Запах? Что за запах, какого ещё запаха нам тут не хватало... – говоря это, он встал из кресла, коротко оглядываясь по сторонам, словно ожидая какой-то западни. И уже подойдя к дивану, почувствовал характерный запах сероводорода.

– Что же нам звёздочки уже свою атмосферу предлагают? Я не готов... не готов я, – он шептал нервно, лихорадочно поворачивая тело дочери из стороны в сторону, ожидая увидеть в ней ещё какие-то изменения и, почти с восторгом, не находил ни одного. Только этот характерный запах, слабым ручьём разливающийся сейчас от дивана по всей комнате, и Сергей почти интуитивно ощутил, что то же самое исходит и от сына.

– Настёнка, укройся. Укройся, дочка... закутай ножки.

– Что это, па-а-апа? Это мёртвый запах, да?

Сергей уселся перед дочерью на пол, стёр ладонью с её лица несколько сразу растворившихся в воздухе белых капель и, сдерживая голос, почти спокойно сказал:

– Нет, Настёнка, это не мёртвый запах. Это обычный сероводород. Звёзды, насколько я знаю, состоят, кроме всего прочего, из водорода. А ты теперь у нас Звезда, – говоря это, Сергею удалось даже улыбнуться, – но сам водород не пахнет, вроде. Наверное, вы какие-то особенные звёзды. Хотя, скорее всего, я просто тупица по части строения звёздных тел. Да пошло оно, дочка, я слегка не в себе. А мне нельзя. Понимаешь, малыш? Нельзя мне.

Сергей поймал себя на мысли, что ему очень хочется забаррикадировать балкон, двери и вообще всё, что могло быть использовано в качестве выхода из номера. Он ждал. Дочь коснулась тёмной ладошкой его руки:

– Па-а-апочка... ну, потерпи. Я тебя очень люблю... очень-очень... ты же зна-аешь...

Что-то происходило со временем. Оно словно закручивалось в тугую спираль, в которой, казалось, можно было прищемить палец, просто выставив его в воздух. Сергей не понимал, что происходит. Он словно со стороны смотрел на свою дочь, говорящую эти её последние слова, и видел голубые тонкие нити, вытягивающиеся из её рта. Эти нити горели, как будто вольфрамовые, накаливаясь каждый раз, когда Настя произносила новое слово. А после заключительного произнесённого звука тонкая ниточка растаяла в воздухе в сантиметре от чёрных губ, осыпавшись голубыми и зелёными искрами, через которые девичье изображение дрожало водной рябью.

– Укройся, дочка, ты что-то дрожишь... не бойся... я решусь. Про Петьку тоже помни.

Он не знал, на что он должен решиться. Затравленно смотря в то место, где только что рассыпались голубые искры, он всё ещё ждал хоть чего-нибудь, что могло помочь ему сориентироваться в этой бездарной ситуации, в которой он видел свою дочь, говорящую цветными светящимися нитями.

– Па-а-апа... мне надо это сделать... прямо сейчас. Время, пап.

Сергей ответил поспешно, словно ожидая эту фразу:

– Подожди, дочка... что-то я пока не могу. Дай мне ещё пару минут. Укройся... я сделаю чай, твой любимый, с имбирём.

Снова с усилием придав голосу шутливое выражение, он добавил:

– Даже шоколад ещё есть. Петька не нашёл, я его в шкафу спрятал.

Настя коротко рассмеялась своим обычным смехом, похожим на звон серебряных колокольчиков, разбрызгивая изо рта короткие, горящие изумрудом, нити, после чего Сергей встал, чуть не потеряв равновесие, и подошёл к столику в середине комнаты, на котором стояло всё необходимое для чая.

Он знал, что это произойдёт. Даже чувствовал, что произойдёт это именно сейчас. И всё же он не был готов, когда за его спиной раздался тихих голос дочери:

– Папочка... я пошла.

Развернувшись всем корпусом, Сергей увидел, что Настя стоит спиной к нему на самом краю перил, держась одной рукой за стену, а другой зажимая на груди бьющийся от ветра халатик. Сергей смотрел на неё и не мог двинуться с места.

– Доченька... малыш...

Не оборачиваясь, Настя оттолкнулась от стены и белым комком полетела вниз.

Из горла отца вырвался сиплый крик, смешанный с выталкиваемым воздухом, дурацкий и ненужный, словно хрип порванного аккордеона. Он рванулся к балкону, опрокидывая поднос с разлетающимися чайными чашечками и бедром отбрасывая стеклянный столик. Время, казалось, снова стремительно замедлило привычный бег, он почти физически ощутил бесполезность своего рывка, и сознание подсказывало ему, что он не успевает, не успевает он, двигаясь вот так, словно во сне, в котором он натужно продирался сквозь висящие в воздухе осколки чашек, через горячие кляксы чая, разбивающиеся о его лицо и оставляющие на коже мокрые пятна. Он напрягал все свои силы, все звенящие от напряжения мышцы, чтобы пересечь эти четыре метра до лоджии, эти четыре бесконечных метра, ставшие сейчас его самым тяжёлым препятствием к возможности удержать хрупкую фигурку, падающую в эти мгновения с высоты двенадцатого этажа, проваливаясь в позвавшую её бездну.

Схватившись за алюминиевые рамы дверного проёма, он вырвал себя из комнаты, пытаясь удержаться на ногах от сильнейшего головокружения, бросил своё тело к задрожавшим от удара перилам и уже где-то возле нижних этажей увидел свою дочь, летящую, словно маленький

камушек, завернутый в бьющийся на ветру платок. И в этот момент, когда он не отрываясь смотрел вниз, бешено раскрыв глаза и беззвучно расщепляя в крике губы, мимо его головы пронеслось что-то пестрое, сопровождаемое толчком воздуха и заслонившее собой белую фигурку внизу. Сергей машинально перевел взгляд и успел разглядеть закутанную в разноцветный свитер девочку-подростка, в светлых коротких штанишках, из которых торчали угольные ступни. Непроизвольно вскинув голову наверх, Сергей посмотрел на закругляющуюся линию фасада гостиницы, и увидел падающих детей, в разноцветных одеждах, разных возрастов, мальчиков и девочек, молча летящих в мёртвой тишине, раскалываемой только звуком бьющейся на ветру ткани их одежд. Их было много... восемь или десять детских тел... с различных этажей, балконов или окон, в некоторых из которых были видны чьи-то руки, протянутые в отчаянной попытке кого-то или что-то удержать.

Снова резко уведя взгляд вниз, Сергей успел увидеть белый силуэт дочери в момент её касания с землёй, когда от маленькой фигурки, оставляющей в полёте сверкающие бусы разлетающихся во все стороны белых капель, вдруг растянулись ослепительные лучи света, ударившие по глазам невероятно интенсивной вспышкой, погрузившей всё вокруг в шевелящиеся фиолетовые круги. Сразу за этой вспышкой последовала вторая, затем третья, и всё побережье озарилось разливающимся серебром, вспыхивающего свежим пульсом внутри каждого нового удара. "Столько мальчиков и девочек... и все куда-то летят. Мы тоже полетим?" – голосом сына взорвалось у Сергея в памяти.

– Звездопад. Это же звездопад, – прошептал он, смотря на горящие осколки внизу, словно с неба падала исполинская радуга, разбиваясь на миллион маленьких, разноцветных частей, отлетающих от земли, лопающихся в полете и превращающихся в мгновенно гаснущие маленькие вспышки, в пыль, в ничто.

Сергей бросился назад, в комнату, где спал сын, и увидел его сидящим так же, как совсем недавно сидела Анастасия, свесив ноги до пола и зажимая на груди наброшенное на плечи лёгкое покрывало. Даже от балкона было видно, как пылающими дорожками по угольным щекам стекают крупные белые капли и тут же тают в воздухе, отчего казалось, что вокруг головы мальчишки светится овальной фирмы серебряный нимб. Сейчас Петька уже не был похож на грязного мальчугана. Это была перекрашенная в непривычные и неправильные цвета икона, на лице которой горел совершенно недетский взгляд.

Выхватив сына из постели вместе с одеялом, Сергей прижал его к себе, целуя протекающие белым соком глаза:

– Петенька, сынок, и ты тоже! И ты уже совсем готов, – торопливо поглаживая сыновье лицо, Сергей нервно шептал, всматриваясь то в чёрные глаза, то на окрашивающееся розовым утреннее небо за окном, – просыпайся, ты мне очень нужен!

– Мы прыгаем, да, пап? А Настя уже прыгнула?

После этих слов магия иконы словно расклеилась перед глазами Сергея, и он увидел своего сына, почти физически почувствовав за его смолистым взглядом обычный детский страх.

Мальчишка сидел, не двигаясь, обхватив руками отцовскую шею, и повторял:

– Нам тоже надо, да?

– Надо, сынок, надо, маленький. Но нам необходимо, чтобы ты этого захотел сам, тогда мы прыгнем вместе, сынок, мы пойдём к Насте, нам тоже надо к ней, ещё несколько секунд, максимум минута, и потом мы уже не сможем, и мне придется смотреть на то, как с тобой здесь будет что-то происходить, понимаешь? Я не могу оставить тебя, а ты не сможешь пойти со мной, если ты этого не захочешь, и я не могу уйти без тебя, потому что я этого не хочу, ты должен решить сам, малыш, ты должен сейчас решить, как маленький мужчина, если ты мне веришь, если ты хочешь, чтобы мы снова все были вместе, скажи мне сейчас, что мы с тобой идём за твоей сестрой!

Сергей с жаром говорил прямо в лицо сына, остановившись на последнем звуке и замолчав, не имея сил сказать больше ни слова. Петенька смотрел на него не мигая, по-прежнему обнимая его шею руками и тоже молчал. И когда Сергей уже был готов закричать от отчаяния, наблюдая разгорающийся рыжим цветом горизонт, он наконец услышал:

– Мы же не умрем, правда? Ты всегда говорил, что когда ты рядом, с нами не может произойти ничего плохого, так? – мальчишка помолчал несколько секунд, словно ожидая подтверждения своим словам, и добавил: – Пап... пойдём к Насте, только ты меня не отпускай, я немножко боюсь, я глаза закрою, ладно?

Он сказал это шёпотом, пискнув последние слова почти по-щенячьи, вопросительно кивнув головой, и Сергей вспомнил, как вчера на этом же самом месте его сын сдерживался, кусая губы, чтобы не заплакать.

– Идём, сынок, всё будет хорошо, моё тебе слово, – шептал Сергей, неся сына на руках и выходя с ним на лоджию, – моё тебе слово... закрой глаза и почувствуй мои руки... я буду крепко тебя держать... крепко держать... ещё бы. А иначе зачем тогда папы на свете.

Мальчишка уткнулся головой в грудь отца, изо всей силы обхватив его плечо руками, и Сергей, вставая на стул и одной ногой опираясь на перила, укрыл лицо сына углом одеяла, крепко обнимая маленькое тело и ещё раз быстро осматривая край горизонта. А там, в рыжем свете утреннего солнца, ослепительно загорались откуда-то сверху падающие лучи, в которые тонкими струйками вплетались пёстрые лохмотья только что произошедших разрывов и поднимающееся вместе с ними белое звёздное молоко.

– Время потухать старой звезде... время загораться новой звёздочке... – почти неслышно пробормотал Сергей, убирая с лица сына угол одеяла, – скажи "ю-ху", сынок. Потому что это будет что-то замечательное.

Петька упёр в отца один чёрный глаз, полностью закрыв второй, через веки которого одна за другой нескончаемой чередой протекали белые капли:

– Ю-ху... но глаза я всё равно закрою, ладно?

– Так это же совсем другое дело, родной мой...

С этими словами Сергей ещё плотней прижал сына к себе и, сильно оттолкнувшись ногами, полетел прямо в лучи только что родившегося солнца.

Эпилог

Открывать глаза не хотелось. Состояние полнейшей разобранности во всём теле препятствовало любому движению, и единственным желанием было вообще ничего не делать. Совсем ничего. Промучившись с неспособностью принять какое-то внятное решение, Сергей всё-таки с усилием разлепил веки и некоторое время бестолково шурился, пытаясь сквозь слипшиеся ресницы понять хоть что-нибудь в расплывающемся перед ним свете. Через минуту пустого созерцания он не без труда полностью раскрыл глаза, исказив лицо гримасой человека, которому не дали толком поспать. Он сидел в кресле, лицом к балкону, и смотрел в экран телевизора, затянутого пургой белых и чёрных точек. Упёршись руками в мягкие подлокотники он встал, оглянулся по сторонам в поисках пульта от телевизора, нашёл его там, где эта вечно теряющаяся дрянь и должна была быть – в складках этого же кресла, не без труда вытащил пластмассовую коробочку и выключил беззвучно мелькающий экран. Затем взял со стеклянного стола одну чайную чашку, повертел её в руке, убедившись, что она непоправимо и бесполезно пустая,

посмотрел в оставшиеся на столике другие две чашечки, заторможенно понимая, что и в них ничего хорошего нет, с недовольной гримасой поставил свою чашку обратно, одновременно прислушиваясь к тишине в детской комнате. Несколько секунд он стоял в этом положении, почти не двигаясь и со слегка склонённой головой, поочерёдно закрывая и открывая усталые глаза, настраивая их резкость, и вдруг сжал веки, словно пытаясь удержать в голове что-то неожиданно залетевшее и пульсом забившееся в висках. Он зажмурился настолько сильно, что перед ним поплыли зелёные пятна, перемешиваясь, как в калейдоскопе, ускоряя своё движение до тех пор, пока белая вспышка не превратила всё в одно слепящее пятно, из которого в его голове рассыпающимся шорохом раздалось слова: "Папа... ты идешь?!"

Этот голос навалился на него холодной волной, мгновенно смыв всю прежнюю разобранность и сонливость, выдавливая через плотно сжатые губы глухой стон. Он открыл глаза, в несколько широких шагов достиг дверей комнаты и сильным рывком её распахнул.

– Ты напугал меня, пап, – смеясь, проговорила Анастасия, усаживаясь на край постели и смотря на отца заспанными, весёлыми глазами. – Ты что, не спал совсем?

Сергей обессилено уселся на постель рядом с дочерью и почти виновато посмотрел в смеющееся лицо. Ещё минуту назад он, ворвавшись в комнату и на секунду остановившись перед её кроватью, сорвал одеяло со спящей фигурки и лихорадочно ощупывал лежащее тело, пока удивлённо открывшиеся глаза и знакомый голос не вернули его к действительности. Сейчас он сидел на полу и пытался понять, какого черта он был так взбудоражен. Голова гудела от выталкивающих друг друга мыслей, одни невозможные картинки сменяли другие, а он сидел, смотрел на свою дочь, невпопад отвечая на её вопросы, и сдержанно улыбался.

– Вот, Настён, до чего доводит людей неспособность спать ночами. Но если бы ты знала, что ты пропустила. Хотя, лучше тебе этого не знать.

Он повернул голову к другой постели, на которой лежала замотанная в простыни, наволочки и одеяла маленькая мумия, отпустил руку дочери, заговорщицки приложил указательный палец к губам и подошёл к спящему сыну. Осторожно убрав край одеяла с его лица, Сергей тут же услышал сонное бормотание: "Ну, чего опять... не буду вставать... у меня отпуск..." – после чего одеяло волшебным образом вытянулось из рук отца, снова закрыв лежащую мумию с головой. Сергей улыбнулся и направился к выходу, пару раз тряхнув головой, словно стараясь сбросить привидевшийся ему дурман:

– Вставайте, пираты. Я пока сделаю чай. Или какао. Кто-нибудь хочет какао? Да, лучше какао.

Не дожидаясь ответа, он толкнул рукой дверь и вышел из комнаты.

Распространившийся по дому шоколадный запах вытащил детей из постелей. Анастасия вышла с невообразимым бардаком на голове, оглядываясь по сторонам и морща лоб, будто видела эту комнату впервые. Закрывшись в ванной, она через некоторое время появилась оттуда с зубной щеткой во рту и полотенцем на голове и спросила, выпуская белые пузыри:

– Пап, а какой сегодня день?

– Воскресенье, – ответил отец, провожая взглядом снова скрывшуюся за дверью ванной фигурку, и добавил тихо: – Вот почему называют Воскресение... вот почему.

Петька деловито притопал, словно римской тогой обмотавшись собственным одеялом, удобно сел на диван и, дотянувшись до пульта, включил телевизор.

Сергей смотрел на происходящее, как в кино. Он подошёл к сыну, молча коснулся его лица, осторожно поглаживая пальцами тёплую кожу щёк, на которых ещё оставались следы от подушки.

– Что, пап? Ну, хорошо, хорошо... Я сейчас пойду умываться... и зубы чистить... – мальчишка добавил это после того, как отец, поставив перед ним стаканчик с какао, попытался осмотреть его плечи. Настя вышла из ванной, с расчёсанными волосами и влажной физиономией, на которой плясала довольная улыбка:

– Папа, так рано, а уже тепло... пойдём на балкон, я тебе свой сон расскажу. Такое даже мне снится редко.

Они вышли наружу и Настя остановилась на пороге, замолчав на полуслове, нащупывая отцовскую ладонь и, не отрываясь, смотря вверх. Уже почти зная, что он сейчас увидит, Сергей проследил взгляд дочери и не смог сдержать удивлённого возгласа:

– Вот это да...

Там, в утреннем тёмно-синем небе, цвели фантастические краски, похожие на холмы разноцветного стекла, освещённые восходящим солнцем. Сергей смотрел на эту цветовую феерию, и в голове у него снова раздались звуки и голоса, но уже откуда-то издалека, как шум проезжающей внизу машины, почти не задевая его сознания.

После нескольких минут восторженного созерцания разливающихся по небу красок, Настя повернулась к отцу и, привычно наклонив голову вбок, снизу вверх уставилась на него долгим вопросительным взглядом. Смотря в её огромные зрачки, ставшие для него больше всего видимого неба, Сергей в доли секунды увидел череду картинок, пронесшихся перед ним как в быстро

запущенной ленте яркого фильма, оборвавшегося беззвучным взрывом невероятной красоты, рассыпающим по небу тающие следы порванных облаков.

– Пап... Это же она? Это была она, да? – не сводя с отца глаз, почти шёпотом проговорила Анастасия.

– Да, Настён... это была наша Звезда... то, что от неё осталось. И сейчас она там, где ей положено быть.

С волочащимся за ним одеялом на лоджию пришлепал Петька, с мокрыми волосами и зубной пастой на губах.

– Вот это да! – словами Сергея воскликнул он, показывая пальчиком на небо. – А мне сегодня снилось то же самое, вот точно так же, пап, чего там только не было, страшилища даже, и даже танки, мне было страшно, немножко, совсем чуть-чуть, но я знал, что всё будет хорошо, потому что ты мне так сказал, а мы идём купаться или нет?!

Сергей присел, обнимая неумолкающего сына, затем другой рукой притянул к себе дочь, накрыл обе фигурки Петькиным одеялом и встал над ними, положив свои руки поверх детских плеч. Тихий голос Насти прозвучал тогда, когда он мысленно задавал себе тот же самый вопрос:

– А в каком мы сейчас мире, в том или в нашем?

– Неважно, ребятки, – ответил отец, сжимая плечи детей своими ладонями и не отрывая взгляда от небесной иллюминации. – Главное, что вы в порядке и мы вместе. Это делает любой мир, где мы находимся, каким мы этого захотим.

ГС